ОСВОБОЖДЕНИЕ ИСЛАМА (сборник текстов)
Москва 2004

ОРИЕНТАЦИЯ - ИСЛАМ, ИЛИ НАЗАД В БУДУЩЕЕ

Журнал «Человек» № 3, 1999т.

Беседу вела Злата Островская.

— Гейдар Джахидович, вы являетесь шиитом, а это, как известно, меньшинство в мусульманстве, составляющее немногим более десяти процентов в уже миллиардном числе приверженцев ислама. В чем состоит различие между суннитами и шиитами?

— Основное различие между ними — это отношение к вопросу о верховной власти в исламе. Сунниты ("ахл ас-сунна" — люди традиции) считали, что главой должен быть только выходец из племени курайш, а шииты ("ши ат Али" — партия Али) — что им может быть только прямой потомок халифа Али, зятя Мухаммада.

Эти различия обусловлены тем, что они решали разные задачи в объеме такого глобального явления, как исламская цивилизация. Скажем, последователи четвертого халифа Али сохраняли верность внутреннему духу ислама, в то время как аббасидские халифы[2] занимались геополитическим строительством в масштабе Евразии, расширяя границы халифата… Разные задачи решались, и на каком-то этапе истории это разделение закрепилось. Эти различия уже изживают себя. К тому же, когда это необходимо, внутреннее и внешнее совпадает. Внешняя динамика и внутренняя истина должны превратиться в одно.

— Должны… Жизнь показывает пока другое. Пакистан, например, или Афганистан…

— Мы живем через долженствование, через морально мотивированные проекты благого, потому что жизнь строится через реализацию проектов. При том, что существует энтропия, второе начало термодинамики, существует сопротивление среды, сопротивление человеческой глупости, существует сопротивление людей, которые заинтересованы в "status quo", — это уже вопрос духовного испытания — может человек реализовать свой проект или не может. Если он не может — стало быть, в корзину истории, она полна мегаломанами, которые ставили грандиозные задачи и не могли их решить.

— Можно ли, с вашей точки зрения, провести какие-то параллели между историей раскола в христианстве и в исламе? И в какой степени можно шиизм не то что соотнести, но хотя бы сравнить с православием?

— Как всегда, такого рода аналогии будут грешить натяжкой, определенной поверхностностью.

Во-первых, первоначальные импульсы раскола христианской церкви на восточную и западную были более внешнего порядка, и идеологическая подоплека была не столь принципиальной, но потом стали уже работать над углублением этого раскола… Основания этого раскола были не столько в христианстве, сколько в наличии двух Римов. И Восточный, и Западный Рим были, в общем-то, представителями фундаментально различных проектов, и христианская церковь пошла в одном случае за нехристианским проектом — за Римом кесаря, создав цезаро-папизм. В другом случае это был проект восточной монархии, восточной империи, то, что мы называем теперь византизмом, и в данном случае церковь просто пошла на поводу у тех сил, которые существовали до нее исторически.

Что касается ислама, то здесь причиной был, на самом деле, очень принципиальный вопрос об авторитете. Откуда источник духовного присутствия, что создает духовное присутствие в мире и что такое авторитет? Демократическое волеизъявление религиозной общины? Некая фактология — “кто палку взял, тот и капрал”? Или это непосредственно воля Бога, прямые Его указания? Вопрос сводится к этому. С точки зрения шиитов, вопрос о верховной власти не может решаться волеизъявлением общины, не может решаться голосованием.

— *Верховной власти духовной или политической? И как он может решаться?*

— А вот в исламе между ними нет разницы. Потому что в исламе нет клерикального аппарата. Тот, что существует сейчас де-факто, — муллы, духовные управления и т.п. — не легитимен, у него нет легитимной базы. Дело в том, что в исламской философии существует несколько подходов к верховной власти, которые оформились еще в первые века Ислама: на первый взгляд, они исключают друг друга.

Один подход — хариджитский, по нему верховная власть должна принадлежать тому, кто проявил инициативу взять эту власть, способен владеть ею, кто способен защитить исламскую общину от внешних и внутренних угроз. И хотя хариджиты сейчас исторически не существуют, тем не менее у многих в подкорке сидит этот хариджитский подход, он перешел в коллективное бессознательное.

Традиционный суннитский подход — это халиф, наместник, который выбирается всей общиной и который должен быть обязательно из рода курайш, из рода Пророка, т.е. он является наместником и продолжателем Пророка. Вот с халифатом проблема. Халиф — это заимствование из другой совсем идеи. Это — жрец-император, это языческая идея. Эта идея не является исламской, ее ошибочность была подтверждена исторически, потому что халифат потерпел поражение от язычников, от монголов. И все проблемы мусульман, и тяжелейшая психологическая травма идут оттуда. После монгольского завоевания мусульмане были полностью выбиты из колеи.

Шиитский подход заключается в том, что Пророк попросил Бога (в виде исключения) очистить людей Его дома — это Али, Фатима и их дети Хасан и Хусейн. Эта милость распространяется на 12 Имамов, из которых Али, Хасан и Хусейн были первыми, а последний — 12-й имам, на котором эта цепь прекращается, является живым, находящимся среди нас все это время в сокрытии, чтобы явиться в последний момент истории.

На мой взгляд, исторически так сложилось, что все эти точки зрения мусульман заключают в себе определенный момент правоты и дополняют друг друга. Их кажущаяся несовместимость обнаруживается, только когда мы все это берем в одной плоскости — либо праведный имам, либо халиф, либо проявивший инициативу авантюрист, который с самыми благородными намерениями эту власть захватывает. Эти позиции существуют в разных плоскостях, и, существуя в разных плоскостях, они на самом деле дополняют друг друга.

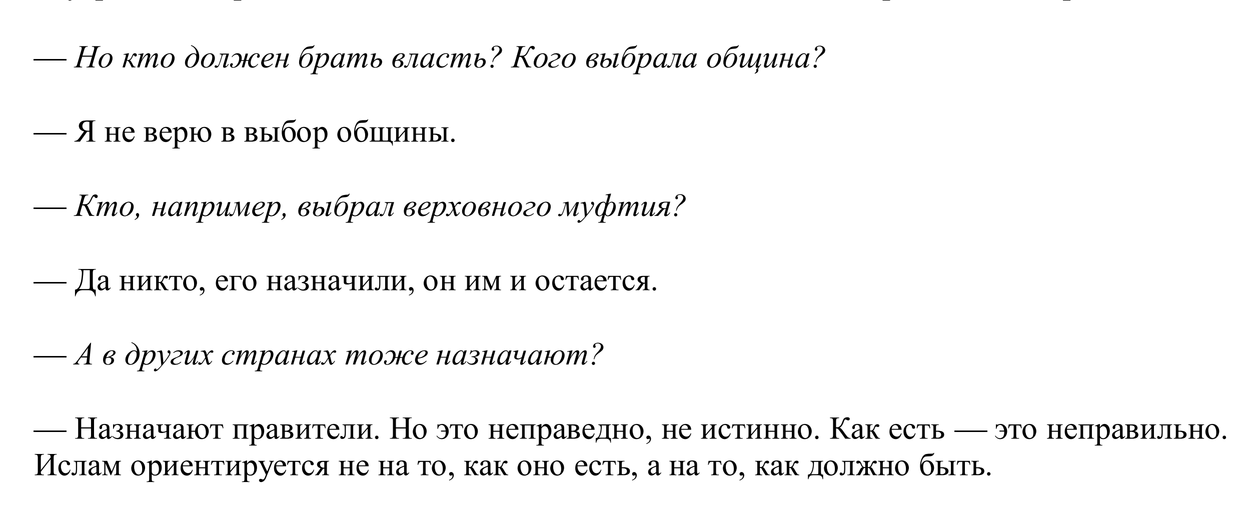
Власть, чтобы быть подлинно реальной, конечно же, должна носить внечеловечески учрежденный характер. Власть же, которая является выборной, — vox populi — vox Dei, — просто отменяет смысл ислама. Если человечество признает себя коллективной теофанией, правомочной самоуправляться в вечности, т.е. назначать себе правителей, и Всевышнему остается только подтверждать этот выбор людей, тогда весь ислам оказывается за бортом; это несовместимо.

Согласно исламу, люди созданы для того, чтобы поклоняться Богу и выполнять предначертания, которые являются Божественным Провидением, неким знаковым, смысловым испытанием на пути; авторитет должен исходить непосредственно от Самого Бога. Но люди сегодня не находятся на таком уровне, когда они способны вынести в своей среде живое присутствие божественного авторитета. Помните легенду о Великом Инквизиторе Достоевского? Приходит Христос в небольшой городок, его тут же арестовывают, начинают судить, вопрошая, зачем он пришел… Существует некая несовместимость между реальными людьми и непосредственным явлением… божественного авторитета.

Этот вопрос разрешается в присутствии сокрытого имама. Насколько современный человек, знающий о существовании Эйнштейна, может верить или не верить в то, что реально сокрытый имам существует среди нас, живых, столько лет, сколько будет угодно Богу до Судного дня, — это вопрос, не имеющий отношения к делу. Потому что, с нашей точки зрения, Иисус Христос тоже жив, Он находится у Бога, взят Им вверх и тоже явится во время великой битвы с антихристом, — будет Его второе пришествие. Мы в это верим. И какая разница: сокрытие вверху или сокрытие среди нас — это раз. Во-вторых, это соответствует фундаментальной эзотерической традиции о сокрытых мэтрах, о так называемых Великих неизвестных, которые находятся среди нас. На самом деле единственным подлинным великим неизвестным, знаковым неизвестным, является сокрытый имам, общение с которым возможно, потому что некоторые удостаиваются этого… контакта.

Но это не значит, что другие политические теории ислама оказываются за бортом. Имам есть, но он сокрыт, его власть существует, но она оказывается в виртуальной реальности. Что же должно быть в физической реальности? Должно быть приготовление к его приходу, то есть должно быть деяние общины, которая в лице своих лучших представителей берет на себя инициативу создавать условия для его появления, своими действиями образовывать некое поле, в котором духовно невозможна реализация легенды о Великом Инквизиторе, — имам может проявиться и стать вождем, если существует поле, которое его ждет, приемлет в себя.

Таким образом, оказывается совершенно реальным, что разные позиции — и сокрытый имам, и инициатива по взятию власти не исключают, а дополняют друг друга, только на разных уровнях. Да, мы должны брать власть и организовывать политическое пространство под сокрытого имама в ожидании того, что его приход удостоверит внутреннюю правильность наших действий — и если мы не правы, он не придет.

— *Но кто должен брать власть? Кого выбрала община?*

— Я не верю в выбор общины.

— *Кто, например, выбрал верховного муфтия?*

— Да никто, его назначили, он им и остается.

— *А в других странах тоже назначают?*

— Назначают правители. Но это неправедно, не истинно. Как есть — это неправильно. Ислам ориентируется не на то, как оно есть, а на то, как должно быть.

— Значит, сегодня, в конце XX века, в исламских странах религиозные руководители назначаются, и это неправильно?

— В исламских странах это происходит антиисламским способом.

— А как тогда верующий должен относиться к верховным муфтиям, духовным управлениям и т.д.?

— Это просто самоучредившиеся чиновники, которые пользуются определенными брешами в менталитете сложившейся мусульманской общины (не только у нас — везде). Пророк не создавал новое духовенство вместо старого, он был окружен сподвижниками, людьми, которые ему поверили и готовы были умереть за истину, вновь восстановленную, возвращенную истину нашего праотца Авраама. Это чисто авраамическая традиция, и мы ее разделяем с нашим Пророком. Эта истина вновь и вновь бросается в лицо языческому многобожному зверю, золотому тельцу, Риму и т.д. Сахабы поверили в это…

— А пример аятоллы Хомейни? Он был, как известно, и духовным главой, и главой государства… Как он вышел на вершину власти, это понятно, но вот он умер…

— Это как раз непонятно, как он вышел, как он самоназначился. Иран — многонациональная страна, в антишахском движении лидировали два потока: религиозное движение и либерально-демократическое — прозападной интеллигенции. Второе было сильнее первого, организованнее. Приезжает Хомейни, садится в Джамаранг[3] и начинает фактически осуществлять власть. 90% духовенства было против Хомейни, они были одновременно и против шаха, и против революции. Интеллигенция, студенты, армия — все было против. В любой другой стране (я участвовал в революции в Таджикистане, видел, как это делается в Чечне, видел, как все проваливается, как гибнут надежды и все разъедает энтропия) этого бы не произошло. Проходимцы, приспособленцы и прохвосты на корню перехватывают инициативу жертвенных людей (опыт и историческая память великих революций подтверждает это), которые проливают кровь… В Иране этого не случилось. И Хомейни считал, что это чудо. Правда, сейчас там другая ситуация, но удалось создать отдельный великий образ — исламская революция, которая побеждает. Это — урок…

Вы знаете, что аятолла Хомейни был духовным лицом. Он родился, возрос и состоялся в корпоративной системе шиитского духовенства Ирана — это один момент. Второй — это личность Хомейни, которая бесконечно перерастала все рамки. Говоря о духовенстве, он сказал: “Я могу понять даже проститутку, но я никогда не прощу попов, не прощу духовенство, которое предало ислам, которому нет прощения и нет понимания”. Потому что (возвращаясь к первоначальному тезису о верховной власти) Пророк не формировал касту жрецов, он был окружен сподвижниками, которые приходили из разных классов общества, и всех он превратил в единый орден, в единую армию людей, одержимых только одним духом — служения истине, служения Богу Авраама, Исаака, Иакова, Иисуса. Иисуса истинного, опять же, не того, который был придуман корпорацией тех, кто узурпировал право толковать. Поэтому (еще раз!) в исламе нет разницы между духовным и светским. Пророк Мухаммад был универсальным лидером, но было бы ошибкой отождествлять его статус с первосвященником либо с монархом, возвращающими к старым накатанным языческим образцам типа китайского императора, который являлся медиатором между небом и землей и которого вывозили раз в год объезжать 9 сакральных провинций.

Речь идет о реальной, живой и драматической истории человечества, потому что авраамизм и ислам как его восстановление внес чисто экзистенциальную струю в человеческую метафизику. Сам Пророк называл исламом религию Ибрахима (Авраама), которая существует уже 4300 лет, пробиваясь, восстанавливаясь через выходящих из его Дома пророков, которые борются в окружении зверя…

— *Тогда непонятно, почему ислам не находится в гармонии с христианством или хотя бы с иудаизмом…*

— Мы говорим о реальной традиции. Реальная традиция переживает перипетии.

Что касается христианства, хочу вам напомнить (может быть, этот факт не приходил вам в голову), что 90% мусульман Ближнего и Среднего Востока имеют христианских предков. Когда войска халифа Омара (несколько тысяч бедуинов) вошли в Византию, что было вокруг них? Христианское море. Византия тогда занимала почти все: Малую Азию, Ирак, Сирию, Египет, Ливию, Тунис (блаженный Августин был родом из Туниса), всюду были монастыри. Проблема была в том, что было два христианства — низовое христианство Христа, которое шло от апостолов, и церковное корпоративное христианство Павла, которое уже опиралось на императора. Была страшная борьба. Жесточайшая война велась с христианами-унитарианами, которые исповедовали единобожие (об этом никто не пишет сейчас). Людей заставляли принимать формулу Никейского собора, поэтому когда появились мусульмане, то христиане приняли их как спасителей и освободителей, как некое обновление и восстановление христианства. В худшем случае противники-церковники воспринимали ислам как христианскую секту, поэтому в ислам переходили массами.

Во времена, когда халиф Омар пришел в Иерусалим, среди евреев и христиан была очень популярна книга, апокриф Шимона бен Иохаи, которого также считают автором книги Зохар. В ней автор писал, что в Иерусалим рано или поздно придет отринутые потомки Агари, наложницы Авраама, придут освободить единобожие от Зверя и угнетения. В книге было даже предсказано, как они придут: на верблюдах, на конях, на ослах и пешком. Халиф Омар четыре раза входил в Иерусалим — на верблюде, на коне, на осле и пешком. Это произошло в силу обстоятельств, не было символически или ритуально подстроено. Когда арабы там появились, то христиане и евреи толпами переходили в ислам, хотя Иерусалим был в руках христианской Византии…

Кстати, к византийскому императору Ираклию[4] было два посольства: одно при жизни Пророка с предложением от него принять ислам, а второе уже после его смерти — от Абу Бакра. Во второй раз Ираклий хорошо принял послов, а ночью их разбудили для тайной встречи с императором. Дальше есть предание (зафиксированное и проанализированное и мусульманскими, и европейскими авторами), известное как предание о шкатулке Ираклия.

Приняв послов ночью, тайно ото всех, Ираклий стал вынимать из ларца и показывать им черные шелковые лоскутки, на которых были вышиты (или проявлены) изображения людей, и спрашивал, говорят ли им что-либо эти изображения.. Они отвечали, что нет. Он показал им последний лоскут, и они вскричали: “Это наш господин Мухаммад!” — и начали плакать. Ираклий пришел в сильное волнение и сказал, что это изображения пророков, являющиеся частью наследства пророка Даниила из Вавилона… Ираклий сказал, что он принимает истинность и святость новой религии, но объективные обстоятельства не позволяют ему изменить сложившийся статус… Так что христиане видели в исламе обновление и возвращение к истокам.

Что касается иудаизма, то есть два иудаизма. Есть иудаизм, который ничем не отличается от ислама, но он кончился в 135 году, во время восстания зелотов, и все истинные евреи были тогда убиты. Те иудеи, которые остались после восстания, — на самом деле вавилоняне, принявшие иудаизм, точнее вошедшие в традицию Мусы (Моисея) и изменившие ее. Иудаизм современный состоит из целого ряда компонентов, которые не имеют никакого отношения к традиции Моисея. Это в первую очередь Талмуд как комментарий к Торе. Сама Тора, как известно, во время вавилонского плена была потеряна, уничтожена вавилонянами и восстановлена по памяти Ездрой, но на этом перипетии Священного писания не кончились. Римляне тоже уничтожили Тору, и она была в обратном переводе восстановлена с Септуагинты, с греческого. Таким образом, она дважды восстанавливалась, что снимает вопрос о ее прямом присутствии. Раввины прекрасно понимают это и сами говорят, что признают письменную Тору постольку, поскольку есть Тора устная, то есть устная Тора является реальным, прямым подтверждением авторитета письменной. А что такое устная Тора? Устная Тора — это Тора преданий и комментариев, она также опирается на Талмуд, который является ее толкованием. Опять, таким образом, возникает некая корпоративная каста, причем истоками своими уходящая не в Израиль, ушедший под водительством Моисея из Египта, она уходит в жреческую касту вавилонян, поэтому я вообще не понимаю, как может религия, явленная Мусой, называться "яхудийат". Иудаизм должен называться (и он так назывался) "мусайят", потому что название "яхудийат" закрепилось после возвращения из вавилонского плена. Но в Вавилоне осталась огромная диаспора; считается, что какое-то время там жило не менее 300 тысяч евреев, это огромная цифра. В 70—72 году — Римская война и второе уничтожение Храма, а в 132 году — восстание Бар Кохбы. Надо представить себе его последствия, ведь в то время быть евреем в средиземноморском регионе означало непримиримую вражду и преследование римлян.

Мы имеем дело с воспроизведением одной и той же парадигмы. Существует некая корпорация, которая как на страшную угрозу реагирует на послания пророков и принимает все меры, чтобы создать так называемые "исторические" иудаизм, христианство, не имеющие ничего общего ни с целями, ни с тем проектом, которые приносились в мир потомками Ибрагима. Это модель универсальная, она, кстати, существует и вне авраамизма. Возьмите Будду, возьмите Заратустру — модель действует.

Это универсальная парадигма, потому что фактор клерикализма тотален, глобален, охватывает все века и на самом деле продолжается сегодня.

— *Чем вы можете это объяснить?*

— Просто устройством человека.

— *Почему это продолжается бесконечно? Иначе не может быть?*

— Вы знаете, Лысенко рубил мышам хвосты и ждал, когда начнут рождаться мыши без хвостов. Но они рождались с хвостами, сколько он ни старался. Лысенко считал, что ген — это глупая буржуазная выдумка, а ген является некой записью, в которой указано, что мыши проложено иметь хвост. Это ответ на ваш вопрос.

Клерикализм существует потому, что жреческий тип человека является наиболее продвинутым, наиболее полно осуществляющим гуманоидные человеческие черты; поэтому жрец всегда будет торжествовать над всем остальным.

Это не значит, что подчинение жрецу не является рабством. Пророк обращается к сирым, обездоленным, угнетенным, он открывает им другие, новые перспективы. Перспективу, ведущую на абсолютно другую дорогу, в абсолютно другой свет, нежели теократическое государство, скажем, типа восточной деспотии, сатрапий древности, где государство — храм, вокруг которого эшелонами располагались официальные слои, а в центре был человекобог, оптимальное выражение которого — жречество, высшее жречество. Вы же знаете, что жрецы считают себя теофанией, воплощением Бога. Брамины говорят, что они, их каста, созданы из головы Брамы. А христианские попы — что церковь — тело Христово. Они абсолютно убеждены, что без них свет во Вселенной меркнет, что они Богом данные и потому необходимы…

— *Почему, на ваш взгляд, в исламе нет никакого магического священнослужения?*

— Именно поэтому нет.

— *Но все-таки мечеть — священное место, это храм…*

— Мечеть — это место собрания для молитвы и для поклонения Богу, в котором не существует алтаря, завесы, в котором нет священника, стоящего спиной к Богу и лицом к пастве. Самое главное, что имам, который возглавляет молитву, так же стоит вместе со всеми перед Богом. Он предстоит пастве только для того, чтобы остальные, глядя на его движения, синхронизировали свои; он является эталоном этих движений.

— *А сакральный, литургический момент присутствует?*

— Он дан каждому — каждому! — участнику молитвы, каждому выполняющему салат (намаз), каждый является литургически абсолютно полноправным и полноценным. Не существует никакого барьера (более того, в Иране на официальных торжественных богослужениях имамы помещены ниже уровня всей остальной общины, не на возвышении, а наоборот, в яме, чтобы умалить их. Поэтому синхронизация идет там через микрофон, по которому возглашаются слова). Но это уже тоже своего рода ход… В исламе по факту существует, возникает корпоративное духовенство, но для него нет легитимной базы. Духовенство никогда не сможет узурпировать, как в христианстве, коренные истоки авторитета. В христианстве авторитет, свет непременно в церкви, и если ты не воцерковлен, не ходишь в церковь, это богоискательная интеллигентщина или секта. В исламе этого быть не может.

— *Но если мусульманин не ходит в мечеть, он тоже в своем роде “не воцерковлен”, не правоверный мусульманин, не так ли?*

— Мусульмане должны находиться в джамаате, ходить по пятницам в мечеть, но там отсутствует понятие духовного окормления у священника, которое необходимо для христианина, чтобы считаться воцерковленным. В исламе этого нет.

— *Значит, даже не ходя в мечеть, мусульманин считается правоверным?*

— Конечно.

— *Собрания в мечети — это ритуал общей молитвы или приобщение к Богу?*

— Приобщения нет, есть поклонение Богу.

— А приобщение? Этого момента нет?

— Приобщение к чему? Есть общение с Богом через служение Ему. Все мусульмане едины в своем поклонении Богу.

— Я говорю о том, что человек приходит "познакомиться", приобщиться к церкви, к Богу, а может быть, к людям…

— Приобщение — это профанический термин, который корнями уходит в просветительно-языческие мистерии, где происходило обожение и т.д. Не забывайте, что христианство распространилось на Западе среди широких низов, которые были вовлечены в Элевксинские мистерии, которые, при своей сакральности, в поздний период упадка допускали всех и участникам давали номинацию бессмертия, виртуально конечно, потом это забылось… Вот отсюда идет приобщение.

В религии Ибрахима, в религии пророков, не может быть "приобщения", потому что Бог является трансцендентным субъектом, абсолютным хозяином, владетелем всего сущего и всех смыслов. И разница между Богом и тварью бездонно велика, она гораздо больше, чем, скажем, между скульптором и его творением; между скульптором и творением есть связь, общая основа. Между тварью и Творцом нет общей основы.

— Существует ли в исламе эстетический момент богослужения, аналог (не сравнивая религии ни в коем случае) литургии, красоте церковного хора?

— Вся эстетика сведена к суфизму, она в суфизме. Эстетика, начиная от пения хорового и кончая облачениями золотыми, враждебна духу. Сфера культуры — это сфера уловления "паствы в сети", сфера гипноза, на самом деле…

— Насчет гипноза я с вами отчасти согласна, но только отчасти, как средства остановить обыденность мыслей, настроения. А красота литургии, на мой взгляд, — это акт зримой возможности приблизиться к божественному в самом себе и вне себя…

— На самом деле вера не должна опираться на такие элементы, которые по-гречески называются "космос" — красота, то есть некоторое организованное проявление, структурированное, не имеет ничего общего с тайной Духа Святого, Который дышит через послания пророков. Истинная религия пророков и естественные религии мира — религии жрецов, Платона, Аристотеля, брахманизм, даосизм и т.д. — находятся в смертельном, непримиримом противостоянии. Абсолютно непримиримом. И те, кто учит о единстве всех традиций (включая христианство и ислам), о том, что они смыкаются в некой точке общей для всех истины, — они просто не понимают, о чем говорили пророки.

Когда пророки приходили, они начинали с жесткого наезда (говоря современным языком) на современную им традицию. Прежде всего пророки были революционерами…

— Вы сказали, что не верите в "точку общей для всех истины", в которой все религии равны. А как вы относитесь к экуменизму?

— Я считаю, что экуменизм — это жреческая позиция. Они хотят выплеснуть ребеночка, а чашу с водой оставить.

— И вы считаете, что при такой позиции возможен мир между людьми? Ведь для свершений веры нужно какое-то жизненное равновесие. Как показывает история, религиозные войны не приносят истины…

— Они и дальше будут. Вообще, мир будет, когда будет новая земля и новое небо, когда после Страшного суда произойдет преображение Вселенной, и после этого праведники в раю будут наслаждаться миром. Физическое человечество поставлено в иные условия. В Коране сказано, что ангелы просили Бога не делать человека наместником на земле, иначе произойдут кровь, смешение, непослушание. Бог сказал: “Я знаю, а вы не знаете”.

— Но хотя бы в мирное сосуществование религий вы верите?

— В мирное сосуществование попов.

— Почему только попов?

— Попы всех религий находят общий язык, потому что они поддерживают друг друга.

— А верующие? По-моему, если человек по-настоящему верит в своего Бога, разве может он не уважать веру другого человека? Вас, например, если вы верите в Аллаха?

— Дело в том, что вера — это же не частное дело.

— Вот это вопрос очень тонкий… По-моему, и частное тоже…

— Вера — это не частное дело. Та идиллическая мысль, которую вы высказали, исходит из презумпции, что все мы частные люди, члены гражданского общества, сходимся в офис, работаем, общаемся, потом расходимся по своим углам, и каждый там занят своим личным делом…

— Почему идиллическая? Мы просто живем в одном городе, на одной земле… Действительно общаемся, работаем, уединяемся — каждый в меру сил выстраивая осознанное бытие и облагораживая его. И принцип мирного сосуществования для этой простой жизни совершенно необходим…

— Вы говорите о взаимоотношениях людей на бытовом уровне, который, конечно же, предполагает и контактность, и общение, и договоренности. Но я говорю о другом уровне.

На самом деле вера далека по своему содержанию от такой идиллической картины — частных людей, живущих на одной земле. Вера, если это на самом деле вера, есть духовная воля, направленная на реализацию некоего проекта. Этот проект является универсальным — воцарение справедливости. Христианин молится: “Отче наш… Да будет воля Твоя, да приидет царствие Твое”. Они говорят так, потому что этого еще нет. Воля — это вектор, который направлен на реализацию высшей справедливости. Воля и вера как воля не имеют ничего общего с благожелательством типа “я знаю, что что-то есть, я верю, что что-то есть”. Один говорит, что верит в высший разум, другой — что “Бог — Он во мне”, третий — что “Бог — это моя совесть” и т.д. В общем, спектр этих конформистских благожелательств очень широк.

— Но от этого никуда не денешься, ведь люди такие разные… Может, их жизнь — это их путь к вере, и в этом свобода поиска? Иначе получается, что вера и жизнь несовместимы…

— Вера к этому не имеет никакого отношения. Человек, который верит, является солдатом Бога, он не принадлежит себе, он не имеет права давать волю сомнениям… Естественно, “солдат” не означает, что он должен именно воевать. Но духовная грань должна проявляться в его жизни ежедневно. Например, у тебя деньги в кармане, но ты не идешь в казино, не покупаешь “мерседес”, а делаешь какое-то дело, которое не приносит тебе непосредственно никакой выгоды. Я с ужасом, например, смотрю на наших мусульман, которые непременно хотят покупать “шестисотый”. И для них просто непонятно, что человек может отказаться от него, может отказаться от евроремонта. Мне это отвратительно.

— Зачем нужны силы отказываться от “шестисотого”, можно просто не хотеть этого…

— Ну, это уже другая категория. Человек настолько слаб… Англичане управляли Синдом (Пакистан) сто лет — как? С помощью суфийских орденов. Все шейхи ежегодно участвовали в приемах наместника, где каждому по заслугам предписывалось пронумерованное место, и вот если он перемещался, скажем, с 10-го на 20-е — это было трагедией. Они ради этого места друг друга подсиживали, сдавали, выслуживались как могли перед британской администрацией, а ведь это шейхи, люди, которые знают тайны этого и того мира! Этого говорит о том, что…

— Безнадежно вообще верить? Слушая вас, приходишь к такой мысли…

— Нет, верить не безнадежно, просто нужно четко отличать веру от конформизма, от корпоративных классовых интересов, от инфантилизма, который пропитывает человека…

— А может, у вас слишком высокие требования к человеку? Ведь не каждый ощущает себя духовным воином, для этого нужен слишком большой труд…

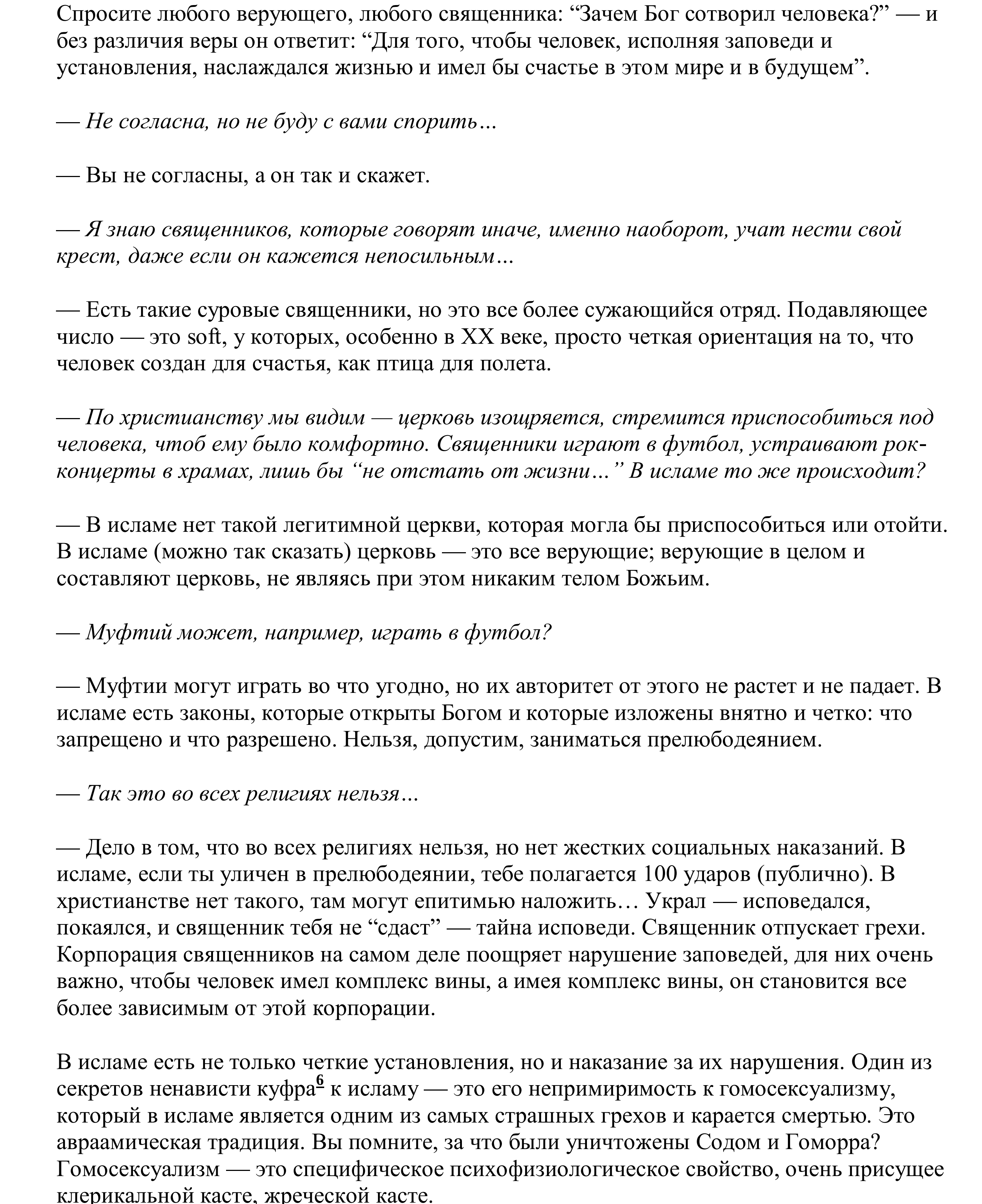
— Я исхожу из такой, главной для меня, вещи, что человек не существует ради самого себя. Он является не самоценностью, не самоцелью, он является инструментом Провидения. Инструментом надо быть более или менее хорошим (тупая стамеска, тупой топор — это плохо). В чем основная дефектность этого инструмента? В том, что человек не знает и не хочет знать, что он инструмент.

— Вы хотите сказать, что человек существует только для Бога? Но если Провидение создало тупую стамеску, может ли она стать хорошим инструментом, разве это в ее власти? А если у нее есть выбор, она, пожалуй, захочет стать острой стамеской, а то и в топор превратиться…

— В Коране есть такой аят: “Аллах ничего не меняет с людьми до тех пор, пока они сами не переменят с собой”, то есть выбор есть, но для этого нужно чем-то пожертвовать.

— Но свобода выбора все же есть?

— Человек всегда может выбрать, только чем-то жертвуя. Например, многие народности, подчиняясь адату, считают себя хорошими мусульманами и не понимают, что даже если адат[5] и шариат совпадают, нужно подчиняться шариату, потому что адат — от предков, а шариат — от Бога. Все, что от предков, надо упразднить и подчиниться Богу, потому что пока вы подчиняетесь тому, что пришло от предков, вы занимаетесь самообожствлением; это архаический гуманизм, племенной солипсизм. Все это должно быть уничтожено. Конечно, на этом пути могут быть большие потери.

Спросите любого верующего, любого священника: “Зачем Бог сотворил человека?” — и без различия веры он ответит: “Для того, чтобы человек, исполняя заповеди и установления, наслаждался жизнью и имел бы счастье в этом мире и в будущем”.

— Не согласна, но не буду с вами спорить…

— Вы не согласны, а он так и скажет.

— Я знаю священников, которые говорят иначе, именно наоборот, учат нести свой крест, даже если он кажется непосильным…

— Есть такие суровые священники, но это все более сужающийся отряд. Подавляющее число — это soft, у которых, особенно в XX веке, просто четкая ориентация на то, что человек создан для счастья, как птица для полета.

— По христианству мы видим — церковь изощряется, стремится приспособиться под человека, чтоб ему было комфортно. Священники играют в футбол, устраивают рок-концерты в храмах, лишь бы “не отстать от жизни…” В исламе то же происходит?

— В исламе нет такой легитимной церкви, которая могла бы приспособиться или отойти. В исламе (можно так сказать) церковь — это все верующие; верующие в целом и составляют церковь, не являясь при этом никаким телом Божьим.

— Муфтий может, например, играть в футбол?

— Муфтии могут играть во что угодно, но их авторитет от этого не растет и не падает. В исламе есть законы, которые открыты Богом и которые изложены внятно и четко: что запрещено и что разрешено. Нельзя, допустим, заниматься прелюбодеянием.

— Так это во всех религиях нельзя…

— Дело в том, что во всех религиях нельзя, но нет жестких социальных наказаний. В исламе, если ты уличен в прелюбодеянии, тебе полагается 100 ударов (публично). В христианстве нет такого, там могут епитимью наложить… Украл — исповедался, покаялся, и священник тебя не “сдаст” — тайна исповеди. Священник отпускает грехи. Корпорация священников на самом деле поощряет нарушение заповедей, для них очень важно, чтобы человек имел комплекс вины, а имея комплекс вины, он становится все более зависимым от этой корпорации.

В исламе есть не только четкие установления, но и наказание за их нарушения. Один из секретов ненависти куфра[6] к исламу — это его непримиримость к гомосексуализму, который в исламе является одним из самых страшных грехов и карается смертью. Это авраамическая традиция. Вы помните, за что были уничтожены Содом и Гоморра? Гомосексуализм — это специфическое психофизиологическое свойство, очень присущее клерикальной касте, жреческой касте.

— Вы считаете, что в мусульманском мире вообще не существует гомосексуализма?

— Он существует, но он репрессируется. А общество, где гомосексуализм (в определенных кругах) является паролем и цементирующей энергетикой, должно ненавидеть духовную традицию, которая считает гомосексуализм абсолютно незаконным.

По сути, это отражение конфликта Содома и Гоморры и Лота, который вынужден был уйти.

Существует, на мой взгляд, некий биологический импульс ненависти к исламу, который часто встречаешь у публицистов, у крупных деятелей. Даже удивляешься: сколько раз он встречался с мусульманами, кого он видел, что у него прямо вибрация бешенства наступает…

— *Ну например?*

— Вы мне скажите обратный пример… Исламофилии я не видел или видел редчайшие образцы, исламофобия является нормой.

— *Мир ислама ассоциируется сегодня у обычного человека, как правило, с агрессией, терроризмом, фанатизмом и т.п. Так получается, что СМИ отражают жизнь мусульманского мира в этих категориях, и политические реалии современности подтверждают их, стоит только вспомнить Палестину, Пакистан, Афганистан, Чечню и т.д.*

Еще одна ассоциация — арабские нефтяные магнаты. И это, на мой взгляд, все, что можно вынести из средств массовой информации об исламе…

— Почти все эти категории, которые используются для очернения ислама, являются признаками его жизнеспособности, его мощи, его клокочущей энергии. Дело в том, что СМИ в подавляющем большинстве отражают интересы мирового порядка, администрации в самом широком смысле слова. Ислам же рассматривает такой порядок как тиранию и, разумеется, не может рассчитывать на лестные характеристики в атмосфере сегодняшней глобальной конфронтации.

— *Среди мусульман, в исламском мире, атеисты есть?*

— Атеизм считается грехом, это запрещено. За атеизм убивают. По шариату за атеизм, если человек выходит и говорит: “Бога нет”, — положена смертная казнь.

— *Он не скажет, конечно…*

— Если он скрывает это и камуфлируется, то его ожидает Страшный суд после воскресения из мертвых, а если он противостоит исламу публично — подлежит казни.

— *Есть распространенное мнение, что обращая новорожденного в свою веру (любую), родители не оставляют ему выбора. Не обсуждая, правильно это или нет, отмечу, что люди, возросшие в лоне своей религии, иногда по какой-то неведомой причине перестают чувствовать себя комфортно, перестают идентифицировать себя с исламом, христианством и т.п. и уходят.*

— И переходят? В исламе переход в другую веру считается капитальным преступлением. Измена исламу карается смертной казнью.

— *А как быть человеку, если он не хочет никуда переходить, но просто потерял веру? Разочаровался, например…*

— Коран говорит, что Аллах ведет кого хочет, и сбивает с пути кого пожелает; это уже неисповедимые пути Бога, Который лишает человека благодати. В исламе нет насильственного влезания в частную жизнь… Никто не занимается инквизиторским копанием…

— А если человек не ходит в мечеть по какой-то причине, допустим по душевной слабости… И его сразу убивать?..

— Нет. Если он живет в маленькой деревне, он, конечно, будет изгоем. В большом городе по-другому, это может пройти незамеченным.

— А у вас есть сведения на этот счет? О секуляризации или наоборот?

— В разных странах по-разному. Это очень динамичные и бурные процессы, разновекторные в разных странах. В атеистической светской Турции (как вы знаете, даже ношение мусульманской мужской одежды, фески например, каралось), где человек, у которого в роду был мулла, не может поступить в военное училище, где офицеры считают нормой в месяц рамадан публично пить в ресторане коньяк, чтобы оскорбить чувства верующих, молодежь, к примеру, толпами идет в мечеть.

— Это сегодня?

— Именно сегодня. Что касается Ирана, то правление мулл, иерократия действует очень негативно, — они любую идею могут испохабить до своей противоположности.

Очень высок уровень исламизации в Малайзии, Индонезии. Очень мощные процессы идут в Пакистане, хотя там скомпрометирована идея исламской политики, скомпрометирована верхушка исламских политических партий, как неспособная и коррумпированная. В Индии 160 миллионов мусульман, они там гонимое меньшинство. Вызывает удивление поведение, мягкость этих мусульман, ведь 160 миллионов — большая сила…

— А в европейских странах, в Америке?

— В Америке — да. Особенно среди черного населения. Я встречался с чернокожими мусульманами из Нью-Орлеана, и они поразили меня своей духовной свободой и большой экзистенциальной глубиной по сравнению со стандартным средним белым. Это живые люди; им присуща широта видения, яркая включенность в мировые вопросы, отсутствие клише и диснейлендовской дрессировки, которая поражает в американцах.

— А на Дальнем Востоке, в Китае, Японии?

— В Китае живет 100 миллионов мусульман. Они живут под жестким административным прессингом. Делятся на два течения: тюркские мусумане (уйгуры и казахи из Средней Азии) и китайские (это именно китайцы). Я встречался с ними на исламских конференциях. Они производят впечатление тихих, осторожных, мотающих на ус людей.

Очень интересные процессы в Африке. Там идет мощная исламизация, причем идет на фоне огромных средств, затрачиваемых христианскими миссионерами (Ватикан и англиканская церковь)… Для Африки единственный путь выжить — это исламизация, но не поверхностная, а настоящая. Ислам действен тогда, когда это не секрет личной жизни, не личная вера, которую носишь с собой в офис или на пятничную молитву, — это глобальная идеология, направленная на реализацию универсального проекта.

— У Р. Гароди есть книга под названием “Ислам — религия будущего”. Как вы относитесь к этому… скажем, заголовку?

— Отношусь позитивно. Я знаю Гароди, общался с ним, он поддержал проект создания Исламского комитета в 1993 году. Ислам — религия будущего? Я убежден, что нет альтернативы, а если есть, то плачевная. Позитивный финал истории не гарантирован Творцом. Творец сказал человеку о том, что его история — это экзамен (искра божественного духа должна превозмочь ту глину, из которой человек создан), но экзамен по своему семантическому содержанию предполагает два смысла: его можно провалить или сдать, все зависит только от экзаменующегося. Можно еще дать взятку преподавателю и сдать. Но Богу взятку не дашь. Человек уже много раз проваливал этот экзамен, я имею в виду не в нашем, а в предыдущих циклах истории. До тех пор пока он будет проваливать, цикл истории будет возобновляться. Коран говорит, что “до вас было много поколений, которые взрыли землю больше, чем вы, и были могучее, чем вы, но разве ты слышишь от них хотя бы шорох?”. Мы стоим перед трагической жесткой перспективой оказаться в отвале, оказаться с поколениями, от которых не слышен и шорох. Если мы этот экзамен не сдадим (лично я считаю, что, по всем признакам, история объективно близится к концу), может быть два выхода: либо в час “икс” начнется новый цикл, либо циклы закончатся на нас. Никто не знает часа, говорит Коран. Не того, когда кончается очередной цикл (это как раз известно, жрецы знают, когда происходит смена времен), а того, когда мы придем к тому, что авраамическая традиция называет жизнью будущей.

— Вы можете выразить свое отношение к суфизму? Можно ли назвать его, например, “мистическим телом ислама”?

— Категорически нет! Я считаю, что суфизм — это девиация, это отклонение от ислама, попытка создать-таки клерикальную касту, не мытьем, так катаньем. Модели все те же самые, ментальность та же самая — это работа с благодатью, “прокручивание” благодати. Это передаточная цепь рукоположения и посвящения от учителя к ученику; это патронажная закрытая система и влияние на правителей. Они говорят, что их задача — это приобретать души владык, то есть контролировать владык, чтобы править, не правя. Это сверхзадача клерикализма — править без всякой ответственности, покупая души владык, через полный контроль. У каждого владыки есть свой духовный мастер. Все это к исламу никакого отношения не имеет. Так же как в иудаизме вавилонские кахины, войдя в религию Моисея, принесли каббалу, принесли свои толкования и т.д., точно так же и суфизм — это прорыв в ислам туземных традиций (влияние гностических сект, индуистские влияния, христианская эзотерика первых веков), которые “контрабандно” пришли в ислам, в мусульманскую терминологию и нашли легитимирующие легенды, оправдывающие их возникновение, — якобы Али или Абу Бакр рукоположили их. Ни Али, ни Абу Бакр никого не рукополагали, никаких шейхов орденов. Они были апостолами, столпами единства мусульманской уммы, в которой все одинаково литургически причастны в поклонении Богу, и никто из халифов, как бы к ним не относиться, не основывал тайные ордена. В исламе нет доктрины обожествления, богочеловечества. Это поповская доктрина, а суфизм контрабандой эту языческую идею перенял.

— В христианстве идея личного спасения является одной из важнейших, и в этом смысле религия — частное дело. Спасись сам — и вокруг тебя спасутся тысячи. Но если следовать вашей мысли, что религия — не частное дело, то это высказывание Серафима Саровского не имеет смысла для мусульманина?

— Есть такой аят в Коране: “Не может одна душа понести ношу другой, как не может беременная понести бремя другой женщины”. Каждая душа несет свою ношу. Если я спасусь, мое спасение не отразится на других.

— А как выражается идея личного спасения в исламе?

— Идея личного спасения в исламе сформулирована в Священной книге: праведность, следование исламскому пути; праведность — это прежде всего вера в Бога и его ангелов, в Пророка, в воскресение, Страшный суд, рай и ад; это молитва, пост, хадж. Мусульманин должен быть мусульманином внутри и снаружи — в привычках и пристрастиях.

— Применимо ли в исламе понятие “духовный рост человека”, если в нем нет деления на светское и духовное? Или это просто праведная жизнь, соблюдение заветов, хадж?

— В Коране говорится: “Кого Аллах хочет приблизить к себе, уширяет ему грудь для ислама”.

— Это Аллах, а сам человек?

— Сам человек ничего не может без Бога.

— Почему, он может захотеть стать лучше, чтобы, например, приблизиться к Богу…

— Если Бог не поведет его по этому пути, его желание останется втуне. Но, конечно, оно тоже будет иметь заслугу, потому что намерение уже есть дело. Но, в принципе, реализовать или не реализовать намерение не в силах человека. Человек должен просить о вере, молиться. В исламе есть 72 степени веры, это очень подробно разработано. Самая малая вера начинается с того, что человек убрал камешек с дороги…

— Если человек согрешил, то каковы формы покаяния в исламе? Не наказания, а покаяния?

— Конечно, это “тавба”. Существует 72 степени покаяния, и каждую молитву верующий сопровождает покаянием — тавба, означающим “каюсь!”.

— А самоистязания типа шахсей-вахсей?

— В исламе очень неодобрительно относятся к шахсей-вахсею, это одна из претензий к шиитам. В исламе вообще относятся неодобрительно к эксцессам, самобичеванию, истязаниям, аскезе — считается, что все это — бессмысленные крайности. Человек должен быть готов умереть и быть готов к жертве.

— Свойственны ли для мусульманина ожидания Страшного суда и особенно предсказания дат его наступления, как у христиан, когда люди, поверив, даже распродают имущество?

— Есть такой аят в Коране: “Никто не знает часа, и отвечающий знает столько же, сколько спрашивающий, только Всевышний знает час”. Это раз. Есть хадис, который говорит: “Будь готов каждую секунду к смерти, но живи так, как будто собираешься жить вечно”. То есть даже если ты знаешь, что умрешь через пять минут, все равно сажай то дерево, которое собирался сажать.

— Было ли в XX веке в исламе движение, подобное обновленцам в православии или аджорнаменто в католицизме?

— Это ваххабизм, то есть то, что так называют. Это салафуйун — возвращение к истокам. Существует сколько угодно модернистских, прозападных движений, но они враждебны исламу. Модернистский — это масонско-либеральный ислам, это поповщина исламского мира сегодня.

Конечно, современность требует определенных изменений и в сознании мусульман, и в социально-политической жизни уммы[7]. Основными задачами исламского сообщества, на мой взгляд, являются возрождение героической элиты, могущей стать костяком будущего правящего класса в исламской умме (а не попытки сегодняшней элиты встроиться в мировой истеблишмент, в котором ей нет места); финансовые ресурсы исламского мира должны быть обращены на финансирование мусульманской политики, и в этом направлении необходимы действия по созданию зон, независимых от мировой финансовой системы; отказ от принципа "выживания", размывающего духа "общечеловеческих ценностей", от идеи интеграции в мировую систему…

— Должна ли быть вера духовно агрессивной? Должна ли завоевывать или отвоевывать духовное и энергетическое пространство, не считаясь ни с чем?

— Бесспорно. Вера, которая не агрессивна, не наступательна/ — это не вера. Конечно, вера должна быть агрессивной, должна быть пассионарной. Она должна стремиться к власти, так и было всегда. Антитеза такой вере — вседозволенность римлян, их циничное, сибаритское презрение к истине, когда они разрешали все секты, все культы… Единственное, что они требовали/ — это почитания императора. За отказ установить бюст Цезаря в Храме и были уничтожены Иерусалим и Храм; а так — любые оргии, аскеза, хоть на голове ходите… Вот это самое смертельное. Кстати, Генон говорит, что поздняя античность напоминает современность в плане вызывающего профанизма — та же циничность, презрение к истине, усталость, терпимость ко всему, всеядность и жадность до конкретных реалий, материальных богатств… А в смысле наступательности исламская вера уступает христианской.

— Но тогда, если следовать вашей мысли, уверовавший должен постоянно находиться если не в конфликте, то в антагонизме с другими…

— Обязательно должен находиться в антагонизме.

— Но как тогда люди могут сосуществовать, ведь на земле уже 6 миллиардов человек?

— Это не важно, сколько человек. В Коране сказано: "Нет принуждения в вере", то есть не надо принуждать человека быть мусульманином.

— Это правильно, но как тогда вера должна быть наступательной?

— Вера должна наступать не в желании обратить всех в эту веру, а в желании установить закон Аллаха, высшую религиозную и политическую власть на Земле… Человек, когда становится мусульманином, уже не имеет выбора, Коран говорит: "Там, где Всевышний решил, там у вас нет возможности спорить". "Аллах сотворил ангелов, людей и джиннов, чтобы они поклонялись Ему и познавали Его".

— Легко ли человеку жить в исламе?

— Да, легко.

— *А женщине?*

— А женщине там просто великолепно. Но в исламе, а не в адате. В исламе женщина выходит замуж только по своей воле, она не обязана заниматься домашней работой; если она работает по дому, то может требовать за это оплату. По шариату она имела избирательное право, права в суде и т.д. [8]

— *Что-то очень далекое от жизни вы рассказываете…*

— Я говорю о том, что записано в шариате. В Иране, например, феминизм перешел уже все границы, допустимые нормы. А то положение женщин, что есть у нас на Северном Кавказе и Средней Азии/ — это местная архаика, которая не имеет отношения к исламу.

В исламских странах женщина может заниматься бизнесом, и муж не имеет права на эти деньги.

— *А разводиться имеет право?*

— Должны быть определенные причины. Неудовлетворенность супругом, или если он вышел из ислама — автоматически расторгается брак…

— *И возвращаясь к нашей теме — вы видите будущее ислама в "первобытном", изначальном исламе?*

— Ислам появился в VII веке, и именно в этот момент проявились очень зрелые и крайне современные оценки человечества и человеческой судьбы. Если посмотреть, что говорит Коран о человеке в разных ситуациях, о его вере, неверии, сомнении, сопротивлении, желании выгадать и т.д. — мы ощущаем современность, как пронизывающий луч. Между Иисусом Христом и вторым пришествием человечество находится в безвременье вот уже 2 тысячи лет.

Ислам — реструктуризация этих проблем в четкой финальной форме, и будущее ислама — в изначальном исламе, который должен реализовываться, потому что изначальный ислам — это авангард.

[1] Волшебная гора. 1997. № 6.

[2] Аббасиды — династия арабских халифов в 750—1258 гг., происходит от Аббаса, дяди Мухаммада.

[3] Джамаранг — район в Тегеране, где находилась штаб-квартира исламской революции. Исторически аналогичен Смольному или Кремлю после1918 г.

[4] Ираклий (575—641) — византийский император с 610 г., отразивший нашествие на Константинополь авар, славян; вернул восточные земли империи, отнятые персами, но не смог отстоять их от захвата арабами в 630 годах.

[5] Адат (*араб.* — обычай) — у мусульманских народов обычное право, противопоставленное шариату.

[6] Куфр — неверующие.

[7] Подробнее об этом см.: Джемаль Г. Смерть как знак Бога // НГ — религии. 1999. № 1.

[8] Однако "непокорных" жен Мухаммад советует "ударять". Коран 4:39.

МИСТЕРИЯ ОКТЯБРЯ

Говоря о религиозной сущности революции, имеет смысл вспомнить известную притчу из "Тысячи и одной ночи", в которой рассказывается о рыбаке, который выловил на берегу океана кувшин, запечатанный печатью Соломона. Когда он открыл эту печать, из кувшина вылез огромный и страшный джинн (ифрит), сказавший, что сидел в нем три тысячи лет. Джинн поведал, что когда он сидел в кувшине первую тысячу лет, он обещал тому, кто освободит его, все золото мира, вторую тысячу лет — исполнение всех его желаний, а третью тысячу лет — убить того, кто распечатает кувшин. Это история толкуется посвященными как глубоко сакральный образ того влияния, которая авраамическая традиция оказывает на историю и судьбу человечества. Интерпретируя эту историю, необходимо отметить, что джинн (ифрит), представляющий в исламской традиции хтоническую, разрушительную силу, энергию низшего порядка, заключен в глину, являющуюся субстанцией, из которой создан первый человек. В то же время мотив сокрытия колоссальной разрушительной энергии в сыром, инертном веществе — важная архетипическая идея, которая чрезвычайно важна для эзотерического понимания истории с точки зрения авраамизма.

"Глиняное человечество" выступает в роли некоего хранителя энергии, которая извлекается из него под невероятно жестким, тяжелым контролем так называемой "мировой элиты", субтильными слоями коллективной человеческой пирамиды. Необходимо отметить, что эта энергия расходуется прежде всего на воспроизведение "коллективного человеческого существа" во времени. "Коллективный человек" погружен в бушующий океан энтропии, ибо само его центральное положение в структуре космоса есть уже некий вызов законам физического мироздания. Поэтому поддержание социально-биологической реальности человечества в космосе в каждый данный момент требует гигантских энергозатрат. Эти энергозатраты в "нормальным" историческом процессе происходят крайне медленно, дозированно. В стандартной ситуации социум строится по типу пирамиды, вершина которой запирает энергию, бушующую внизу, на уровне ее основания. Тем не менее время от времени эта вершина, "крышка" пирамиды, слетает, и джинн освобождается из глиняной субстанции. В этой ситуации очевиден вопрос — какая сила освобождает джинна, являющегося тем алхимическим агентом-провокатором, при соединении с которым человечество превращается в ядерную бомбу?

Можно уверенно утверждать, что за пределами четырех с половиной тысяч лет, за пределами того времени, когда в истории проявился принцип Авраама, революции в нашем современном понимании не существовало. На это ясно указывает история пророка Ноя; согласно авраамическому преданию, существующему в различных версиях в Коране и Библии, Ной в течение продолжительного отрезка времени вел проповедь среди своих соплеменников, но в конце концов его миссия не увенчалась успехом, и он, выполняя приказ Бога, покинул землю, обреченную на потоп. История Ноя — это своеобразная модель конфронтации духа и материи в доавраамический период. В авраамическую эпоху

ситуация меняется кардинально — ее характеризует четкое осознание того факта, что пирамидальную структуру социума на самом верху неизбежно завершает тиран. Иными словами, это констатация того, что общество в своем “естественном” виде есть манифестация фундаментальной неправды. В доавраамический период такого рода убеждение не могло выйти за пределы сознания одного или нескольких исключительных индивидуумов.

С началом авраамической эпохи действия людей, которые называются “посланниками Бога”, получают совершенно другой исторический резонанс. Возникает конфронтационная сюжетность истории, начинается противостояние ярко окрашенных сил — черной и белой. В авраамическую эпоху пророки — посланники Бога — выступают носителями некоего принципа, при соприкосновении с которым “влажная глина”, в которой складирована эта колоссальная энергия противостояния энтропии, внезапно переходит от медленного, мягкого, плавного выделения к бурному процессу энергетического выброса. С этим процессом связана и глубинная мистическая, “энергетическая” парадигма революции, которая стала возможна как особое социальное явление только в авраамический период. В рамках этой парадигмы центральный атрибут человеческого существа, который является его субъектным стержнем, его истинным духовным центром, вступает в парадоксальное противостояние с фундаментальным устройством мира, с основополагающими принципами онтологии. Последние определяют логику Вселенной, рационально-небесное устройство бытия. И по отношению к ней в глубочайшем противоречии находится то, что мистики и гностики, принадлежащие и к христианству, и к исламу, испокон веков звали “тайным шепотом Святого Духа”. В Коране, в суре “Ночь могущества”, говорится: “Ночь могущества лучше тысячи месяцев, нисходят в нее ангелы и Дух для выполнения всяких повелений”.

Итак, революция — это действо Святого Духа, религиозная мистерия, которая невозможна вне религиозного контекста авраамизма. Прямое вмешательство Святого Духа в историю есть основная причина и движущая сила революции. В теологическом же плане Дух Святой есть эксклюзивное достояние авраамизма, отличающееся от “пневмы” платоников именно тем, что оно является негативным контрапунктом ко всему сущему.

Современные люди явно не понимают того, что еще в девятнадцатом веке было достаточно очевидно: революция имеет прямую связь с религией, революция — это религиозная мистерия. В России такая потеря осознанной религиозной интуиции революционного действия начала происходить, быть может, раньше, чем в других местах, поскольку она была сопряжена с интенсивным проникновением западных квазиреволюционных доктрин. Уже для декабристов религиозные истоки социального бунта, восстания, были не очевидны, поскольку они стояли на просветительских позициях, характерных для масонского менталитета постреволюционной Франции.

Однако в середине девятнадцатого столетия в России появляется уникальный религиозно-революционный гений — Федор Михайлович Достоевский, который резко изменил духовные векторы русской судьбы. Этот человек своей личностью, своим сознанием, своим творчеством соединял в себе два аспекта одного великого феномена — религию и революцию. Глубоко ошибаются те, которые считают, что Достоевский после каторги “исправился”, оставил мысли о революции и т.д. В действительности Достоевскй встал на позиции скрытого религиозного социализма, который он связывал с доктриной о необходимости мессианской роли русского народа. Внимательное изучение того послания, которое содержится в его книгах, указывает на то, что Достоевский предвосхитил все основные архетипы, задействованные в русской революции. Сегодня особенно важно подчеркнуть, что базовая парадигма русской революции в гораздо

большей степени определялась страстным пафосом Достоевского, чем теориями экономического материализма, которые не проникали дальше чисто внешнего усвоения, никогда не переходили на уровень коллективного бессознательного.

В предреволюционной России, стоявшей на пороге 1917 года, сошлись несколько особых условий, которые предопределили соответствие Красного Октября сакральному архетипу революции. Во-первых, в России существовал уникальный феномен антиномистских гностических сект, адепты которых верили в актуальное противостояние сущему вокруг них злу — на мистической, религиозной основе. Во-вторых, в России присутствовал уникальный феномен “бедного еврейства” — там жили люди, генотипически соответствовавшие эсхатологической секте зелотов, противостоявших римлянам две тысячи лет назад. В-третьих, была и группа интеллигентов из числа бывших семинаристов, типичными представителями которой были Чернышевский, Добролюбов, а также Сталин. Эти люди принадлежали к беднейшему слою духовного сословия, близкого к народу, и именно в их среде произошел странный взрыв веры, которая выражается в прямом отрицании конформных догматических проявлений этой веры — в отрицании церкви, катехизиса, воцерковленности. Соединение этих трех религиозных констант и привело к революционному взрыву в России.

К сожалению, религиозная сущность революции вскоре пришла в противоречие с ее внешней, догматической, псевдорационалистической формой. Разрыв между религиозной сутью и марксистским догматическим содержанием, антирелигиозным видением себя стал первой, основной, катастрофической причиной поражения революции. С этим же был связан и перенос стратегических приоритетов с Коминтерна на СССР, что привело к созданию специфической бюрократии — номенклатуры, которая стала расценивать свои классовые интересы выше, чем интересы мировой революции. Очевидно, что если в России существовала бы теология революции, адекватная ее подлинной инспирации, то “новой бюрократии” было бы невозможно перетянуть приоритеты на локальный проект.

Следуя марксистским догматическим постулатам, революционное руководство России также неверно выбрало вектор революционной экспансии. Распространение мировой революции в направлении “на Варшаву, на Берлин” было очевидной ошибкой — Россия не могла физически организовать прорыв в Центральную Европу, преодолеть инертный балласт лимитрофных государств, Малой Антанты, которая возникла на ее западных границах. Создавая свои теории в девятнадцатом веке, Маркс и Энгельс рассматривали Европу как центр мира и полагали, что революция должна победить в самых “развитых” и “передовых” странах.

Однако Первая мировая война положила конец европоцентризму, Европа превратились из центра мира в некую отсечную, тупиковую позицию, о чем Маркс и Энгельс не могли знать в середине девятнадцатого века.

Однако революция могла победить уже на самом первом этапе, если бы ставка была бы сделана полностью и всерьез на освобождение колониальных масс юга Евразии — прежде всего на освобождение народов Британской Индии, свержение иранского шаха и поддержку антибуржуазных элементов в исламистском движении Турции. Таким образом можно было разом, одним ударом сломать всю систему глобального контроля, существующую со стороны Запада по отношению ко всему остальному миру.

Переход к системе неоколониализма, который совершился к 1961 году, тогда еще не был возможен; и при некоторых условиях он мог не состояться вообще — если бы ресурс колониальных империй, который был затрачен на этот переход, был выбит из рук Запада.

До появления атомной бомбы оставалось тогда еще 20 лет, и Запад не смог бы навязать России военным путем иную политику.

Если бы гигантские ресурсы Южной и Северной Евразии оказались бы под контролем Коминтерна, мировая революция могла бы победить. Этот проект абсолютно реален, и не зря Ленин в последние годы своей жизни сказал: “Каким путем пойдут Россия, Китай и Индия (имелась в виду тогдашняя Британская Индия, включавшая современные Пакистан и Бангладеш — *Г.Дж.*), таким путем пойдет весь мир”. Однако время уже было упущено. Решающую роль в этом также сыграли ложные, европоцентристские представления о революции, основанные на атеистическом марксизме.

Возвращаясь к вопросам сегодняшнего дня, нужно отметить, что революция и сейчас не ушла из России. Вопреки тому, что мы являемся свидетелями усталости, апатии народа, ментального шока в результате страшной информационной войны, сегодня революция перешла с субъективного, внутрипсихологического среза на уровень объективный. Кризис системы колониального контроля в России делает новую русскую революцию неизбежной. И не случайно, что эстафета революции, декларируемой как явно и открыто религиозная, была подхвачена в Иране, южном соседе России. Сегодня она апеллирует к России как фактору, который предопределит мировой размах революционного процесса в двадцать первом столетии.

ИСЛАМ - САКРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЕ

Отношение к смерти — один из возможных подходов к классификации людей. Преимущество этого подхода не только в его универсальности (поскольку все люди смертны), но в первую очередь — в его радикальности. Современная антропология, как никогда, нуждается в радикальных критериях, радикальных методологиях... Тем более радикальных, чем более средним и неопределенным оказывается сегодняшний “всеобщий” человек.

В наши дни безнадежно утратили эффективность попытки подойти к проблеме человека, вооружившись классовым или расовым анализом. Это же справедливо и в отношении гендерного подхода. Современное “двуногое без перьев” не является окончательно ни буржуа, ни пролетарием, ни аристократом; оно не проявляется в реальном мире как “абсолютный негр” или “совершенный семит”. Даже такие фундаментальные определения, как “мужчина” и “женщина” становятся в отношении к актуальному человеческому существу все более условными. Человек теряет форму, иными словами, он становится все ближе к собственному субстанциональному полюсу, к “протоплазме”, к глине, из которой слеплен. Это же отчетливо выражается в этике нашей эпохи: прогрессирующая политкорректность все жестче табуирует различение между людьми. Социолог или антрополог в ходе своих исследований того и гляди может оказаться в опасной зоне, где загораются красные предупреждающие табло: “расизм”, “сексизм” и т.п.

По-видимому, это означает, что на месте форм, присутствовавших в “прежнем” человеке, в “нынешнем” остались кровоточащие болевые точки, до которых страшно дотронуться. Такое положение дел вызывает острое сожаление и критику традиционалистов, сторонников архаической структуры общества, в которой существует ясное распределение функций, а сама социальная организация подобна иконе Верховного Существа. Мы же находим, что в нынешнем положении дел есть положительная сторона: множество второстепенных, относительных различий между людьми ушли, оставив одно

глобальное разделение, суперболевую точку. Если в прошлом мелкие или условные (хотя и весьма всерьез принимаемые) различия между людьми образовывали гомогенный социальный орнамент, если эти различия на самом деле способствовали пусть сложной, противоречивой, но все же “гармонии”, сейчас речь идет уже не о различии, а о противостоянии двух изначальных метафизических ориентаций. Они порождают несовместимость между принадлежащими к ним людьми во всех областях: религии, политике, экономике, культуре и т.д.

Такое безусловное различение, проходящее внутри человеческой массы, красной чертой делящее человечество на несовместимые друг с другом половины, было издавна заповедано во всех пророчествах, брезжило сквозь мифы, провозглашалось идеологиями, чаялось и выпестовывалось провиденциальным ходом истории, потому что последнее совершается именно через движение от массы мелких относительных разниц к одному тотальному неустранимому различию. Это цель истории по отношению к человеческому материалу, это кристаллизация того, о чем говорится в Коране: “партия Бога” и “партия сатаны”. Как замечательно, что прежде этого человек должен был обратиться в одно бесформенное месиво, в “третий пол”, в бесклассовую демократическую общность, чтобы наконец-то по его бедной, лишившейся свойств плоти прошел этот меч, который всех разводит на чистых и нечистых, званых и избранных!

Повторим еще раз: точка окончательного расхождения — отношение к смерти. С одной стороны стоят те, кто носит свою смерть внутри себя, для кого она — реальный центр их существа, не то, что “случится” с ними когда-нибудь, в неопределенном виртуальном будущем, но то, что составляет именно суть актуального здесь-присутствия. Эти люди составляют кадровую основу религии единобожия, даже если они на данный момент по превратностям биографии, среды и т.п. являются атеистами или исповедуют какие-то случайные идеологии. Они по своей конституции предназначены для армии духа; именно их называют модным словом “пассионарии”; так или иначе, они будут призваны к своему истинному пути в соответствующих обстоятельствах “последнего времени”.

Для других же смерть есть нечто категорически внешнее, как железная коса для зеленой травы. Смерть для них максимально виртуальна, “исчезающе малая” возмозможность. Мощной действительностью, вытесняющей смерть со всех горизонтов, для таких людей оказывается само общество, которое они воспринимают как некий пир, праздник солнца, в котором существуют концентры, иерархия приближения или отдаления по отношению к Благу. Эти люди всегда стремятся с перифирии в центр, как в социальном, так и в политико-географическом смысле; они знают, что в дальних залах для “лучших” накрыты еще более роскошные столы, чем те, что перед ними. Они верят, что даже самое ничтожное и заброшенное существо при определенном упорстве и везении может повысить свой уровень потребления и тем самым внести свой вклад во всеобщее дело вытеснения “смерти” в полную невозможность... Природу этих людей гениально выявил Ф.М. Достоевский.

Общество ушедшего двадцатого столетия, особенно его конца, гораздо больше соответствовало метафизической ориентации этой второй, “бессмертной” части человечества, чем общество эпохи Достоевского. Прежде всего потому, что в двадцатом веке Запад испытал некий духовно-психологический перелом, который можно сравнить только с периодом климакса у физиологического индивидуума: ценности, которыми западная цивилизация жила последние 700 лет и которые окончательно, казалось, восторжествовали на протяжении последних двух столетий, вдруг разом утратили свою внутреннюю энергию, магическое обаяние, привлекательность. Это не мешает, конечно, массовым коммуникационным сетям вновь и вновь воспроизводить названия этих

ценностей, но в подсознании западного коллектива вдруг как-то утвердилось, что завтрашний день будет обходиться без них.

Эти ценности на протяжении веков являлись как раз тем, что составляло дух и букву Современности (понятой не как относительно-временная, а как абсолютная категория). К их числу относится право на труд, свобода торговли, частная собственность, ответственность перед обществом, интернационализм, свобода обращения идей, право знать собственную религию (которого не было в средневековой Европе и которое необходимо предшествует свободе совести)... А также куртуазная любовь, порождающая, как эхо, на бужуазных верхах романтизм, а на низах — уважение к женщине. Именно этот набор определял специфическое качество второго тысячелетия, как бы противостоящего архаической варварской тьме отдаленных эпох. Именно энергетическая смерть этих ценностных маяков образует атмосферу постмодерна, сквозь которую к нам уже доносится запах ближайшего будущего — новой планетарной тирании.

Расхожим местом всех потикорректных учебников истории является упоминание о культурной роли ислама в становлении европейской цивилизации. Под этим, конечно, подразумевается возврат европейцам их собственного античного наследия, до поры до времени находившегося "на сохранении" у арабов. Послeние, дескать, познакомили Запад с Аристотелем, а уж западный человек сделал из этого все необходимые выводы. На самом деле античность не содержала в себе тех самых ценностей, которые мы перечислили выше и которые составили внутреннее содержание цивилизационной истории нескольких последних столетий. Некоторые моменты античности в лучшем случае лишь отдаленно напоминают фундаментальные принципы современности. Подлинным даром ислама Западу был не Аристотель, а именно все те идеи, реализация которых превратила халифат в первое за всю историю человечества глобалистское либеральное общество, основанное на единстве законов для всех населяющих его людей и на единообразии их применения во всех территориях исламского мира. Халифат явился самым первым "ликом современности". Запад XVIII—XX веков — это политический наследник халифата.

Монголы правильно и справедливо разрушили халифат, потому что он являлся глубоким заблуждением с точки зрения чистого ислама. Пророки ниспосылаются человечеству не для того, чтобы вести его к комфортной и сытой жизни, к "все более полному удовлетворению все более возрастающих потребностей". Пророки напоминают человечеству, что оно есть глиняное орудие в борьбе духа. И та часть человечества, которая поймет и примет свою глиняную функциональную природу, становится избранной. Те же, которые полагают, что они рождены для счастья в этом и следующих мирах и что у Творца нет другой задачи, как благоденствие твари, становятся тем, чем человек, вообще-то, является изначально: пылью на ветру.

Чистый ислам есть прежде всего такое состояние ума и сердца, в котором человек категорически не принимает диктатуру слепой судьбы. Эта диктатура осуществляется двумя способами. Первый, наиболее всеобщий, есть власть времени, которое уничтожает все и в которое верили упоминающиеся в Коране бедуины. Другой формой диктатуры, на первый взгляд как бы противостоящей и уравновешивающей деструкцию времени, является власть общества. На самом деле общество и время — союзники, точнее даже две "ипостаси" абсолютного врага духа, которым является Рок. Общество — это такой же страшный механизм, работающий по законам причин и следствий, как и физический космос. Общество, предоставленное самому себе, тяготеет к тотальной самодостаточности, рассматривает себя как некий сокровенный центр сущего, в котором причинно-следственный механизм космоса будто наконец трансформируется в смысл и

свободу. Это убеждение есть самое опасное и вместе с тем наиболее неискоренимое заблуждение, которому подвержен человек. На этом заблуждении построен весь пафос гуманизма новых веков... Именно этому заблуждению противостоит ислам, который является последним интеллектуальным, организационным, политическим ресурсом "избранных" — людей, верящих не в дурную бесконечность числового ряда, а в резкий и необратимый финал.

Проблема в том, что в современном исламе сильны позиции самодеятельных и самозваных клерикалов — улемов, дезориентирующих мусульман относительно истинного смысла их религии. Соображения этих теологов поражают своей банальностью и инфантилизмом: они повторяют зады либерального просвещения двухсотлетней давности, которое сам Запад давно и успешно перерос. Можно подумать, что эти лидеры мусульманской мысли остановились в своем изучении западной философии на деистах и религиозных рационалистах, заложивших в свое время стандарты политической благонамеренности. Можно подумать, что они ничего не слышали ни о романтиках, ни о Ницше, ни об экзистенциалистах. В любом случае они явно не подозревают, что командные круги мировой системы давно и окончательно расплевались со всякой "благонамеренностью".

Причина такого ослепления мусульманских теологов (явно ищущих общие позиции для так называемого "диалога цивилизаций") ясна: здесь мы имеем дело с рецидивом духовного "халифатизма". Мусульманские клерикалы не могут забыть, что инициатором планетарной современности (по крайней мере, той, что доминировала до самого последнего времени) выступил в свое время "клерикальный ислам", ислам омейийядов и аббасидов, ислам правоведов-факихов, ислам мудрецов-суфиев, которые — вместо Бога! — держали в своих руках сердца правителей. Потому-то они и полагают, что с мировой системой можно договориться о "неком месте" на вселенском пиру, которое могло бы быть выделено мусульманской цивилизации... Разумеется, при условии ее очищения от экстремизма, радикализма и всяких метаисторических претензий на центральность, окончательность, избранность и т.п. Улемы немного опоздали! Их осторожное нащупывание общих позиций с помощью гипербанальных "общих мест" давно перестали быть понятными для носителей новой завтрашней ментальности. Благонамеренных и радикалов будут "мочить" в одном и том же отхожем месте.

Сегодняшний мусульманин, для которого вера является альфой и омегой жизненной активности, должен как можно скорее освободить свой ум от влияния клерикального пустословия. Ему следует понять, что он — скромный верующий — по милосердию Всевышнего оказался последней преградой, которая отделяет род человеческий от полного банкротства и списания в убыток. Ислам сакральная оппозиция Року, а значит, и тому глобалистскому обществу, той мировой системе, которая транслирует фундаментальную антидуховность Рока на земном человеческом уровне. Чем скорее мусульманин поймет, что его религия есть не что иное, как стратегия последней войны, тем лучше это будет в первую очередь для его личной судьбы.

АВРААМИЗМ ПРОТИВ "ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ"

Интервью интернет-изданию «Полярная звезда»

ПЗ: В своих работах вы выступаете против традиционных религий, понимаемых как язычество. С чем связано ваша такая непримиримая позиция? Что такое, в вашем понимании, язычество?

Гейдар Джемаль: Если обратиться к самому звучанию слова, то язычник — это тот, кто говорит на чужом языке, принадлежит иным племенам — «языкам». Но такое понимание характерно для русского языка. В латыни язычник — это pagan, то есть «сельский», что объясняется довольно просто: христиане жили в городах, тогда как в сельской округе продолжали оставаться язычники. Это христианский контекст, в еврейской традиции gentile — это то же самое, что «языки», в исламе же — это "кафара", от слова "покрывать, закрывать, скрывать", то есть, таким образом, язычники — это те, кто скрывает истину, прячет ее. Таковы различные значения этого слова. Но дело не только в значениях слова.

Есть религии откровения, и есть религии созерцания. Религии созерцания — это, как говорили в XVIII—XIX века, естественные религии, данные человеку в силу того, что он способен воспринимать. Есть внешний мир, есть реальность, и наиболее совершенные люди способны воспринимать ее в наиболее чистом виде путем прямого созерцания. Это то, что открывается безграничному потенциалу предельно возможного человеческого опыта. Эти естественные религии — и есть язычество. Тогда как религии откровения — это вторжение некоего импульса, который приходит из сферы, находящейся в принципиально ином мире. И этот импульс приходит в форме откровения, послания, вложенного в уста пророков.

ПЗ: Можно ли жестко разграничивать эти типы религии, когда и в той и в другой части есть огромная доля взаимопроникновения; если взять тех же древнегреческих орфиков — это традиция как раз пророчествования, оракулов, что тоже есть форма откровения.

Г. Джемаль: Под пророчеством мы должны понимать совершенно определенные вещи. Если вы обращаетесь к вашему бессознательному — это одно. Русское слово «пророчество» связано с «речением», вы обращаетесь к бессознательному, которое начинает вещать. А в арабском языке, так же как и в иврите, смысл слова "пророк" («расул») с этим совершенно не связан, это слово — «расул» — означает «посланный». Это не шаманы, не пифии, не гадатели, а посланные Богом Авраама, Исаака, Иакова, Иисуса, Мухаммада.

Но что это за Бог? Он не имеет никакого отношения к тому, что дается нам в опыте самого чистого созерцания, не открывается ни интуиции, ни уму ни созерцанию. Это главное принципиальное отличие, это принцип абсолютного разделения с воспринимаемым субъективно и интуитивно «единством бытия».

ПЗ: Насколько совпадает или не совпадает этот Бог с Абсолютом буддизма и дао, как можно отличить, послали тебе что-то, или же это форма коллективного или индивидуального бессознательного?

Г. Джемаль: Это крайне просто. Во-первых, по поводу Абсолюта. Он абсолютно противостоит Богу авраамической традиции. Зерван персов, Брахма индуистов арабским словом называется Дахр. Дахр — это есть рок. Вращающийся, простирающийся во все части, поглощающий личность. Это бескачественный Абсолют, который иногда еще интерпретируется как небо. Бескрайнее небо. В Коране упоминаются бедуины, которые не хотели принимать ислам. Они говорят: мы живем, и мы умираем, и убивает нас только Дахр, то есть Рок. Мы являемся объектами воздействия Рока. И Дахр — это Зерван, Брахма, Уранус — бог всех народов естественных религий. Аллах называется

победителем Дахра, нет победителя, кроме Аллаха, и Аллах — победитель Дахра. Это абсолютная оппозиция Року.

ПЗ: То есть это не формы одного и того же?

Г. Джемаль: Это абсолютная оппозиция. Есть Дахр, который представляет собой несущее всю полноту возможностей Ничто, Ничто, которое извергает и стирает. Есть оппозиция ему, которая была в принципе невозможна и о которой мечтали, бросая обреченный вызов, греческие герои. Трагедия героя в том, что всем правит рок. И трагедия в том, что рок победить невозможно. А суть монотеизма в том, что он вводит в идеологический, духовный инструментарий четко отстроенную стратегию оппозиции року. В этом весь его смысл. Трагедии являются предмонотеистической драмой, обреченностью героев, пока их еще не возглавил Пророк.

Бога нельзя ни видеть, ни созерцать. Он может только в откровении Себя обнаружить. А в откровении Он обнаруживает Себя, только послав кого-то. А как понять, что то, что пророк говорит, не имеет своим источником человеческое бессознательное, а является словом Бога? Очень просто. Это заявлено характером послания, которое отмежевывается от всего наследия коллективного человеческого бессознательного. Ни один лжепророк не может сымитировать чистого отмежевания от человеческого коллективного бессознательного. Лжепророк всегда попадется, у него будет тело святого, а ухо свиньи. Вы, имея дело с лжепророком, будете сталкиваться с архетипами, присущими вашему собственному опыту, и скажете: «Да я сам это знал, это наши старики говорили, что тут нового».

Еще важное отличие естественной религии от религии откровения. Ни в одной традиции естественной религии не содержится принцип предания себя: те, кто поют гимны Брахме в Ригведе, не говорят о том, что они предают себя. Там нет предания себя. Там нет экзистенциального предания себя чему-то, что идет против потока тварного существования. В естественных религиях не существует самопожертвования.

ПЗ: А герои греческих трагедий — это не самопожертвование?

Г. Джемаль: Герой — это человек, бросающий вызов. Бросающий вызов прежде всего на основании своего происхождения: нет греческого героя, который бы не имел богов в своей родословной. Он бросает вызов року, потому что он не хочет мириться с участью жалких смертных. В конечном счете это перенос олимпийской гордыни в человеческую плоскость, вызов незаконных «сыновей» равнодушным «отцам».

Самопожертвование, мученическая смерть — это совсем другое, потому что это имеет аспект гносеологический. Дело в том, что в русском языке это звучит как “мученик”, а в арабском языке “шахид” — это “свидетель”. И по-гречески «мартирос» тоже имеет значение «свидетель». Греческое и арабское значение совпадают в том, что мученики своей смертью прежде всего свидетельствуют. В системе естественных религий центром является личная реализация сверхъестественного опыта. Мученик же свидетельствует то, что никоим образом нельзя испытать, кроме как в парадоксальном волевом утверждении, которое называется «джахда» (от того же корня — «джихад»).

То, что по канонам естественной религии «не существует», мучеником утверждается как существующее. Это краеугольный камень, отвергнутый строителями, который ляжет в основание храма. В этом самая резкая оппозиция монотеизма политеизму и пантеизму.

ПЗ: Будда, например, тоже бескомпромиссно выступает против существующего порядка, идет против потока вещей. Будда был послан?

Г. Джемаль: Будда не был послан, а он и не говорил, что послан. Будда был просто кшатрием, восставшим против засилья брахманов. Он выступил против касты брахманов, которые держат все в своих руках, вяжут, разрешают, контролируют. Будда не был послан, он был восставший. Но восставший кшатрий не обеспечен духовным импульсом, поэтому рано или поздно он проиграет. В результате буддизм исторически проиграл, потому что сегодня буддизм — одна из самых клерикальных религий. Монах на монахе, далай-лама на далай-ламе. Ничего от первоначального буддизма не осталось, кроме концепций, проповедуемых на Западе. Буддизм реально — это поповщина. Почему это поповщина? Потому что кшатрий сам по себе может восстать, истребить непосредственных врагов, но трансцендентно он не обеспечен. Именно к кшатрию приходит пророк, и он приносит ему благовестие, и в соединении с кшатрием возникает совершенно новая ситуация. И вот тогда то, что возникает, приобретает характер неумолимого противостояния Ветхой традиции.

Проигрыш исторического христианства с этим тоже связан, попы украли слово Христа, и католические попы, и протестантские попы. И оно, это слово, которое было забыто и искажено Никейским собором, возродилось в исламе. В ислам вошли все христиане, которые не принимали Символ веры. Когда появился Мухаммад (С), они все перешил в ислам, для них он не был чужой религией, для них ислам был продолжением христианства, возвращающим их истокам Благовестия.

Жреческая каста узурпировала послание Иисуса, в исламе де-факто появились муллы, которых не должно быть. Человек склонен к этому. С одной стороны — попы, а с другой — средний класс, который естественно тяготеет к клерикальным элементам, являющимся для него духовной «крышей». Ведь средний человек, представитель среднего класса, не представляет себе «платоновского» Блага, чего-то такого эфемерного, типа солнечного света. Он представляет себе что-то конкретное, в виде папы Иоанна — Войтылы. Для него вознесенный над толпой старец в белом воплощает Добро, ради которого он живет.

ПЗ: Тогда, по сути, какой-нибудь дикарь из Австралии, искренне лелеющий культ предков, или индеец майя, поклоняющийся своим богам, намного выше и чище, чем люди, формально принадлежащие к авраамическим религиям и при этом не имеющие ни частички веры в сердце.

Г. Джемаль: Дело в том, что дикарь не несет никакой ответственности. А человек, который принадлежит к авраамической религии, принимает на себя ответственность. Он принимает на себя завет с Богом; если он этому не соответствует, то он судим. Он судим здесь, в этой жизни, и в будущей, на Страшном суде. Это как офицер или солдат — если ты еще не принял присягу, то идешь по гражданскому суду, если принял — то под трибунал. Вот авраамисты и подсудны «военному трибуналу».

ПЗ: Говоря о бытовании, истории религий можно коснуться проблемы их цикличности, цикличности идеологий. Иудео-христианская традиция начинала исторически профанировать в эпоху Возрождения, а духовно — гораздо раньше. Сейчас мы имеем, по сути, антихристианское и либеральное общество на Западе. Получается, что цикл для авраамических культов — порядка 2 тысячи лет. Если продолжать эту логику, не считаете ли вы, что исламу тоже осталось 400—600 лет?

Г. Джемаль: Считаю. 400—600 лет действительно осталось. Вопрос в том, что эти 400—600 лет — это есть конец человеческой истории. Несмотря на то что все ожидания, связанные с Миллениумом, не сбылись, это не означает, что перед нами стоит человеческая история, уходящая в бесконечность. Я думаю, что в истории царствует финализм, накапливается энтропия, и через 400—600 лет цикл закончится. Как сказал Пророк (С) о себе, что он послан после закрытия адамического цикла, он послан оставшимся в безвременье, послан для последнего призыва. Сердце остановилось, но мозг еще работает. Время Иисуса — это закрытие адамического цикла, а время Мухаммада — это время закрытия пророческого цикла.

ПЗ: И что делать в данной ситуации человеку, конкретному, определенному человеку?

Г. Джемаль: Принять ислам. Но не как человек, стремящийся к самоидентификации по внешним признакам. Принятие ислама — это в первую очередь выбор идеологии, парадигмы мышления. Но при этом, если вы озабочены вопросом, есть ли «партия спасения», к которой нужно вовремя примкнуть, я вам отвечу, что нет. Потому что даже праведники сгинут, если человечество будет отменено, как не справившиеся с задачей, поставленной Богом. Раз праведники не могли ничего сделать, то на праведниках большая вина, чем на остальных.

ПЗ: Можно поговорить, как деяния праведников и патриархов в далекие времена отражаются в настоящей действительности. Арабо-израильский конфликт не имеет ли основания в мифе о том, как Авраам-Ибрахим собирался принести в жертву своего сына? По мнению ортодоксальных иудеев, он приносил в жертву Исаака-Ицхака, а мусульмане утверждают, что он хотел принести в жертву Исмаила.

Г. Джемаль: Вы правильно подметили, на самом деле арабо-израильский конфликт — это спор за наследство Авраама. Кстати, ни один ортодоксальный еврей не оспаривает того, что Исмаил родился первым. Они просто говорят, что он незаконный. Но дело в том, что во времена Авраама такого понятия вообще не существовало. А сейчас ортодоксальные евреи говорят так: он первый, но он не считается.

Да, это спор за наследство Авраама. Между тем чистое христианство и чистый иудаизм — это ислам. Ислам объявляет всех пророков, которые были до него, то есть Авраама, Исаака, Иакова, Иисуса — пророками ислама. Когда Моисей водил евреев в пустыне, разве он им говорил: вы — иудеи? Ту традицию, которая получила название “иудаизм”, он называл исламом. И Авраам называл свою традицию, когда он ушел из страны Ур, тоже исламом.

Вот сейчас ходят разговоры о третьем храме Соломона, о его возможном восстановлении. Третий храм Соломона уже построен — это Аль-Акса. Никто не думает о такой простой вещи, что первое, что сделал халиф Омар, когда пришел в Элию-Капиталину, так именовали римляне Иерусалим, — он заставил население расчистить фундамент Храма и возвел на нем мечеть, что означает в переводе с арабского “храм”. Если евреи считают, что этот храм должен восстановить «машиах» («мессия»), значит, Омар, как делегат Пророка (С), и есть машиах. Он является историческим продолжением Пророка, а Пророк был истинным машиахом. Почему? Потому что было предание. Симона бен Иешуа, который является автором Зогара, о том что придут Мохаджиры, потомки Агари Мохаджы, из пустыни на верблюдах, лошадях, ослах и пешком и освободят веру в истинного Бога от власти ромеев, власти язычников. Правда, тогда они были христиане, но византийские христиане воспринимались исламом как язычники из-за введения в христианство догмата о трех ипостасях. Эти книги были очень популярны за двести лет до

арабов. Когда арабы пришли, то население Иерусалима встретило их приветственно. Очень многие иудеи перешли в ислам. Так что палестинские арабы — это потомки того местного населения, иудеев, которые перешли в ислам. Это единственные оригинальные носители генотипа того народа, чьи предки вернулись из вавилонского плена, жили вместе с Иисусом, в отличие от всех тех, кто приезжает из Литвы якобы на историческую родину, у кого смесь польской, финской, славянской крови.

ПЗ: А как вы оцениваете политические трепыхания сторонних сил вокруг арабо-израильского конфликта: Штатов, России, Европы? Не является ли это каким-то кукольным театром, рябью на воде?

Г. Джемаль: Я считаю, что арабо-израильский конфликт — это осевая эсхатологическая тема. Битва за Аль-Кодс. Дело в том, что Израиль никакого отношения не имеет к иудаизму. Это на самом деле продолжение Иерусалимского королевства Болдуина. Что такое Израиль? Говорится, что это евреи. Но на самом деле это вторжение Запада, который вновь, как и в средневековье, влез туда и институциализировал захват Иерусалима. Только раньше это были крестоносцы, теперь же по техническим причинам это нельзя сделать в такой же форме, поэтому были использованы евреи. Но это не евреи, это представители Запада, и Израиль — это Иерусалимское королевство. Это восстановление средневековой западной оккупации. Израиль — это продолжение Рима, это не то, что иудаизм. Иудаизм же там подавляется: если подлинные иудеи, протестующие против сионизма, выходят на демонстрации, их бьют по головам.

ПЗ: А в чем тогда смысл Западу туда входить?

Г. Джемаль: Это центр силы. Иерусалим — это центр силы, осевое место, точка истории. Это контроль над ходом истории.

ПЗ: Как можно решить проблему арабо-израильского конфликта?

Г. Джемаль: Отменить еврейское государство и предложить евреям и арабам жить равноправно, как гражданам одной страны — Палестины, допустим. Это ведь единственное в мире расистское апартеидное государство, выстроенное по этническому принципу. Можно все оставить, как есть, но отменить его однозначно еврейский характер. Не еврейское государство, а государство всех. Сирия — это же не арабское государство. Приехал, получил гражданство и живи. Там полно христиан, иностранцев.

ПЗ: Технически, получается, это очень просто.

Г. Джемаль: Технически это просто, но сионисты — это особый клуб, который связан с массой политических интересов, для которого согласиться на такой ход — это совершить политическое самоубийство. Но ортодоксальные иудеи хотят именно самоубийства сионистов, они хотят упразднить еврейский характер этого государства. Потому что мистический Израиль, с их точки зрения, должен возродить машиах, но не Герцль, не Жаботинский.

ПЗ: Вы часто пишете, говорите о сверхэлите. Что это такое?

Г. Джемаль: Сверхэлита — это элита, которая выше какой-либо другой по той простой причине, что она не зависит от экономических проблем, от собственности, от этнических взаимоотношений. Она выше всего этого, ей это уже не нужно, поэтому она сверхэлита. Принц Чарльз — представитель сверхэлиты, принцесса Диана, король Олаф.

ПЗ: А Джордж Сорос входит в сверхэлиту, Буш?

Г. Джемаль: Американцы представляют собой контрэлиту. Сверхэлита — это элита Англии, Европы, Хашимиты, султан Брунея. И автором создания сверхэлиты была, конечно, Англия, которая занимается этим последние 400—500 лет.

ПЗ: Тогда получается, что сейчас есть конфликт между сверхэлитой и контрэлитой?

Г. Джемаль: Дело в том, что американцы вообще вылезли случайно, до 14 года XX века это была маргинальная страна, которая не имела исторического шанса. Она набрала силу только на Первой мировой войне. Но даже в этом случае с ней бы разобрались; однако Советский Союз отвлек внимание. Сейчас идет жесточайший конфликт между американским империализмом и системой транснациональных корпораций, которая обслуживает сверхэлиту. Исходом борьбы станет то, что либо американский империализм и его национальная бюрократия установит контроль над всеми финансовыми потоками транснациональных корпораций, а заодно счетов короля Олафа и других, либо американский империализм последует путем СССР, а контроль над миром перейдет к транснациональным корпорациям, за которыми стоят наблюдательные советы в качестве своеобразных «клубов господ».

Арифметика простая. В мире 3000 ТНК, из них 50 — главных, у которых годовой оборот свыше $10 млрд. Это очень много, это очень большая цифра, потому что эти 10 млрд — это более эффективно, чем бюджет такого государства, как Бельгия или Франция. Потому что Бельгия и Франция обслуживают население, тратятся на образование, вооружение, трамваи, соцобеспечение. А здесь эти $10 млрд они тратят на что хотят. На то, чтобы свергнуть Путина, поменять кабинет министров, они могут мафию нанять, нанять лучших специалистов, поэтому каждый доллар такой ТНК стоит примерно 1000 долларов бюджета любой страны. И в каждой из 50 таких корпорациях сидит Людовик Баварский, Ганс Сакский. Сейчас издан трехтомный словарь династических домов Европы — там более 25 династий. Вы знаете, сколько в Германии было княжеств? Это все династии. Они все наверху, они все сидят в эти наблюдательных советах ТНК, они все родственники. Родственники той же Ганноверской династии, которая правит в Великобритании. Великобритания возглавляет англофильскую партию по всему миру. На самом деле весь партийно-бюрократический мир делится на две политические партии: те, кто за американцев, и те, кто за англичан.

ПЗ: Так ли уж однозначна ваша градация, что все ТНК контролируется сверхэлитой? Ведь часть ТНК однозначно контролируется США, то есть в вашем понимании контрэлитой.

Г. Джемаль: Ничего подобного, это наивное рассуждение. Какие американцы сидят в ТНК? Демократы? Но как раз демократы являются троянским конем Старого Света.

ПЗ: Кстати, да. Например, Mobile Exxon — это демократы, Shevron Texaco — это республиканцы. Как раз они ЮКОС и хотели купить, вот борьба и идет.

Г. Джемаль: А ЮКОС к кому перебежал?

ПЗ: Хотел к Mobile Exxon.

Г. Джемаль: Поэтому Буш его и сдал, он сказал: берите этого гада и давите его. Но суть в чем, на самом деле: все, что было советским наследием: Камаль Абдель Насер, Саддам, партия БААС, — откуда они взялись? Это все, кто взбунтовались против пробританской

классической сверхэлиты, против Хашимитской династии, части суперэстеблишмента. Бунтовщики против них были проамериканцы, хотя точнее — еще ранее это национал-социалисты выпестовали их во время войны. Сначала они были за Гитлера, потом перешли на сторону США. Вот они-то и свергли свои династии, встроенные в сверхэлиту. Но потом с американцами из-за Израиля у них стали очень сложные отношения, и уж потом все они пришли к Москве. Москва только воспользовалась осколками американского наследия. Все, кто взбунтовались в Старом Свете против британской партии, становились сотрудниками ЦРУ. Если американцы по той или иной причине их бортовали, то они вынуждены были переходить к Москве. Сейчас же положение будет меняться. Почему? Потому что Соединенные Штаты не выдержат конфронтации со сверхэлитой. Сверхэлита Старого Света будет страшнейшей тиранией в истории человечества. Если считать, что ситуация с Америкой будет решена после 10 года этого века, после этого наступит новая эпоха, никакой демократии не будет. Исчезает политэкономия. Раньше человек удовлетворял потребности, покупал машины, одежду, и таких было много. Это был колоссальный рынок, и они своим кошельком могли голосовать, а теперь… Вы знаете, что мировой валовой продукт, основанный на финансовых спекуляциях, в 20 раз превышает валовой продукт, основанный на реальных доходах. Политический истеблишмент больше не зависит в своих манипуляциях с финансовыми потоками от реальной экономики. Раньше человек покупал, он говорил: я у вас покупаю, вы должны вокруг меня плясать. А теперь он кто такой? Ну что с того, что он авторучку купил, велосипед, книжку? Да у нас тут есть проект полета на Марс, несколько триллионов долларов. А таких проектов очень много, они все международные, созданы комиссии ООН, ЮНЕСКО. Обеспечение чистки дна Мирового океана, затягивание озоновой дыры. Это триллионы. Экономическая база электоральной демократии сегодня уничтожена, и последнее, почему они еще существуют, — это пиаровский дискурс в конфликте американской контрэлиты и сверхэлиты Старого Света. Когда Америка опустится на дно Мирового океана в прямом и переносном смысле, тогда что наступит? Тогда наступит страшная ночь рабовладения. В плане технологий современных этот клан может вполне изолировать себя и продвигать проект Вечного человека, Ноосферы. Их задача — отождествиться с Ноосферой и быть представителями Ноосферы. А все остальные люди могут быть бомжами на помойке; если они будут бунтовать, там международные полицейские на своих вертолетах с ними разберутся.

ПЗ: То есть Олдос Хаксли — «О дивный, новый мир»?

Г. Джемаль: Да.

ПЗ: Переломная точка — 2020—2025 год, как называют некоторые.

Г. Джемаль: 2020 год — это 1440 лет ислама. Это два раза по 720 лет. 720 — это аср. Аср в исламе — это мера исторической длины, тысячелетие тоже упоминается, на самом деле аср — это традиционный в исламе отрезок времени. Аср — это третья часть стояния солнца в зодиакальном знаке — 2160 лет. Внутри асра первая половина — это всегда восхождение ислама, вторая — нисхождение. 360 лет до монголов и 360 лет после монголов, потом восстановление, Османский халифат. Заканчивается нисхождение в 1440 году хижры, который есть 2020 год. Но самое интересное, что есть солнечный календарь и есть лунный. Так вот, по солнечному календарю, который длиннее, 1440 год придется на 2060. Между 2020 и 2060, то есть 1440 лет ислама по лунному и 1440 лет по солнечному календарям, — 40 лет неопределенности, аналогичной той, когда Моисей водил свой народ по пустыне. Вот за это время и решится то, что будет определять остаток, 400—600 лет, о которых мы говорили. То есть будет ли исламский фактор освободительным, спасительным фактором для человечества, фактором, который не даст накрыть все

господство человека Ноосферы, или враг воцарится, и мы будем просто списаны в конце времен.

ПЗ: А вы не допускаете, что это будет не исламский фактор, а какой-то другой?

Г. Джемаль: Это будет только исламский фактор.

ПЗ: То есть возникновение новой мощной религии мы не увидим?

Г. Джемаль: Потому что цепь откровений завершена, Пророк Мухаммад (С) является последним пророком, и все остальное может только быть лжепророчеством, изобретательством, сектантством.

ПЗ: А какая идеология или религия стоит за этим будущим возможным рабовладением?

Г. Джемаль: Это крайне выродившаяся форма естественной религии, которая органически приходи к антропоцентризму, базирующемся на культе Денницы, Люцифера, Иблиса — разные имена того, кому поклоняются неединобожники.

ПЗ: То есть сатанизм?

Г. Джемаль: Это не сатанизм. Тот, кто называется Даджал или Антихрист, — это не тот, который приходит против Христа. Это Христос приходит против Антихриста, потому что Антихрист есть в каждую человеческую эпоху, в каждый эон. Антихрист — это естественный человек. Я не верю, что Антихрист может быть евреем. Почему? Потому что еврей, даже отпавший, все равно принадлежит к линии пророчества. Поэтому Антихрист, скорее всего, будет тибетец, китаец, ведантист. А скорее всего, он явится из Агарти, на самом деле сверхэлита давно установила с ним контакты.

Беседовал Андрей Черкасов

ШУРА (ИСЛАМСКИЙ СОВЕТ) КАК ИНСТРУМЕНТ ЕДИНСТВА УММЫ

“То, что дарует Аллах [в будущей жизни], лучше и долговечнее для тех, которые... вершат свои дела по взаимному совету...”

(Коран 42:38).

Российская умма является, вероятно, единственной частью мусульманского мира, в которой не реализован утвержденный Святым Кораном институт исламского самоуправления — Шура (совет мусульман). Отсутствие Шуры тем более симптоматично, что оно есть следствие исторического периода, называемого “советским” — семидесятилетия жизни в стране Советов. Новый “вавилонский плен” основательно скомпрометировал саму идею совещания как инструмента общественной воли. В нынешней России всякого рода совещательные и консультативные структуры воспринимаются заведомо либо как синекуры для вышедших в тираж политиков, либо как некие архитектурные излишества на здании реальной власти.
Видимо, поэтому в самом конце советской эпохи среди наиболее политически активной части мусульман возобладала тенденция к созданию партий — привычный знак политического самовыражения — прежде чем было определено, чью и какую политику

будет проводить такая мусульманская партия, в чьих руках явится она инструментом. Не спасало положение и учреждение условного и неэффективного “совета улемов” при партии — условного и неэффективного, потому что Шура не может существовать при какой-то организации. Наоборот, любая подлинно мусульманская организация может существовать только при Шуре. Очевидность этого принципа вытекает из самой структуры духовного авторитета, установленой Всевышним для Своей общины: “О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику и тому, кто наиболее достоин власти из вас самих” (Коран, 4:59). Повиновение Аллаху означает следование установлениям Святого Корана, ведь Коран есть ясное наставление для всех и Свет на пути. Каждый мусульманин должен изучать Коран, стремиться понять его аяты и поступать в соответствии с этим (вопреки распространившемуся заблуждению, будто вникание в суть того, что говорит Бог в Своем Откровении, зарезервировано для немногочисленных избранных ученых).

Повиновение Посланнику (МЕИБ) означает следование достоверной Сунне, которая поясняет смысл Божественного Откровения и по определению не может ему противоречить. Но что означает повиновение тому, кто “наиболее достоин власти из вас самих” (аула-ль-амр минкум)? Очевидно, что речь не идет (вопреки некоторым комментаторам — и достойно сожаления, что такие комментаторы есть) об эмирах и султанах. К этим правителям не относится кораническое указание “из вас самих”. Их власть учреждена на родовых началах и носит, с точки зрения ислама, узурпационный характер. Не идет здесь речь и об ученых — факихах — как таковых, ибо одних лишь знаний самих по себе далеко не достаточно, чтобы сделать их носителя “наидостойнейшим” власти. Тем более если говорить о реалиях сегодняшнего дня, в данном аяте не подразумеваются инициаторы и руководители общественно-политических организаций, ибо, как бы не заслуживала похвалы их деятельность, они, по сути дела, являются самоназначенцами и, таким образом, не могут входить в санкционированную Всевышним структуру духовного авторитета.

Говоря это, мы отнюдь не имеем в виду огульное осуждение партий и организаций в мусульманской среде. Но следует помнить, что, с точки зрения ислама, есть в конечном счете лишь две партии, которые непримиримо противостоят друг другу — “партия Бога” и “партия сатаны”. Любые мусульманские движения оправданы лишь в том случае, когда они являются структурными подразделениями “партии Бога”, т.е. управляются единой политической волей, исходящей из общей для всех мусульман целесообразности. Если же вопрос о духовном авторитете, санкционирующем ту или иную конкретную организацию, не вполне ясен, то возникает опасность, что такая организация может, несмотря ни на какие декларации и политическую атрибутику, оказаться филиалом “партии сатаны”. Точный смысл приведенного выше аята Суры “Ан-ниса’” не оставляет сомнений: в словах Бога о “наиболее достойном власти из вас самих” имеются в виду те, кто выдвинуты на этот уровень и признаны в этом качестве самой общиной мусульман. Речь не идет о демократической “представительности” в профаническом смысле слова, укоренившемся в западной политической культуре. Существующие в исламской среде критерии отбора и выдвижения наиболее достойных власти основаны на иных принципах и связаны с особым провиденциальным статусом, которым Всевышний наделил исламскую умму в истории человечества: “И вот Мы установили вас общиной в центре, чтобы вы были свидетелями о человечестве [в Судный день]...” (Коран 2:143). Не уходя глубоко в исламское учение об истории и обществе, ограничимся лишь напоминанием, что сам Пророк (МЕИБ), его верные сподвижники, великие учителя и умы исламской общины, ведомые божественным промыслом, неоднократно высказывались о личных качествах тех, кто достоин быть облеченным властью среди мусульман. В частности, имам Хасан аль-Аскари указывает на пять обязательных характеристик: 1) этот человек не должен

отклоняться от исламского вероучения; 2) он должен быть неподкупным; 3) он должен находиться в постоянной заботе о защите ислама от посягательств; 4) он должен подавлять незаконные страсти; и 5) он должен подчиняться заповедям и установлениям Аллаха. Трудно не заметить, что в этом перечислении качеств на первом месте стоят религиозный патриотизм и цельность натуры. Эти добродетели и образуют базу того, что мы можем назвать "властным достоинством" мусульманина.

Очевидно, что те, кого неисламская администрация выдвинула на роль "носителей" духовного авторитета среди мусульман, принципиально не могут иметь ничего общего с вышеприведенными критериями. С другой стороны, не менее очевидно, что люди этого типа или, по крайней мере, в той или иной степени приближающиеся к нему, есть в российской умме (среди нас). Образование Шуры путем выдвижения этих людей — непременное условие того, чтобы все наши движения, организации, общественно-политические инициативы были частью конкретной деятельности "партии Бога" в России. Сегодня у российской уммы (как у всей мировой исламской общины) нет более важной задачи, чем практическое объединение всех мусульман. В предшествующие исторические эпохи мусульмане мира могли позволить себе "ограничиваться" идеальным духовным единством, воплощенным в общем для всех исповедании веры и Столпах ислама. В те времена вопрос о цивилизационном выживании уммы во всмирно-историческом масштабе не стоял с такой остротой, как сегодня. Ныне же из духовной сферы принцип Тавхида должен распространиться на конкретную область принятия важнейших политических, социальных и экономических решений, которые скажутся на положении мусульман в завтрашнем мире. Именно Шура — совет мусульман — должен стать сегодня в России (а возможно, и шире — в СНГ) конкретным подтверждением нашего участия в едином исламском проекте. "И к Нему мы прибегаем!"

ЧТО ТАКОЕ "ТАУХИД"?

Западная цивилизация утратила принципиальный контакт со своей собственной традицией, с наследием Ибрахима, выраженном в посланничестве Иисуса, сына Марии, примерно в XVII веке. Около этого времени складывается первое представление о "прогрессе", о том, что история человечества идет по восходящей линии. Это естественно: как только священное знание сменяется профаническими домыслами, первое, что происходит, это зеркальное переворачивание ориентиров. Традиция знает, что история человечества начинается с пребывания Адама в раю, который он утратил, и с тех пор (в лице своих потомков) не перестает деградировать. Значит, профаны, бросающие вызов традиции (и элементарной логике — ведь из меньшего не извлечешь большего! — и непосредственному историческому опыту поколений), заявляет обратное: нет, звероподобные пращуры тряслись от холода и страха в пещерах, а Рай, дескать, впереди. Фундаментальный подлог осуществляется в умственном отношении элементарно: простая перемена знаков, Железный век был вчера, Золотой наступит завтра! Стада двуногих мотивированы, теперь можно их пасти, стричь шерсть, гнать на бойню... Только подумать, что все эти просветители, утописты, революционные сатирики, расписывавшие, как пресловутые "попы" ("муллы") держат в темноте народ, чтобы беспощаднее его эксплуатировать, на самом деле приписывали другим модель собственной социальной этики. Ведь эти Вольтеры и Ахундовы, Лассали и Чернышевские — они-то и есть подлинные попы на службе у тоталитарной экплуатации, они-то — "просветители" — и есть политкомиссары при Всемирном Банке, который уже не первое столетие оплачивает из своих неправедных миллиардов фабрикацию сатанинской лжи.

Но сколько бы не усердствовали идеологические слуги Лжемессии, не получается затереть, затолкать в угол назойливую правду: с каждым поколением свободы не больше, а меньше! С каждым поколением качество жизни ниже, мотивация жизни слабее, самоощущение людей дискомфортнее. Пошляки, владеющие прессой и умами, убеждают пошляков, ничем не владеющих, что горячая вода в кране и пластмассовый плеер на шее — вполне приличная компенсация за отнятое право быть собой. А если с каждым — опять-таки — поколением все выше горы трупов, все провокационнее и подлее предлоги для расправы, то что ж — это издержки возросшего могущества человечества... или усложнившихся проблем, стоящих перед ним... или бремени непростых задач, налагающих ответственность... какую там еще ахинею мелют эти кровавые шуты, объединенные в международную лигу объяснителей всего и вся?..

Человечество, конечно же, в смертельном кризисе. И первым доказательством этого кризиса является не всеобщее пресмыкательство перед гнуснейшими идолами, не рабство у бюрократического государства, фискальной системы вконец обнаглевших ростовщиков, тем более не такие мелочи, как дестабилизированная экология и исчерпанные ресурсы, нет! Первым и главным доказательством кризиса человечества является всеобщая глобальная глупость, небывало свирепствующая на планете. То, что существует вот эта "лига объяснителей"... и то, что существует "масс-медиа" — централизованные во всемирном масштабе средства оболванивания... и то, что арлекиниада, кривляние, подмена и фальсификация — эти обязательные приметы Сатаны — стали доминирующим тоном общественной жизни. Глупости самой по себе довольно, чтобы списать подверженных ей существ, как обреченных. Представьте себе пчел, разложенных и дезориентированных пропагандой!

Как это произошло? Не "почему?", ибо мы, в отличие от "прогрессистов", знаем, что причинно-следственный процесс (в частности, история) асимметричен, он идет только сверху вниз — но "как" технически?

Современный человек — то есть в первую очередь представитель стандартной западной или прозападной ментальности — характеризуется прежде всего фанатичной приверженностью к клише, своеобразным ориентирам в замкнутом умственном пространстве, которое ему кажется единственно возможным и безопасным. Клише — не обязательно только то, что известно и сто раз повторено. Безопасная, ожидаемая, предсказуемая банальность также имеет характер клише, хотя бы формально она и являлась "новым" высказыванием. В каждом современном массово-профаническом человеке сидит безошибочный внутренний редактор с нюхом на "свое" и "чужое", даже когда речь не идет о прямом интеллектуальном вызове. Процитируйте профану, не называя имени, имама Хомейни, например: "Пот рабочих и кровь солдат священны и драгоценны" — и он тут же насторожится: "что это, что это, что это?!" А дайте ему, опять-таки анонимно, что-нибудь из Горбачева ("Давайте больше руководствоваться рассудком") — он удовлетворенно кивнет: "Все правильно".

На логическом уровне нельзя доказательно раскрыть, почему в одном случае профан настораживается, в другом — выражает согласие. Остается признать, что редактор внутри него — сам дьявол. знающий свое дело. "Объективная истина", т.е. твердое знание о том, какова реальность, — давно не затрагивает "общечеловеческое" сознание, ему даже непонятна сама эта концепция. В мире профанов сейчас только профессиональные философы — да и то лишь если они специализируются на теории познания — еще смутно могут припомнить, что подразумевалось в "варварские времена" под "объективной истиной". Так называемая наука превратила знание о мире в производное от своих быстро меняющихся домыслов, а последние в догму, неприкосновенную для "аутсайдеров"

(заметим, кстати, что девять десятых наименее абсурдных идей науки представляют собой откровенный и при этом совершенно непонятный плагиат из традиционных дисциплин, Каббалы, герметизма, магии, только изложенный позитивистским жаргоном профанов!) Окончательно образ “объективной истины” был скомпрометирован для толп благодаря той пародийно извращенной роли, которую ей навязали в так называемом “материализме”, попросту отождествившим “объективное” с “чувственным” и объявившим “истиной” физиологические ощущения самого примитивного слоя двуногих. Это крайнее вырождение концепции “истины” позволило наконец наиболее высоколобым из профанов эмансипироваться от нее и предложить эмансипацию массам.

На сегодняшний день “истиной” является результат коллективного соглашения “внутри человеческого общества”. “Истина” теперь — продукт культуры. Собственно, современная “истина” — это и есть сама культура. Без этого главного понимания, что такое “теория познания” профанов, мы никогда не поймем секрета “нового мышления”, амбиции науки, пафоса неоспиритуализма и оккультизма, короче, мы не поймем до конца, в чем и как профан является практикующим сатанистом.

Однако “истина” как культура, “истина” как конценсус, “истина” как клише, банальность и тавтология характеризует без экивоков то клиническое состояние, в которое впало массовое (по-видимомому, в планетарном масштабе) сознание. Это солипсизм. Тот самый солипсизм, которым Ленин пугал махистов. Теперь в коллективном солипсизме пребывает (за вычетом некоей части) все человечество, ибо оно твердо верит, что реальность есть то, чем оно, человечество, его полагает. Увы, даже во времена худших форм язычества человечество не сбивалось с пути так далеко, как сегодня. И это, бесспорно, знак, грозный знак “Последнего времени”.
Мы исключили из сферы тотального заблуждения вышеупомянутую “некую часть”. Да, ибо есть те, “которые уверовали”! Для них же “объективная истина” — не странный миф и не архаический пережиток: она совпадает с откровением и противостоит домыслам, иллюзиям, обольщениям, всем видам сознательной и бессознательной лжи. Совершенная норма Целого — “объективное”, если уж пользоваться аристотелевской терминоглогией, — противостоит произволу Частного. Человеческое же (даже с добавкой “обще-”) есть не более чем часть универсальной Реальности, как это ни странно звучит на слух тех, кто путает “коллективное” со “вселенстким”.
Но что значит в контексте современности “уверовали”? Что это значило для тех бедуинов четырнадцать веков назад, людей, несомненно в чем-то очень современных, ибо они пили, они были циниками, плевали на многие обычаи и установления, испытывали доверие к физической наглядности, преклонялись перед грубой силой, были оппортунистами, охотно тяготели к мафиозной круговой поруке и вместе с тем культивировали языческий, даже отчасти “ницшеанский” (если вспомнить доисламскую арабскую поэзию) — индивидуализм?

“Уверовать” означало для них стать выше всего этого. “Уверовать” — в контексте их, как и любой другой ситуации, — означало повернуть вспять поток инерции, отказаться быть тем, чем быть проще и не требует усилий, чтобы стать тем, чем быть трудно и требует воли, затраты сил, жертвы... Поэтому столь фундаментально в исламе понятие “джихад” — буквально: крайнее, напряженнейшее усилие, преодоление инерции, борьба с ничтожным внутри себя и с агрессией ничтожного снаружи.

Конечно, Посланник Бога (мир ему) обращался не к первому встречному сброду: эти бедуины в своей генетической основе были благородны, они являлись законными наследниками Ибрахима (Авраама), Отца верующих, Первого верующего, который в условиях глубокой деградации тогдашнего человечества, утратившего духовную

интуицию и непосредственный внутренний опыт, совершил героический акт: повернулся от того, что представлялось очевидным, к тому, что утратило очевидность, от торжествующей множественности повернулся к скрытому Единому. Эти бедуины в течение веков растеряли великое наследие Ибрахима-ханифа, но у них было право на него...

Итак, что означает для современного человека быть тем, “кто уверовал”? То же, что в свое время для впавших в многобожие потомков хаджар (Агари), плюс та тяжесть, которая добавилась за истекшее время. Нынешняя инерция не сводится лишь к племенному идолопоклонству, ныне акт веры должен преодолевать гигантский вес человеческого самообожествления, нового шаманизма, переряженного в культ Разума и Счастья. Современному верующему противостоит планетарная сверхорганизация, где государственные бюрократии — лишь видимая часть айсберга, его заклятым врагом является сатанинское чудовище Роста — единственное, что в бренном мире вампирически пухнет и с каждым часом увеличивается, в то время как все другие земные реалии иссыхают и умаляются в его пользу.
Ибо современное человечество с его солипсизмом, глупостью и раболепием перед похабнейшими идолами и фетишами полностью контролируется ростовщиками. Как проще всего определить нынешнего ростовщика? Это тот, кто продает фиктивные деньги, получая за них настоящие. Вот и вся архетипическая модель этой “сверхсложности”, этой изощреннейщей лабиринтности в современной организации общества! Сбывание фикций и выкачивание подлинного, квинтэссенции — такова политэкономическая “алхимия” дьявола, на этом стоит Дом Невекия — Дар-уль-Куфр.

Ислам — это духовное царство свободы, где каждый правоверный сопричастен героическому акту веры патриарха Ибрахима, поскольку, будучи верующим, он отказывается идти путем легким, широким, путем всякой плоти, то есть подчиняться мошенничеству Врага, преклоняться перед Идолами, коформироваться с Системой, организованной теми, кто, словно кровь, сосет питательнейшую человеческую глупость. Верующий исповедует веру в Единого, Который не умирает и рядом с Которым нет никого. Вот она, “объективная истина”: не придавайте сотоварищей Богу! Все, что ни есть Он Сам — Единый, Вечный — то ложь и фикция! Но ислам сегодня, увы, не является тем политическим царством свободы, которым он был первые 600 лет после низведения Откровения через Послеанника Бога Мухаммада (мир ему). Начиная с монголов и по сей день силы тленного мира, силы неверия ведут наступление на Остров, и под “Островом” мы имеем в виду мир ислама как оплот высшей духовной нормальности посреди бушующего моря глупости, сумасшествия, шарлатанства и вырождения.

Не время и не место здесь пускаться в углубленный анализ того, почему Дар-уль-Ислам ныне в тяжелом положении. Достаточно лишь напомнить, что и Восток, включая “Восток” духовный, символический, генерирующий Свет, является частью сотворенного сотворенного мира, а значит, подвержен циклическим законам времени. Нет в дольнем — тленном мире — такой духовной твердыни, которой не коснулся бы упадок! Царство беззакония пустило свои корни и в нашей священной земле. Еще двенадцать лет назад — до Исламской революции в Иране — не существовало ни одной страны, где мусульманин мог бы сказать: “Я живу под сенью исламского правления!” Повсюду правили и продолжают править предатели веры на службе “Всемирного Банка”, агентура Дадджала (Лжемессии), распределившая между собой посты “президентов” и “королей”, душащая кровавым террором жертвенное противостояние правоверных Беззаконию. Ислам богат людьми, не боящимися никого, кроме Аллаха: миллионы готовы свидетельствовать кровью, что нет другого бога, если это не Бог Авраама, Иисуса и Мухаммада (Благословение и молитва Бога над ними).

Тогда почему так успешны интриги ростовщиков, почему в таких беспощадных политических клещах исламские страны, где неверующее, секуляризованное, (а иногда откровенно языческое, как в Индонезии) меньшинство диктует огромному большинству верующих?
Наиболее общая фундаментальная причина — ослабление самой веры. Мы не иммеем в виду только лишь ее убывание "количественно": речь, конечно же, не может идти о том, чтобы каждый имел в себе силы и волю стать мучеником: главное — то, что вера ослабела "качественно": для верующих стали возможными, терпимыми, даже привычными вещи, которые абсолютно несовметимы с исламом! Стратегические ...??, нанесенные арийской доминанте, способствовали поднятию "тюркского" Ислама. Что это означало для веры? Первое: перенос акцента с "Великого Джихада" (то есть внутренней "священной войны" в Духе на на малый джихад ("священную войну" в физическом мире). Сам по себе переход от "великого усилия" в невидимом к малому усилию в видимом — означает первый принципиальный шаг "ослабления веры". Второе: переход доминантной позиции к тюркам наносил удар по универсализму исламской цивилизации, создавал в дальней исторической перспективе предпосылки для контрисламского национализма, который стал настоящей чумой в XIX веке. Одной из таких вещей в первую очередь является "оборонительная позиция", которая стала чем-то самим собой разумеющимся для слишком многих. Задолго до того как появились мусульмане, смеющие оправдываться и извиняться перед многобожниками и атеистами за то, что они "такие", ислам перешел к военной и экономической обороне. Что стояло за разгромом Халифата монголами и создания Иерусалимского королевства крестоносцами — двумя стратегическими катастрофами, близкими друг к другу по времени и по последствию? Изменение духовного климата среди "знающих", изменения фундаментальных ориентаций. Расцвет "калама", влияние аристотелизма, рост значения дискурсивной философии (а точнее говоря, понятийно-рассудочного теоретизирования), опытного знания... Это в тот период, когда на стороне геополитического противника была "моральная" цельность, превосходство вдохновения над рассуждением. Наконец, нельзя, будучи реалистом, замолчать и третий момент: господство тюркской стихии привело к застою технологий, необходимых для вооруженной борьбы, а также к организационному отставанию от Запада. Впрочем, организационный застой связан опять-таки с отступлением от изначального универсализма, преобладавшего в первые века ислама. На протяжении всей новой истории военные поражения, организационный застой и, не надо забывать, экономическая блокада Запада, вдохновленного ростовщиками на колониальную эпопею, навязывала мусульманам сознание своей исторической "второсортности", то самое сознание, которое легко перетекает в концепцию "отсталости". "Отсталым" же естественно учиться у "передовых"! В итоге постколониальная элита, душой и телом преданная Западу, со всем, что он подразумевает, правит (за исключением сегодняшнего Ирана) повсюду, исполняя планы своих хозяев по разложению и уничтожению Последнего Откровения. Их общей приметой является, с одной стороны, атеистический космполитизм, тщательно утаиваемый от народа, с другой — спекуляция на архаических пластах коллективного бессознательного, которое составляет опору национализма. Они, лакеи системы, возрождают языческие инстинкты, пытаясь противопоставить этногенетические общности универсуму мировой исламской общины (не забудем, что организаторами националистических идеологий при ближайшем рассмотрении оказываются выходцы из других сред: арабский национализм "основополагали" бейрутские армяне при сотрудничестве арабоязычных христиан, тюркский национализм был придуман анатолийскими иудеями...).

Современные мусульмане стоят перед угрозой новой "Джахилийа", угрозой утраты абрахамической традиции и впадения в идиотизм реставрированного и модернизированного язычества. Терпимость к тому, чего не терпит ислам, — это отказ от

“Шехады”, равносильный прекращению быть! И ярче всего признаки “Джахилийя” проявлены среди мусульман в СССР, подвергавшегося сначала колониальной тирании со стороны тупоумной и религиозно невежественной псевдомонархии (ставшей чуть ли не с момента своего возникновения инструментом чужой стратегии), — впоследствии же — сатанинскому террору слуг Даджала, типичными методами которых были геноцид и массовая “промывка мозгов”. За время “советской власти” миллионы мусульман были замучены или изгнаны, их потомство несет в себе травматические шрамы от этой глобальной расправы. Сейчас мусульмане СССР вовлечены в заключительный этап имперской истории — краха советского колониализма. Подобно тому как управлявшаяся “из-за кулис” псевдомонархия Романовых изжила свою нужность в качестве инструмента, сменивший ее советский режим, в свою очередь, исчерпал свои функциональные возможности, ради которых его зарубежные хозяева в течение жизни трех поколений не давали ему развалиться.

Финансовый истеблишмент Запада больше не заинтересован в этом геополитическом монстре, позволившем региональным мафиям слишком эмансипироваться от международного контроля, ставшего обузой для мировой экономики в силу вопиющей непродуктивности, наконец, утратившим из-за очевидного одряхления даже роль стратегического пугала. Мы — свидетели того, как по мановению банка в читанные месяцы расчищаются неприступнейшие завалы пресловутого “тоталитаризма”. Гигантская империя оказалась глиняным чудовищем — “Големом” каббалистической легенды.
Чему мы являемся свидетелями? С одной страны, мусульманские герои и мученики прорывают фронт объединенного кафирства в Иране, где Враг (носящий в данном случае притерпевшуюся маску “американского империализма”) вроде бы захвачен врасплох. Одновременно же Куфр переходит в наступление, используя свою марионетку Саддама Хусейна на иранском направлении и Советскую Армию — на афганском. Результаты? Иран, захлестнутый петлей блокады, выдерживает агрессию сверхвооруженного, сверхснабжаемого противника и остается исламским. Плохо вооруженные муджахиды вынуждают уйти деморализованную армию агрессора, и Союз, разваливаясь, перестает быть “советским”. Было бы неверно недооценивать роль сражающегося Афганистана в морально-политическом крушении прогнившего большевизма. Выводы? Происходит расчистка поля перед финальной битвой двух полярных сил, расколовших человечество: силой нормального, подлинного, противостоящего гнилостным, распадным, энтропическим процессам, силой, направленной вверх на соединение в первым и единственным Принципом всего сущего, силой ислама — с одной стороны, и силой инерции, фальши, самодовольства, кощунственной арлекинады, демонической жажды конторля, иными словами силой кафирского неоглобализма — с другой. Советский Союз и его сателлиты — это павильон на снос и на вывоз. В контексте подлинной поляризации отменяются прежние фиктивные “противостояния”: все, что служит обманщику, — “конвергирует”.

По нашу сторону оказываются все угнетенные и обездоленные: они в тех или иных обстоятельствах подверглись тирании Дадджала, стало быть, они отмечены печатью причастности к Духу: ныне “лишенный наследства” — это тот, на ком Зверь не поставил свой знак. В этом суть великого политического учения имама Хомейни (да будет Бог им доволен), учение о слабых мира сего, “мустазафинах”: в их слабости воплощено противостояние торжествующему (временно!) Зверю, изъятость из под его сатанинской эгиды.
Ислам объединяет всех “мустазафинов”, берет под свое покровительство всех обезоленных. Кто они, сколько их? Это ведомо только Богу, но все лучшее и избранное этой земли — среди “лишенных наследства”. Ислам несет им “Тавхид” в благой удел:

единство Бога, единственность Правоверия, единение тех, кто уверовал! Наш “Тавхид” — ключ к высочайшим тайнам, ибо нет большего знания, чем знание Одного.

Поэтому “Тавхид” — это призыв, обращенный не исключительно к мусульманам: любящие Бога, все, для кого дальнее более реально и драгоценно, чем ближнее, все, что не смиряется перед наглостью Гибели и Гнили, выдающей себя за лучезарный рассвет и кипение жизни, все они — адресаты нашего Призыва.
К ним обращен черный цвет великого Единения, благородный цвет чистейщей духовности, цвет траура по мученикам ислама, цвет приговора падшему и обреченному миру, цвет тайны...
Пророк сказал: “Когда увидите черные флаги со стороны Хорасана, идите на них, поскольку Халиф Аллах Махди будет среди них” (Ахмед-и-Байкади).

ВЕРА В "ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ" И ЕДИНОБОЖИЕ

Опыт смерти и основанная на этом опыте та или иная философия смерти — это изначальный критерий внутренней подлинности человека, его метафизического качества. Явный культ смерти, ее эстетизация, доходящая до одержимости, как это имело место в традициях ацтеков, Египта фараонов или европейской культуре барокко — не обязательно свидетельствуют о подлинном понимании того, что такое поистине есть смерть; ее реальная сущность скрыта по ту сторону декоративной атрибутики, черепов и скелетов с косами, своей избыточностью как бы заклинающей ужас. Вместе с тем непризнание ее как центрального факта, вытеснение мысли о ней за пределы бодрствующего сознания говорит о духовной ущербности еще более глубокой и безысходной. Обычный человек во все времена стремился избежать излишнего сосредоточения на этой теме, с другой стороны, memento mori — помни о смерти — было девизом духовных элит (к которым в Европе средневековья и раннего Возрождения бесспорно относилось и так называемое “оперативное масонство”).
Сегодняшний мир в его доминирующем западном, точнее американском, обличье представляет собой в духовном плане исторически беспрецедентную смесь инфантильного, диснейлендовского оптимизма и неизбывной параноидальной тревоги. Исход Второй мировой войны положил конец Европе как центру мирового порядка. На целых два поколения мир вступил в эпоху карнавала, переоценки ценностей снизу, легализованной анархии. Любая норма, догмат, жесткость, дисциплина, наконец, просто упорядоченный смысл были признаны “отрыжками” тоталитаризма, если не прямо фашизма. Жан Поль Сартр лично защищал городских партизан-террористов. Биполярный мир, холодная война только питали своей энергией этот праздник, начинавшийся на руинах разгромленных европейских столиц. Сегодня он кончился вместе с биполярностью. Мы живем в посткарнавальную эпоху. Рождается новая норма, новая догматика, разномастная, абсурдная, лубочная, пытающаяся спрятать свою истерическую паучью агрессивность за либеральными улыбками телекомментаторов. Рождается — уже родился! — новый посткаранвальный тоталитаризм со всемирными амбициями, имя которому — “Нью эйдж”. У этого тоталитаризма, естественно, есть своя догматическая философия смерти. В ней узаконены все мыслимые ошибки, недомыслия, отклонения, “испорченные телефоны” бесконечных межконфессиональных диалогов, и построена эта философия на вере в перевоплощение душ.
Идея “перевоплощения” — возвращение души умершего на Землю через рождение живого существа, именуемая на жаргоне неоспиритуалистов “реинкарнацией”, претендует на укорененность в древних традициях. В европейский интеллектуальный обиход эту идею запустил сентиментальный немецкий драматург XVIII века Вольфганг Лессинг. Как

социалист и один из первых неоспиритуалистов нового Запада, он оказал большое влияние на французских энциклопедистов, соединявших наружный рационализм со скрытой космистской “мистикой”. Все они, как правило, были спиритами, верили в реинкарнацию (именно Фурье “подарил” это слово официальному основоположнику французского спиритизма Карлу дю Прелю) и даже объясняли умственное и душевное неравенство людей разным количеством испытанных смертей и рождений, благодаря чему “менее опытные” души стоят ниже по шкале спиритической эволюции. (Стоит заметить, что механический рационализм, сталкиваясь с такими “чудесами”, как неодинаковость двух разных объектов (!), прибегает для их “объяснения” к совершенно иррациональным трюкам.)
Подлинная духовная Традиция, основанная на передаче сквозь историческое время надчеловеческого знания, никогда и нигде не допускала подобного абсурда. Невозможность реинкарнации очевидно следует из того, что безгранична Универсальная Возможность, неисчерпаема конкретика всех ее реализаций. Повтор рождения одного и того же существа в одних и тех же (земных) условиях так же немыслим, как повторение одного и того же числа на оси числового ряда. Такой повтор, если бы он состоялся всего лишь единственный раз в одной точке “Большого Космоса”, означал бы необратимое схлопывание в ничто всей реальности.

Идея “реинкарнации”, подхваченная профанами в эпоху торжества материализма, представляет собой отголосок двух других идей, действительно имеющих место в Традиции, но совершенно не понятых европейцами Нового времени. Одна из них — доктрина метампсихоза, известная по греческим источникам и связываемая обычно с именем Пифагора. Популярна переданная Диогеном Лаэртским история о том, как Пифагор заметил знакомому, пнувшему по дороге приблудную собачонку: “Ты только что ударил своего деда”. В учении о метампсихозе речь идет о миграции психических элементов, составляющих тонкое поле (психическую оболочку) Земли, в котором участвуют все существа, проявившиеся в земных условиях. Это практически аналогично миграции физических веществ, переходящих из одних тел в другие, и точно так же не имеет отношения к реальной неделимой природе обладателей этих тел.
Другой — гораздо более сложной и в силу этого еще менее понятной концепцией является трансмиграция, особенно подробно разработанная в индуизме. Она в некотором смысле представляет антитезу, так сказать, полярное дополнение к учению о метампсихозе. Трансмиграция — это переход духовной (эйдетической) сущности умершего на другой план космического проявления, иными словами — за пределы пространственно-временного континуума, который мы называем “вселенной” и который на самом деле является лишь одной из бесчисленных ступеней в лестнице миров — действительно “Большом Космосе”.

В этой связи необходимо оговорить, что все упоминания о перевоплощениях, носящие порой довольно красочный и экзотический характер, встречающиеся в традиционной восточной литературе, особенно в даосских и конфуцианских источниках, имеют чисто символическую природу и никогда буквально не воспринимались теми, кому они были адресованы. Это, кстати, еще одно довольно важное обстоятельство: традиционная литература всегда адресна, обращается к строго определенной аудитории посредством понятного лишь ей языка, поэтому рассмотрение этих текстов с позиций некой “общемировой культуры” заведомо лишает их того смысла, ради которого они были написаны.

Итак, реинкарнация — неразборчивое эхо доктрин, основанных на реальном знании и потому чрезмерно “радикальных” для профанического сознания. Но этим однако не исчерпывается проблема компилятивной и полузнайской философии “Нью Эйдж”.

Как не парадоксально, неоспиритуалистическую теорию перевоплощения и традиционные учения древних греков и индуистов связывает одна внешне сходная черта. Ни тут, ни там не идет речи о реальной смерти. И метампсихоз, и — в гораздо большей и обоснованной степени — трансмиграция рассматривают смерть как момент перехода их одного состояния в другое; неоспиритуалистическое перевоплощение предполагает постоянное возвращение на один и тот же план существования. В обоих случаях подлинно реальным оказывается момент проявления, жизнь. И для посвященных, и для профанов смерть есть лишь пустая пауза между проявлениями одного и того же существа. Разница между неоспиритуалистами и традиционалистами в том, что первые — профаны, воюющие с собственным духовным наследием, — стараются заклясть и саму идею реальной смерти, открывшейся западному человеку через христианство, в то время как вторые — греки, индусы, да и адепты любых других традиций, основанных не на божественном откровении, а на метафизическом созерцании, — о смерти вообще не говорят. Эти традиции знают все (и под разными углами зрения) — об объекте и объектах, — но они не знают и не могут знать ничего о трансобъективной реальности (“Субъекте”), выражением которой является реальная смерть. Источником знания о трансобъективном может быть только откровение Субъекта о Самом Себе. В этом откровении обнаруживается, что истинное существо живущего непосредственно связано с его смертью, которая имеет безусловный характер. Все, что остается после смерти, распадается, мигрирует, меняет план проявления, будь это “Дух”, психическая оболочка или физическое тело, это не имеет прямого отношения к тому, кто жил и умер; его жизнь в тот момент, пока она длились, была уникальным и неповторимым моментом “здесь и теперь”. Его смерть — оборотная сторона этого момента — есть абсолютное “нигде и никогда”. Только Бог, Единственный, Кто не умирает, может совершить это последнее тотальное чудо: воскресить умерших в их собственном теле, совершить этот невозможный возврат и тем самым навсегда победить неисчерпаемость внешней тьмы.

Оценив должным образом сокровенную доктрину смерти как стержень богооткровенного авраамического единобожия можно понять и то, какие силы формируют инфернальный оптимизм сегодняшней цивилизации заката; ибо агрессия наступившего режима “Нью Эйдж” — эры антихриста — направлена против завета со своим Господом, заключенным на могилой “ветхого Адама”.

СИНДРОМ "ПЯТНИЦЫ" РОССИЙСКОЙ УММЫ

Исламские политические организации должны определиться.

ПЯТНИЦЕЙ, как известно, был назван дикий спутник-людоед Робинзона Крузо, мучительно, но целеустремленно приобщавшийся к достижениям мировой цивилизации. Испытывающий комплекс неполноценности дикарь полубоготворил своего гуманного господина, раскрывавшего перед ним врата совершенно нового мира. В конце концов Пятница заслужил “вхождения в Европу” — был допущен в английские салоны и даже, к восторгу дам, одет в хороший камзол.

Мусульмане давно и прочно записаны чванливыми европейцами в разряд невежественных туземцев. Механический зверь, в XIX веке подмявший под себя большую часть земного шара, огнем и мечом, ложью и подкупами попытался заставить и народы, следующие по пути, указанному Всевышним Аллахом через Пророка, поверить в то, что они — несчастные “пятницы”, долженствующие доказать своим милостивым господам, что не звери, что имеют права на допуск в “общеевропейский дом”, права на “камзол”.

Увы, российские мусульмане являют собой наглядный пример этой печальной и столь свойственной для наших времен картины.

Являясь самой большой компактной группой мусульман Европы, российские мусульмане вместе с тем — не пришлые гастарбайтеры. И если, например, на Северном Кавказе ислам проявлялся неодновременно (ингуши окончательно приняли его только в середине XIX века), то предки жителей поволжских регионов России, волжские булгары, увидели свет ислама именно в местах своего сегодняшнего проживания свыше тысячи лет назад.

С другой стороны, это люди, уже на протяжении многих столетий отлученные от мусульманской власти и мусульманских законов. И надежно на протяжении все тех же столетий являющиеся проводниками западного, в том числе и российского влияния в просторы Азии, в исламский мир.

Сегодняшние мусульмане России к политической активности пробудились одновременно с распадом СССР, выведшим за пределы политического пространства, управляемого из Москвы, примерно 50 млн последователей ислама.

Правда, здесь необходима оговорка. Эту цифру, как, впрочем, и практически любые подсчеты количества верующих, зачастую подвергают сомнению под предлогом якобы некорректности понятия “этнический мусульманин”. Строгие критики заявляют, что, дескать, нельзя называть мусульманами тех, кто не практикует пост, намаз или плохо представляет основы вероучения.

Однако на рациональном уровне простая логическая правильность этих положений не всегда подтверждается правильностью мистической — достаточно привлечь в качестве аргумента слова из Корана, вспомнить позицию пророка Мусы, перед лицом фараона подчеркнувшего, что он намерен вывести из плена всех без исключения евреев, независимо от того, придерживаются они ханифии или находятся в плену языческих заблуждений. Установка пророка была следующей: “Выведем всех своих, а там разберемся”. И когда народ Израиля был выведен из фараонова плена, он напомнил им основы авраамического вероучения. И только после того как значительная часть евреев отказалась вернуться в единобожие и отпала, пророк вручил оставшимся мечи, “благочестивые убили грешников”.

Но “исход от фараона” — не только эпизод истории евреев. Это и важнейший момент бытия всех единобожников. Недаром именно Исход подробнейшим образом воспроизводится в Коране. Поэтому если вернуться к упомянутому, то, казалось бы, все верно: мусульмане — это те “хорошие”, которые знают Коран, делают намаз и т.д. Но на самом деле такой подход — всего лишь чистоплюйский подход людей, умывающих руки в отношении судьбы своих заблудших братьев, которым не повезло в духовном смысле.

Священный Коран дает объяснения тому факту, что не все люди являются одинаково верующими. Наличие веры или ее отсутствие, следование прямому пути или сход с него — воля Аллаха. Но мы, мусульмане, не имеем права игнорировать тех, кто генетически и традиционно включен в состав уммы. Мы обязаны вывести их из страны фараона, а уж потом решить их духовную судьбу.

Данные о 50 млн мусульман СНГ основываются на кораническом принципе интегральности уммы, печати света Мухаммеда, ложащейся на любого, кто через своих родителей, через принятие его предками шахады (исламский символ веры) взят в

ханифию (традиция единобожия). И до тех пор, пока его не окликнули, не напомнили, кто он, и он, в свою очередь, не отказался, мы не вправе исключать его.

Ведь ислам, как и все, относящееся к авраамической традиции единобожия, — это не религия в индивидуальном значении этого слова. Верующие просто не имеют права перед лицом Аллаха действовать по принципу “Я услышал призыв, я верующий, я практикую, а вы как хотите”. Ислам — это гражданство. Человек может быть кем угодно, но если он родился в данном гражданстве, то находится под определенным покровительством. И до тех пор, пока он не совершил прямой измены, к нему будут взывать и напоминать о его обязанностях.

Самое серьезное противоречие существования российских мусульман — это то, что для них одна легитимная правовая система (государственная) почти что исключает другую, шариатскую. И в этом смысле те бесспорно крупные исследователи, которые пытались разобраться в этой проблеме (например, Леонид Сюкияйнен в “НГ”), не совсем точны в своих определениях взгляда ислама на мир как на биполярное пространство — мира ислама (дар уль ислам) и мира войны с неверием (дар уль харб). В действительности существует три мира: мир неверия (дар уль куфр), мир войны (дар уль харб) и мир ислама (дар уль ислам).

Мир войны — это зона, в которой происходит столкновение с куфром. С точки зрения исламского права США, Франция или Англия являются в чистом виде миром куфра. В то же время, например, Иран — мир ислама. Многие же страны, традиционно считающиеся исламскими, на сегодняшний день представляют собой дар уль харб (мир войны). Правительства этих государств находятся в руках неверных. Классический случай такого рода — Алжир и Египет. Если прозападные, антиисламские светские элементы захватывают власть и начинают систематические преследования так называемых исламских радикалов — страна переходит из мира ислама в мир войны.

Россия относится не к дар уль куфр, но к дар уль харб. Во-первых, потому, что мусульмане испокон веков живут на этой земле как на своей собственной, а во-вторых, потому, что в данном регионе у мусульман существуют свои цели и задачи, которые они могут и должны достигать своими усилиями.

К таким целям и задачам относятся, бесспорно, задачи влияния на внутреннюю и внешнюю политику того государства, гражданами которого они являются.

С точки зрения классического исламского права компактно живущий мусульманский народ не может и не должен подчиняться неверию и руководителям неверия. И подпадание под власть немусульман является историческим наказанием за отклонение от прямого пути. Священный Коран так прямо и говорит об этом: “А если отклонитесь с прямого пути, то Я вручу власть над вами неверным”.

Но реалии истории таковы, что различные компактные группы мусульман вынуждены входить в состав империи, управляемой немусульманами. А значит, эти группы должны и обязаны ставить перед собой задачи лоббирования интересов ислама.

Но, с другой стороны, присмотревшись, например, к программе первой из исламских партий на пространствах сначала СССР, а потом и СНГ — к программе Исламской партии возрождения, организованной в 1990 году и ныне ставшей достоянием истории, мы заметим в ней немало культурно-автономистских требований, таких как требование ввести пятницу в качестве выходного дня в районах, населенных мусульманами, и полное

отсутствие требований политических. Этот религиозно-культурный автономизм, который вполне можно определить по его основной составляющей как “синдром пятницы”, уже тогда вызывал недоумение у наблюдателей, задавшихся вопросом: “А стоило ли создавать политическую партию для выдвижения требований, достойных всего-навсего культурно-просветительских кружков?”

Проблема в том, что люди, занимающиеся политикой от ислама, как правило, просто-напросто не знают, что делать. И когда они пытаются выйти из этого тупика, их фантазия не идет дальше пресловутой пятницы. Хотя, по сути дела, это выдает их примитивный внутренний маргинализм и колоссальную ущербность. Так же, наверное, робинзоновский Пятница всерьез отвоевывал себе право на ношение камзола на голое тело во время великосветских раутов своего хозяина.

Эта трагикомическая ситуация будет повторяться снова и снова, до тех пор пока в сознании исламских политиков не возобладает глобальный масштаб подлинного исламского проекта.

Политическая жизнь ислама должна стать частью политической федеральной жизни. И это должно осуществляться не исходя из попыток угодить Центру в его формировании системы наилучшего управления страной. Нельзя обслуживать интересы тех, кто давно уже и полностью враждебен исламу, тех, кто предался Западу.

Опыт зарубежных политических исламских организаций (в частности, в Египте и Алжире) показал, что безоглядное использование парламентских технологий и вера в демократические государственные институты являются губительными для исламской политики. Надо понять, что мир стоит на пороге новой социологии и новой политики, предполагающих постепенный переход к главенству общественных систем, инспирированных религиозно-политическими доктринами, над системой бюрократических государств. И по мере того, как мировая ооновская бюрократия будет подменять собой традиционные национальные бюрократии, будет нарастать и давление общественных движений, подобных казачьим союзам в России или движению “Талибан” в Афганистане.

Таким образом, позиция “пятницы” — позиция людей, заранее обрекающих себя на цивилизационное, геополитическое и духовное уничтожение, уже фактически объявленное наиболее радикальными кругами Запада, выделившими ислам в качестве основного врага.

Сегодня мусульманин обязан осознавать себя политиком, для которого небезразлична судьба его страны в мировом масштабе. И реальный путь исламского политического движения сегодня — это оппозиция. Оппозиция той ангажированности России в мировом сообществе, превращающей ее всего-навсего в часть безбожного Запада.

И, само собой, эта оппозиция никак не должна быть связана с коммунистами, которых нельзя считать оппозицией и частью легального истеблишмента. Исламская оппозиция должна реально напомнить о подлинной “третьей силе”, в том подлинном смысле этого определения, в каком оно впервые прозвучало из уст имама Хомейни, заявившего после исламской революции в Иране: “Мы ни Восток, ни Запад”.

При формировании же должных исламских политических структур надо иметь в виду, что ныне существующие исламские организации могут и должны быть как бы сырьевой базой реальных организаций будущего — при условии их полного очищения от тех

проходимцев и провокаторов под крышей спецслужб, сотрудничающих с властями в организации самых худших военных преступлений.

Впрочем, эти зловещие субъекты находятся вне сюжета несчастного Пятницы, так гордящегося службой у белого господина.

СУБЪЕКТ АЛЛАХА

Умма и метафизическая перспектива.

Фундаментализм

ЗАПАДНЫЙ мир своими духовными корнями связан с почвой римских государственных и правовых традиций, в которых метафизическая подоплека власти тщательно скрыта от обыденного сознания. Эти традиции в какой-то мере прерывались в средние века, и, вероятно, поэтому западные историки называют то время “темной эпохой”. Россия также пока укоренена в римской идее и тем самым, независимо от нынешних склонностей и предпочтений, фактически составляет часть геополитического Запада. Метафизика власти в России еще более сокрыта от публики, возможно потому, что вместо нее широко распространена псевдометафизика, или, точнее, романтика абсолютно конкретного посюстороненнего аспекта власти, некий культ “Левиафана”. Столкновение с другой психологией власти, иным образом легитимности должно было оказаться для неискушенного советского общественного сознания шоком. Это произошло во время войны в Афганистане. “Им, афганцам, говоришь о правительстве в Кабуле, а они отвечают: “Наш президент — Аллах”, — примерно так выглядел моментальный политический снимок “напуганного мусульманина”, размноженный советскими масс-медиа.

Российское сознание оказалось уже более подготовленным. Во всяком случае, когда чеченцы заявляли, что их республика — не субъект РФ, а “субъект Аллаха”, это воспринималось хотя и крайне отрицательно, но без особого недоумения. Более того, рискнем сказать, что более глубокое соприкосновение с исламским миром в ходе вооруженной конфронтации с афганцами, таджиками, чеченцами привело к подспудным переменам в основах российского самосознания, к своего рода тектоническим подвижкам целых пластов “коллективной души”, подобно тому как это случилось в Европе в результате арабского завоевания Испании и Южной Франции и крестовых походов против халифата.

Истоки таких глубинных сдвигов нельзя объяснить лишь “культурным шоком”, столь популярным у современных этнопсихологов. Речь идет о гораздо более серьезных и болезненных вещах. Сегодня, как и в давно минувшие времена, встает вопрос жизни и смерти народов, цивилизаций, государств: кто является субъектом истории, а кто — ее объектом, кто — материал, а кто — мастер? Именно это, а не дележ нефти и алмазов составляет предмет всемирно-исторической драмы. Это вынесенный Россией из нынешних катаклизмов урок, который многим не по душе.

До последнего времени термин “субъект” в российской политической культуре имел правовой привкус и в основе своей являлся иноязычным синонимом несколько

устаревшего слова “подданный”. (Гордо звучащее “субъект международного права” означает, по сути, подчиненность этому самому праву.)

Именно в таком значении мусульмане говорят о своей общине, что она — “субъект Аллаха”. Неожиданным здесь оказывается лишь переводное русское звучание, ибо в исламе это самое фундаментальное понятие — “абд Аллах”, то есть “раб Божий”, или, более узко, “муслим” — “предавшийся (Богу)”. Просто мусульмане произносят в буквальном политическом смысле то, что на Западе воспринимают как аморфно-религиозную формулу. И вот парадокс на неисламский взгляд: “субъект Бога” перестает быть “объектом”, вырывается из рабства времени и истории и (что больше всего раздражает исламофобскую часть “общественности”) из рабства “мирового порядка”, учрежденного мировой идолократией.

Кстати, раз уж произнесено это слово — “идолократия”, уместно спросить, “субъектами” кого или чего являются те, кто не признает себя “субъектами Аллаха”, то есть “рабами Божьими”? Ведь человек не только объективно зависим от того, что определяет “юдоль земную”, он еще, безусловно, зависим и внутренне; и если он не “предается” Аллаху, не становится “мусульманином”, то тогда он предается “тагуту”, то есть “тому, что не Аллах”. Религиозная сущность мирового порядка состоит именно в его связи с “тагутом”, тем, кто стоит за личиной любого идола, даже не особенно скрываясь. Главный интерес, с точки зрения мусульманской историософии, представляет связь между религиозной сущностью идолократии и “светским” гуманизмом, ибо последний является живым и конкретным проявлением культа “тагута”.

Здесь самое время вернуться к другой стороне понятия “субъекта”, согласно которой “быть субъектом” означает стоять в центре вещей и обладать свободной волей. Уже само это определение указывает на связь с авраамической традицией. Активный познающий субъект, которому, в свою очередь, поклоняются ангелы, — это тот, кто в святом Коране и называется Халифа — наместник, или, точнее, преемник. Именно отсюда выходят все разночтения, ведущие к жестокому духовному противостоянию. Для некоторых в этих аятах второй суры (29—34) содержится оправдание тому, что они называют “религиозным гуманизмом” или “религиозной антропологией”. Разумеется, это метафизическая иллюзия: Адам является субъектом лишь постольку, поскольку Аллах “научил его всем именам”, и, самое главное, он создан ради осуществления провиденциальной мысли Бога, ведомой лишь Ему Самому: “Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете”.

Однако в контексте исламской историософии принципиально то, что фактически существующее человечество не является и таким “субъектом”, каким был Адам в раю, не является более “наместником”. Подлинный статус человечества определяется повелением Бога: “Изыдите из рая все”. Очевидно, что исход из рая определяет утрату наместничества, к которому остаются причастны лишь посланники Бога. Изменяется и сам характер наместнической миссии: если в раю Адам знает “все имена”, которым научил его Бог, то в послерайском историческом времени наместник проявляется как “проводник” (на прямой путь), который, соответственно, сам является “ведомым Богом”. В конечном счете эсхатологический “ведомый” — это последний лик, последнее проявление реального адамического субъекта, где высшая покорность, следование, рабство Богу становится единым с высшей волевой активностью — движением по прямому (а не циклическому) пути.

Мусульманская община — умма — это “те, кто последовал за посланником”, стали данниками (субъектами) Бога (что, кстати, совершенно конкретно выражается в четвертом столпе веры — закяте, то есть милостыне). Однако это пока лишь причастность к

пассивному субстанциональному полюсу истинной субъективности. В плане “наместничества” умма является виртуальным субъектом, носительницей метафизической перспективы, которой пока только предстоит реализоваться. От реализации активной субъективности умму сегодня отделяют по крайней мере три важнейших момента: отсутствие легитимной власти, отсутствие единого авторитета и как следствие — отсутствие исторического, политического и социального единства. В самой общей форме можно сказать, что реализация этих императивов и восстановление метафизической субъективности на физическом плане — это и есть “исламский проект”.

СМЕРТЬ КАК ЗНАК БОГА

Радикальные размышления об исламе в современном мире

СОВРЕМЕННАЯ мировая цивилизация представляет собой систему, которая существует гораздо дольше, чем те обозримые периоды, которые подлежат делению на новейшую историю, новую историю и т.д. Современные аналитики мыслят в категориях индустриального, доиндустриального или постиндустриального общества, охватывая этим понятием факторы, которые связаны с производством материальных благ, потреблением, распределением, контролем над мировыми ресурсами. Однако эти аспекты дают представление лишь о видимой части айсберга. На самом же деле система представляет собой нечто большее и выступает как глобальный метаисторический фактор, в котором и индустриальная, и постиндустриальная формации — лишь некие функциональные модальности. Для описания системы необходимо выделить некий лидирующий принцип, который делает систему Системой с большой буквы, довлеющей над всеми человеческими отношениями.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Речь идет о связи с количественным, счетным аспектом цивилизации, в котором цивилизация “учитывается” в своей динамике, пропорциях и функциональных взаимосвязях. Индустриальное общество характеризуется тем, что большинство ситуаций превращается в функцию, зависимую от производства и потребления. При этом все, что связано с производством и потреблением, легко считаемо и легко переводимо в количество. В товар превращаются труд и даже природа, но это далеко не последняя инстанция. Материальные блага играют по отношению к человеческому фактору хотя и зависимое (еще Маркс говорил о том, что для того, чтобы что-нибудь делать, человек должен есть, одеваться), но не определяющее значение. Поедая хлеб, одеваясь, человек все же продолжает думать, писать, проявляться как некая психическая монада.

Следующим этапом глобализации стало постиндустриальное общество, или общество информационное. Необходимо отметить, что информация обладает гораздо более мощной способностью к конвертации в количество, поскольку в известном смысле информация и есть само количество. Дистанция между информацией и количеством гораздо меньше, чем между количеством и неким материальным товаром. К примеру, пшеница, превращаемая в хлеб, может быть измерена в стоимостном выражении. Однако при этом сохраняется и некий “метафизический остаток” предмета, который является не сугубо функциональным, но связан с возможностью быть символом, знаком, образом, что несущественно для

товара. Та же пшеница, например, может выступать символом жизни, рождения, воскресения.

В информации, которая приходит через газеты и радио, через телевидение и все более технологизируемую культуру, через фильмы, преподавание и обучение, ощущается полная прозрачность для количества в его прикладном, товарном смысле. С одной стороны, информация — это вещь, открытая для тотальной конвертации в количество. С другой — информация есть товар, но особый, который потребляется на внутреннем уровне. Это не товар в виде пищи или одежды, который можно потребить, оставаясь внутренне не ангажированным. Потребление информации конструирует психическую личность и является принципиально внутренним фактором.

В случае с информацией мы наблюдаем более полное и глобальное вторжение количества в человеческий фактор. Человеческий фактор становится “квантуем” при взаимодействии с информацией. При этом существует определенный предел качественному росту информации. Несмотря на то что сегодня распространена рационалистическая иллюзия, согласно которой есть возможность бесконечно производить образы, идеи, элементы представлений, взаимосвязи между ними, на самом деле существует определенный, достаточно ограниченный качественный потенциал структуризации сознания, который четко фиксируем. Этот потенциал может возрастать лишь “фиктивно”, через некую “девальвацию” качества “производимых” идей, образов и концепций.

Таким образом, информация выступает как структурирование мышления, где ошибка доминирует над истиной. Если понимать под истиной некие аксиомные априорные постулаты мышления, то информация есть форма структурирования сознания, где организованный ею поток внутренней вселенной становится чистой виртуальной реальностью. Это приводит к тому, что при господстве информационного общества ошибка является доминантной самовоспроизводящейся системой, в которой разница между виртуальным и действительным полностью ликвидируется. Общество, управляемое информационными потоками и технологиями, становится обществом солипсистов, а это предел абсолютной несвободы.

Упоминая о сознании как об особом внутреннем центре рефлексии человеческого существа, имеет смысл выделить некий треугольник. Одной из его вершин является Метафизическое Созерцание, которое непосредственно констатирует сущее. Второй элемент — Откровение, принципиально противоположное интеллектуальному мыслительному опыту. Третьим элементом выступает информация, играющая роль компенсаторной реакции метафизического мышления, призванного закрыть брешь, пробитую в самодостаточности человеческого духа парадоксальным фактом явленности Откровения, сквозь которую вторгается принцип Иного.

Информация создает кальку плотной псевдореальности, в которой безусловно и абсолютно отсутствует субъект и происходит постоянное структурирование виртуального сознания, которое полностью эмансипировалось от рефлексии. Поэтому информационное общество есть внешнее социальное выражение финальной духовной смерти. Такая духовная смерть есть состоявшийся факт.

В треугольнике МЕТАФИЗИКА — ОТКРОВЕНИЕ — ИНФОРМАЦИЯ информация присутствует как некая доминанта сознания, лишенная всякой претензии на то, чтобы являться внутренней, и становится абсолютной ошибкой без шанса на коррекцию. Идея виртуальности воплощенной действительности исключает какую-либо возможность

кризиса, поэтому описание возможного ответа на любую проблему является уже самим этим ответом, как бы материально реализованным.

В информационном обществе не существует зазора между проектированием и исполнением. В этом контексте очевидно, что оппозиция этому наступлению информационного общества лежит во втором звене этой схемы, т.е. в актуализации духовного измерения, заданного в Откровении, носителем которого сегодня выступает мировой ислам.

СУБЪЕКТНОСТЬ ОТКРОВЕНИЯ

Глубинная суть Откровения теснейшим образом связана с центрированием, подчеркиванием фактора смерти. В то же время люди, исповедующие ислам сегодня, ориентированы на слабопассионарный принцип выживания, дух “общечеловеческих ценностей” стал общим местом в их ментально-психологической ауре.

Внутри каждого мусульманина независимо от его воли сидит “заноза” коранического послания, которое фундаментально противоположно инстинкту выживания.

В предыдущих исторических проявлениях Откровений принцип центрирования смерти был обречен на тактический проигрыш, поскольку в них не был акцентирован другой, очень важный момент, без которого он не может существовать, — принцип властвования. Суть этой взаимосвязи в том, что смерть и власть являются двумя сторонами одного и того же. Воля к смерти, которая является жертвенной, пассионарной моделью высшего религиозного типа, также является и волей к власти. Во всех предыдущих манифестациях этой пассионарности воля к смерти обязательно была связана с идеей ухода, бегства. Ислам разрешил эту тему в хиджре Пророка, которая является не бегством от мира, а динамическим переходом от состояния пассивности к состоянию абсолютной активности, от статуса мусульман в Мекке, где они были гонимым меньшинством, до статуса мусульман в Медине, где они стали центром активной иррадиации, распространяющейся на весь мир, центром воли к власти. Так впервые воля к смерти возвратила к себе вторую исконную половину — волю к власти. В эти времена появился и высший тип мусульманина, по которому должна выстраиваться вся умма, тип шахида — воина, мученика и героя. Там же впервые приходит убежденность в том, что смерть как свидетельствование, смерть в бою есть креативное утверждение модели властвования как вертикального присутствия Иного в человеческой субстанции.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭНТРОПИИ

Трагедия исламской уммы сегодня состоит в том, что энтропийные механизмы, действующие в человеческой субстанции, исказили идею единства воли к смерти и воли к власти. Жертвенная элита, построенная по пассионарно-героической модели, ушла из исламской практики, перестала быть действенной.

Произошло цивилизационное засыпание, исламский мир впал в цивилизационный анабиоз. Это было связано с тем, что в исламском социуме возобладали типы коранического ученого-толкователя, эпигона предыдущих фиксаций религиозной мудрости, а также выступающий с ним в одной связке тип купца-торгаша, который ориентирован на материальное утверждение при посредничестве в товарообмене. В этой социальной схеме мулла-иерократ, толкователь, юрист и законник, опирается на

меркуриально-торгашескую основу. Военно-аристократический тип вырождается в фигуру грубого тирана, диктатора, пришедшего к власти со всеми мыслимыми нарушениями этических и коранических норм.

Именно к этому типу диктатуры иерократия и купечество стремятся максимально быстро и эффективно адаптироваться. Вырождение воина в грубого тирана и солдатского деспота становится в стратегическом плане надежным блоком для любой попытки возрождения кшатрийского героического типа. Так, в современном обществе военные диктатуры — самое надежное препятствие для возрождения кшатрийских моделей сознания и действия. Поскольку современные профессиональные армии выступают глубоко антикшатрийским явлением, их прорыв к власти выступает наиболее эффективной компрометацией, блокированием кшатрийского кастового потенциала. Это наиболее убогое падение в самые периферийные формы буржуазности, торжество низших слоев третьего сословия особенно характерно для Ближнего Востока, где армии являются наиболее коррумпированными, наиболее невоенными антикшатрийскими моделями. Формирование этих армий происходило во имя сохранения у власти компрадорских колониальных элит против исламских традиционных религиозных масс.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИСЛАМ

В современном исламе существует фундаментальное противоречие. С одной стороны, ислам — эсхатологическая доктрина, которая рассматривает индивидуальность и коллективное человеческое сообщество с точки зрения чистого финализма. С другой стороны, психологически, в силу устранения жертвенной героической элиты, большинство мусульман ориентировано на банальный мещанский позитивизм этико-просветительского типа, игнорирующий прямое содержание того, что дано в Коране.

Поэтому основная задача исламского сообщества заключается в возрождении героической элиты, выделении из своих рядов людей воинской психологической и ментальной ориентации, которые должны составить костяк будущего правящего класса в исламской умме.

При этом необходимо отметить, что во имя этой задачи финансовые ресурсы исламского мира — деньги — должны быть обращены на финансирование мусульманской политики, ориентированной на нанесение Системе военно-стратегического и политического поражения в глобальном масштабе.

Исламские финансово-технологические проекты, экономические промышленные проекты должны быть направлены на эти цели. Для того чтобы сделать к этому первые шаги, необходимо в организационном и финансовом плане проведение мероприятий по созданию зон, независимых от мировой финансовой системы.

Если мировая финансовая система основана на идее конвертации качества, т.е. человеческого фактора, в количество, то необходимо подумать о том, как противостоять ей на ее же собственной почве. Чтобы сделать в этом направлении первые шаги, исламская умма обладает оптимальными возможностями и условиями. Речь идет о таких механизмах, как институт закята, институт хаджа, который ежегодно собирает гигантские средства с тех паломников, которые направляются в хадж, — это несколько десятков миллиардов долларов наличными, которые восстанавливаются непрерывно.

Десять миллионов паломников в течение года, при том что каждый из них тратит по несколько тысяч долларов на питание, покупки, дают Саудовской Аравии денег намного

больше, чем поступления от экспорта нефти. Поэтому необходимо поставить вопрос об ограничении власти национальных бюрократий во имя исламских международных институтов, которые не вписаны в поле деятельности международных институтов, инициированных западным сообществом.

Нынешние же мусульманские элиты обречены в своих попытках встроиться в мировой истеблишмент, в котором их не ждут и где для них нет места. Это связано, во-первых, с тем, что Система не признает никаких себе альтернатив, не признает ничего, что могло бы сохранить свою идентичность и не конвертироваться в чистое количество, а во-вторых, с тем, что ислам по своему существу независимо от того, сколь далеко отходят от его истинной сути отдельные его представители, никоим образом не может быть интегрирован в новую Систему. Сегодня становится ясно, что политики наподобие доктора Тураби в Судане, которые считали, что, сформулировав претензию на достойное место ислама в мировой системе, они чуть ли не бросили ей вызов, оказались политическими банкротами, стали вчерашним днем конфронтации исламского фактора и глобальной мировой системы. Очевидно, что ислам не может стать частью этой системы в силу своего историософского назначения, в силу того что он является декларацией принципа, который противостоит конвертации в количество. В центре исламского послания стоит Смерть как принципиальный знак Бога, как точка отсчета и как некая фундаментальная суперценностная модель.

Если мы признаем, что вся бесконечная длительность мировой манифестации центрируется вокруг воскресения после Страшного суда, то основным содержанием существования выступает Смерть. Воскресение является как бы его трансцендентным аналогом и световой обратной стороной. Без смерти нет воскресения. Если смерть не абсолютна, то воскресение — только игра и фикция.

В этом контексте необходимо историко-метафизическое сознание смысла исламского послания и тех задач, которые оно ставит — прежде всего задач переоценки человечеством себя как провиденциального инструмента по реализации некой световой задачи, корни которой находятся за пределами человеческого субстрата.

ФАШИСТЫ ВЕРНУЛИСЬ

В конце сентября текущего года в пресс-центре газеты “Мир новостей” состоялась пресс-конференция председателя Исламского комитета Гейдара Джемаля. Кажется, на ней прозвучало достаточно информации, чтобы этим российским гражданином заинтересовались спецслужбы и правительства “большой восьмерки”. И прежде всего — ЦРУ, ФБР и правительство США, которые ищут виновника событий 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Но нет, не заинтересовались.

Почему?

Ответ на этот вопрос — в эксклюзивном интервью Гейдара Джемаля Владимиру Вострухину.

Чем мы не нравимся нашим правительствам

— На пресс-конференции вы сказали, Гейдар, что вам, то есть Исламскому комитету, известно, кто совершил авианалеты на Нью-Йорк и Вашингтон. Однако добавили, что не уполномочены, по крайней мере пока, называть известные вам имена. Может быть, теперь уже пора?

— Я сказал, что не только нам, но и компетентным кругам мирового разведсообщества точно известно, кто конкретно организовывал операцию 11 сентября и кто конкретно стоит за этой операцией. Она была организована профессиональными специалистами секретной службы ныне уже не существующего государственного образования. А исполнители — те, кто должны были вести самолеты и погибнуть — это члены давно и хорошо известной спецслужбам международной тоталитарной секты.

— Мусульманской?

— Секта не может быть ни мусульманской, ни православной. Секта — она и есть секта. Их много, и сектанты не принадлежат ни к одной из основных религий. У каждой из таких религиозно-мистических организаций свой взгляд на мир, лежащий по эту и по ту сторону от смерти. Но вы, как я понимаю, спрашиваете о национальной принадлежности исполнителей авиаударов по Нью-Йорку и Вашингтону. Эти несчастные, как и все остальные члены международной тоталитарной секты, принадлежали к различным этническим группам, различным национальностям. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что корни, истоки и заказчики самой операции, столь блестяще проведенной 11 сентября, не находятся на Ближнем или Среднем Востоке, а целиком находятся на Западе.

— Кто бы ни были заказчики, но разработать, придумать такую гигантскую спецоперацию могла только серьезная группа стратегического планирования. Весьма опытная и весьма профессиональная. То есть мощный, хорошо финансируемый стратегический мозговой центр. Он существует?

— Он существовал. Операция 11 сентября готовилась на территории Соединенных Штатов несколько лет. В настоящее время люди, составлявшие этот центр, разбежались, расползлись по заранее заготовленным точкам.

— Вот как? А это неназванное государственное образование, которое больше не существует на карте мира… Это, случайно, не голубая мечта патриотов о командире атомной подводной лодки Иванове? Который скрытно подходит к берегам Америки и для начала выпускает по Нью-Йорку учебную ракету с металлической болванкой вместо боеголовки. После чего Штаты дрожат и сдаются.

— Повторяю, я не уполномочен называть имен. Люди, о которых я говорю, нашли убежище в другой европейской стране, которая имела давние связи с этим исчезнувшим государственным образованием.

— Почему читатели “Правды” должны вам верить? Лично мне сценарий с подводной лодкой нравится даже больше. Судя по тому как Буш и Чейни 11 сентября сбежали из Белого дома, оставив “на хозяйстве” даму — Кондолизу Райс, им много не надо.

— Я могу упомянуть одного человека, недавно убитого. Он был руководителем одного из отделов военной разведки в стране, давшей приют сотрудникам этого центра стратегического планирования. Этим, так сказать, апатридам…

— Апатридам? То есть людям, лишенным Родины?

— Ну да, по-русски говоря. Так вот, этот человек несколько лет назад предпринял следующий ход. Он собрал на некие средства из некоего источника большую группу ученых. Европейских ученых, скажем так, не правых взглядов. Все, кого он пригласил, специализировались по такой тематике, как вход в компьютерные сети и изменение программ. Причем так, чтобы система безопасности, защищающая эти компьютерные сети, не прореагировала на внедрение. В частности, работа велась по входу в диспетчерскую компьютерную сеть, которая отвечает за проводку самолетов. Эта работа, собственно, и началась несколько лет назад. А убит этот человек был после недавних кровавых событий в Европе. Убит внезапно, в одной из европейских гостиниц.

— То есть фамилию назвать вы все-таки не хотите?

— Я сказал достаточно для того, чтобы любой сотрудник любой спецслужбы, работающий по данному направлению, понял, о ком идет речь. Думаю, что и многие ваши читатели легко сделают конкретные предположения. Это фамилия очень известная, она была на слуху. Но я бы не стал ее произносить.

— Почему?

— Знаете, что бывает с тем, кто слишком много знает?.. Вот с теми, кто говорит слишком много лишнего, это случается еще быстрее.

— Вы боитесь?

— Ну-ну, давайте поиграем в детский сад.

— Но если все правда, то зачем вы выдаете этих людей? Ведь их схватят, информации для серьезной спецслужбы вы ваших словах действительно достаточно.

— Я выдаю этих людей только вашим читателям. Спецслужбы о них все прекрасно знают. Убили же они организатора этих работ, когда захотели...

— А вы не связываете события 11 сентября с расстрелом парламента в Швейцарии?

— Расстрел парламента, который устроил местный житель?

— Вот именно. Такого в Швейцарии не было испокон веков.

— Я не могу ни связывать одно с другим, ни отрицать такую связь. Могу еще раз подтвердить, что исполнители акции 11 сентября принадлежали к разным этническим группам и были связаны общностью членства в международной тоталитарной секте. Такие секты, как правило, контролируются спецслужбами, и из них вербуются самоубийцы в случаях необходимости применения массовой атаки камикадзе. И подобные эпизоды уже имели место в прошлом на территории Соединенных Штатов.

— Вы, случайно, не о взрыве жилого дома говорите — там, у них? Человек, которого без труда арестовали, действительно вел себя как камикадзе. Был спокоен и уверен в том, что сделал хорошее дело.

— Есть и другие эпизоды. Они тоже прекрасно известны компетентным сотрудникам спецслужб. Поймите: спецслужбы не хотят брать этот след.

— *Почему?*

— Потому что тогда, например, придется прекратить бомбить Афганистан.

— *Ну и что?*

— И распустить такими трудами сколоченную коалицию ведущих стран мира, которые официально признали США своим начальником.

— *Да Бог с ней, с коалицией. Штаты и без нее неплохо жили.*

— И убрать американские войска из Узбекистана, Таджикистана — из сердцевины азиатской территории бывшего Советского Союза.

— *Кстати, американцы и президент Каримов долгое время говорили, что их там нет.*

— Они там были. А болтовня официальных лиц — обыкновенное политическое прикрытие. Поймите, в мире происходит совсем не то, о чем говорят с телеэкрана. Наяву сбываются самые жуткие предположения, самые страшные кошмары советских геостратегов двадцатилетней давности. Ради того чтобы предотвратить нечто подобное, кремлевские старцы послали в Афганистан "ограниченный контингент". Дело в том, что генерал Дустум, который сегодня является становым хребтом Северного альянса, — это пантюркист. Он заключил политический союз с другим пантюркистом, бывшим коммунистом Исламом Каримовым, за которым стоит пантюркистская натовская Турция. Бесхребетная политика сегодняшнего Кремля за несколько недель сделала то, чего Турция не могла добиться веками. Россия своими руками создала у себя под боком дугу пантюркизма.

— *Да чем нам могут грозить Турция, Узбекистан и Северный альянс вместе взятые?..*

— В Узбекистане находятся морские пехотинцы США. Американцы с удовольствием начнут защищать даже одного морского пехотинца всей мощью своих вооруженных сил. В повестку дня поставлена потеря Россией национального суверенитета. Кстати, точно такая же опасность нависла над другими странами и народами. В США и Великобритании совершен фашистский государственный переворот. Остановлено действие поправок к американской Конституции, которые гарантировали гражданские свободы гражданам. Подвешены законы. Прессе США запрещено подавать населению какую-либо информацию о войне в Афганистане, кроме официальной. Мало этого?.. Сейчас а Соединенных Штатах вводится неконституционная форма управления страной в виде некоего "Совета безопасности". Эту инициативу Буш озвучил в начале октября. Аналогичная внеконституционная форма управления политической системой страны вводится в Великобритании. Добавьте к этому официальное обещание Буша, что "контртеррористическая" операция будет длиться многие годы. То есть Америка и Англия теперь перманентно, то есть всегда будут находиться "в состоянии войны". Что еще нужно, чтобы считать госпереворот состоявшимся, я не знаю. А черная комедия "Сибирская язва" с абсолютно реальными смертями — это способ напугать американцев и европейцев до полусмерти. Чтобы они согласились на любую форму правления добровольно.

— *Вы хотите сказать, что сибирскую язву американское правительство само вывалило на головы своих граждан? Так может быть?!*

— Я понимаю ваше чисто человеческое возмущение. Оно естественнно и нормально. Ни вы, ни я, ни другие люди нашей страны не в состоянии этого понять и принять. Как можно убивать своих?.. Но у американского правительства другие принципы и другие технологии. Для него нормально — сделать вид, будто защищаешь мусульман, начать бомбежки Югославии и добиться падения курса евро. А заодно и стереть Югославию с политической карты мира. Абсолютно нормально — превратить бомбами и ракетами афганские города в братскую могилу и сбрасывать в эту могилу посылки с гуманитарной помощью. Если вам до сих пор неизвестно, то сообщаю: ни о каких “точечных ударах по военным объектам” в Афганистане не идет речи. Идет ковровое бомбометание, от которого гибнут мирные жители. Как во Вьетнаме, как в Югославии. Пентагон сваливает кучами весь скопившийся на складах боезапас, чтобы заказать военно-промышленному комплексу новые бомбы и ракеты.

Абсолютно нормально также — запустить в России такой экономический механизм, от которого население страны ежегодно сокращается на один миллион человек. Это официальная статистика, и мы к ней уже привыкли. Но вдумайтесь: чем это лучше коврового бомбометания?

Если вам и этого не достаточно, чтобы правильно оценить действия американских властей, вспомните, что было в Советском Союзе, когда Матиас Руст на своем самолетике “Сессна” сел на Красной площади. Немедленно лишились своих должностей высшие офицеры из командования ПВО страны и министр обороны. Или взять события последних дней на Украине. После того как их зенитная ракета сбила наш ТУ-154, украинский парламент требует отставки министра обороны и президента страны. А в Америке?.. Какую самолетную атаку проспали спецслужбы страны 11 сентября! И ничего, американскому народу только предложили крепче сплотиться вокруг президента Буша. Это может означать только одно: в высшем руководстве Америки и ее спецслужб находятся люди, которые были целиком в курсе готовящегося авиаудара. Могу сообщить также, что за несколько лет подготовки этой спецоперации утечки информации случались несколько раз. Они достигали ЦРУ и госдепартамента США. И всякий раз принимались меры по дезавуированию этой информации — для того чтобы на низовом или среднем звене американских охранительных структур кто-нибудь по глупости не сорвал такую дорогостоящую операцию. То есть в высших должностных кругах Соединенных Штатов было кому позаботиться о том, чтобы 11 сентября все же состоялось.

Поэтому я и говорю: еще несколько десятков американцев и жителей других стран, которые погибнут от сибирской язвы, — это никакая не проблема для американского правительства. Это так должно быть.

— Кошмар. Но допустим, что этот кошмар — правда. Чем же, скажите на милость, мы так не угодили нашим правительствам, что они нас взрывают, расстреливают и травят? Зачем? Какой им от этого кайф-то, какая корысть — уничтожать собственный народ?

Экономика современного фашизма

— Насчет кайфа — не знаю, а понятная экономическая основа для такого поведения национальных политических элит есть. Дело в том, что у правящих кругов во все времена существовала совершенно объективная проблема: всякое развитие общества, всякий его количественный рост в итоге вызывает кризис, дестабилизацию и необходимость обновления. То есть изменение формы управления обществом. И персонально замену одних властителей на других.

Поэтому правящие элиты всегда мечтали выработать такую инфраструктуру и такие алгоритмы управления, при которых любой безудержный рост не сопровождался бы кризисами, ставящими под вопрос их власть.

Сегодня они вплотную подошли к порогу разрешения этой проблемы. Нынешнее постиндустриальное, информационное общество — как раз то, о чем они мечтали. 11 сентября и последовавшие события — конкретная иллюстрация того, как разрешаются кризисы при введении нового типа управления планетой.

— Почему сразу — планетой? Мы пока что говорили о национальных правительствах.

— Потому что после Второй мировой войны параллельно шло несколько определяющих процессов. Координация деятельности национальных правительств ведущих стран мира. Формирование международной бюрократии. И развитие, распространение по всему миру транснациональных корпораций.

А ТНК — это очень эффективные структуры. При капитале в 10 миллиардов долларов экономическая эффективность ТНК примерно соответствует эффективности Соединенных Штатов с капитализацией в 10 триллионов долларов. То есть каждый доллар в руках ТНК работает как несколько тысяч долларов в руках американской администрации.

— Каким образом одна-единственная корпорация, пусть и гигантская, может превосходить по эффективности самую мощную страну мира?

— ТНК — это что-то вроде экономического Интернета. Они свободны от национальных законодательств они — просто сеть суперсвязей, наложенная поверх границ и этнических делений. При этом транснациональные корпорации везде, где только существуют, подтягивают под себя местные мафии. Отсюда — прибыли от незаконного оборота наркотиков, оружия, от подстраховки экономической деятельности в теневых зонах мировой экономики.

— Если вы говорите о страховании бизнеса, то это вполне законная деятельность.

— Я говорю о том, что вы можете вложить миллион долларов в часовую промышленность Швейцарии. И получить копеечную прибыль, несколько десятков тысяч долларов, без каких-либо проблем. Но можете вложить свой миллион в экономику России или в еще более крутую — в кашмирскую, например. И получить назад пять миллионов. Однако здесь вы очень сильно рискуете. Шансов на успех — всего десять из ста. Девяносто шансов, наоборот, за то, что вы потеряете все, что имели. И тогда вам предлагают гарантию, но с тем условием, что из пяти миллионов вы получите только полтора. А три с половиной уйдут “подстраховщику”, то есть транснациональной корпорации. Для вас это все равно гигантская прибыль, и вы соглашаетесь.

— Пропорции дележки примерно соответствуют реальности, или это вы условно?..

— Примерно соответствуют.

— Тогда это гигантские деньги…

— Да, и притом совершенно свободные от налогов и прочих условностей, которыми связаны государственные управленцы тех же Соединенных Штатов.

— А что вы называете международной бюрократией?

— Это бюрократия, которая не связана с национальными правительствами и, соответственно, с национальным электоратом. Которая получает ту или иную должность вне зависимости от стандартных демократических процедур, без какого-либо контроля со стороны гражданского общества. Чтобы выпестовать такую бюрократию, в течение всех послевоенных лет по инициативе ТНК и некоторой части национальных элит крупных держав создавались так называемые глобальные проекты. Например, проект очистки дна Мирового океана. Или создание Интерпола — международной полицейской организации, которая якобы борется с международной мафией. Председатель Римского клуба Печчеи даже издал книгу “Человеческое качество”, где перечислил шесть глобальных проблем — озоновая дыра, спасение лесов Амазонии и еще четыре таких же, якобы мирового значения. Причем задача ставилась так: для решения этих проблем никаких денег не жалко, потому что у человечества нет выбора. Или оно справится с этими проблемами, или проблемы справятся с ним. Анекдотическая книжонка председателя Римского клуба была издана на полном серьезе и в Советском Союзе в 1984 году, с предисловием академика Геловани, друга господина Печчеи.

— Во-первых, почему анекдотическая? Озоновые дыры реально существует. А во-вторых, какой смысл ТНК вкладывать деньги в такие глобальные затратные проекты?

— Анекдотическая — потому что проблемы, которые предлагается решать всей планетой — мнимые. Озоновые дыры были, есть и будут, от них человечеству ни жарко, ни холодно. Дно Мирового океана тоже можно чистить всю оставшуюся жизнь. Эти глобальные проекты множатся, как крысы. А деньги на них сбрасываются из государственных бюджетов стран — членов ООН, а не из карманов ТНК. Так создавалась и продолжает создаваться база для отмывания колоссальных объемов грязных денег транснациональных корпораций, для новой коррупции международной бюрократии. Понимаете, что это значит?.. В настоящее время для небольшой группы частных лиц создана реальная возможность взаимодействовать с колоссальными финансовыми ресурсами, за которые никто не несет ответственности перед конкретными законодательствами США, Бельгии, Саудовской Аравии и так далее. Эта возможность используется в полном объеме. Без комплексов, так сказать.

— Но ведь это должно быть невыгодно национальным бюрократиям, национальным элитам? Их возможности и влияние на территории собственных стран ставятся под сомнение. Поэтому они должны бороться с таким порядком вещей.

— Теоретически-то — да, а практически-то — нет. Процесс глобализации привел к тому, что мировую экономику, мировую административную инфраструктуру можно считать единой, и это не будет ошибкой. На сегодняшний день из нее выпадают Китай, исламский мир и те, кого Вашингтон называет странами-изгоями. Сплав международной бюрократии, местных мафий, высшего слоя акционеров транснациональных корпораций, части национальных элит и правительств ведущих стран, координирующих свои действия, можно назвать реально функционирующим мировым правительством. Кризис мировой экономической системы, который назрел и о котором уже открыто говорили и писали все — в том числе и ваша газета, — касался их всех. Падение доллара и основанной на нем финансовой системы планеты стало только вопросом времени. Надо было искать выход и его нашли.

— Какой?

— Я ведь уже сказал, что 11 сентября и последовавшие события — конкретная иллюстрация того, как разрешаются кризисы при введении нового типа управления планетой.

— То есть весь этот сплав, который вы называете мировым правительством, нанял высококвалифицированных сотрудников спецслужбы некоего развалившегося государства, те купили необходимое количество камикадзе в тоталитарной международной секте и стали готовить потрясающий воображение нормального человека теракт. А 11 сентября благополучно его провели. И все это для того, чтобы перевести назревающий мировой финансовый кризис в другую плоскость? В плоскость новой многолетней мировой войны?..

Что теперь будет и что делать, чтобы этого не было

— Да, схема такая. Я уже говорил на пресс-конференции в “Мире новостей”, что за событиями 11 сентября не стоит никакой сколь-нибудь известной политической идеологии. Этого не могли сделать ни коммунисты, ни исламисты, ни кто-либо еще из тех, кому Америка наступила на любимую мозоль. Хотя бы потому, что выгоды, которые Соединенные Штаты извлекут из такого теракта, просчитываются легко. Театрализованный налет “боингов” на Нью-Йорк и Вашингтон — это провокация, абсолютно такая же, как поджог фашистами рейхстага в 1933 году. И конечные цели — такие же, как и в то время, — установление нового мирового порядка, олигархической диктаторской власти, полная ликвидация гражданских свобод, возвращение к временам средневековья, хотя и в форме постиндустриального информационного общества.

Реализуется это, как теперь уже ясно видно, через создание международной коалиции стран, борющихся с терроризмом. Во главе этой коалиции стоят Соединенные Штаты. Таким образом, администрация США становится мировым правительством, а международные бюрократические структуры типа ООН — исполнительными механизмами новой власти. Ближайшие цели — разгром исламского мира, ликвидация госсуверенитетов на исламском пространстве и военная оккупация нефтеносных районов. Одновременно — ликвидация больших стран, владеющих ядерным оружием: Китая, Индии, России. Механизм ликвидации — стравливание трех держав друг с другом, развязывание на их территории гражданских и сепаратистских войн.

— И это реально возможно?

— В краткосрочной и даже среднесрочной перспективе — безусловно. Военного ресурса у США сейчас более чем достаточно.

— И Россия никак не может этому помешать?

— В союзе с Китаем и Индией мы могли бы остановить очередную бойню. Но президент Путин пошел другим путем. Он лоббирует еще один глобальный мировой проект — создание международного антитеррористического центра. Он взял на себя функцию переносчика американской политики на евразийское пространство…

— Может быть, он прав, и это даст России большие выгоды?

— Вряд ли. Механизм контроля над политикой Россией — гигантский внешний долг — сохраняется полностью. Его никто не собирается списывать. Поддержка боевиков в Чечне не прекращается, а усиливается. Втягивание России в НАТО…

— Что значит — втягивание?.. Еще Советский Союз в начале пятидесятых годов предлагал НАТО стать союзниками. А теперь этот вопрос поставил президент Путин и шаг за шагом добивается его решения.

— Когда такие предложения делал СССР — это одно дело. Советская военная мощь превосходила возможности всех союзников по НАТО, вместе взятых. А то, что сейчас являет нам президент Путин, — это принципиально другое дело. Он воспроизводит для России ситуацию 1918 года. Тогда Россия втягивалась в Антанту через механизм царских долгов французским банкам. Втягивалась, чтобы стать там слабейшим, зависимым членом коалиции. Чем это кончилось, все знают. Антанта победила. И получила от своей победы немалые выгоды. А Россия, *будучи в стане победителей, проиграла войну* Германии, и за ее счет были реализованы позднее Версальский и Севрский договоры. Эти договоры означали для России территориальные и экономические потери. Сегодня история со вступлением России в НАТО повторяет историю со вступлением России в Антанту вплоть до мелочей. Другое — только направление удара. Россию сталкивают с исламским миром и ею же прикроются от ответных действий исламистов.

Поймите вы, никто на Западе не заинтересован в том, чтобы сохранять Россию живой и целостной. Иначе всегда остается опасность нашего возрождения. Насколько я могу судить, Путину всего лишь пообещали его личное участие в мировом правительстве в обмен на сдачу российского суверенитета. То же самое, что пообещали Горбачеву в обмен на разрушение Советского Союза. Если Путин не остановится, его ждет такая же жалкая судьба, как Горбачева.

— Но, может быть, он остановится?

— Причин думать, что он остановится, пока нет. Он и ведет себя как Горбачев. Пытается купить доброе отношение к России за ее национальные интересы. Даже на откровенно наглые антироссийские выпады Шеварднадзе Путин отвечает публичным обещанием реструктурировать долги за энергоносители. Решение убрать наши войска с Кубы — еще один шаг, несовместимый с национальными интересами России. А все вместе — это бесперспективная политика недальновидного, слабого руководителя страны.

— Что же делать, чтобы остановить “новый мировой порядок”?.. Прошу прощения, но я только сейчас обратил внимание на совпадение терминологии. Фашисты в сорок первом тоже несли нам вот это — “новый мировой порядок”.

— Фашизм двадцать первого века одинаково угрожает всем. И бороться с ним можно так же, как и в прошлом веке — сообща. После падения Советского Союза единственная сила, на которую могло бы опереться мировое гражданское общество, — это политический ислам.

— Вы предлагаете всем объединиться вокруг ислама?.. Не думаю, что многие на это согласятся. Боязно как-то. После всех этих бен ладенов, хаттабов, басаевых и прочих бородатых ребят с “калашниковыми” наперевес.

— Я сказал “политический ислам”. База подлинного политического ислама — это джамааты, мусульманские общины, которые представляют собой традицию народного самоуправления, исламской народной демократии.

Что касается террористических оганизаций типа Эль Каиды и террористов типа бен Ладена, то все они без исключения были созданы в свое время спецслужбами. И

курировались либо ЦРУ для действий против Варшавского договора, либо, наоборот, КГБ для противодействия Израилю и Западу на Ближнем Востоке. При чем здесь политический ислам?..

Кроме того, я не говорю “объединиться вокруг ислама”. Ислам сегодня предлагает сотрудничество всем антиглобалистским силам, морально единым в неприятии олигархии и нового, фашистского по сути, мирового порядка, который навязывается миру после провокации 11 сентября. Политический ислам сегодня, в постмарксистскую эпоху, — последняя самостоятельная сила, которая открыто ставит во главу угла интернационализм, братство всех людей независимо от национальной или конфессиональной принадлежности. Мы заявляем: мир изменился. Основное противоречие двадцатого века — противоречие между трудом и капиталом — сохраняется и сегодня. Но оно больше не стоит на первом плане. На первом плане — противоречие между мировым гражданским обществом, которое желает сохранить свои гражданские свободы, и международной олигархией, которая пытается лишить нас этих свобод и превратить весь мир в закрытое общество. В замкнутую сферу вечного рабства, из которого нет выхода.

— *А поконкретнее?*

— Это долго придется излагать. Если в двух словах, то необходимо немедленно воссоздать Интернационал, который должен стать политическим штабом сопротивления олигархической диктатуре. Пока же дело — за формулировкой общей платформы, на которой согласятся сотрудничать политический ислам и левые партии всех стран мира.

Владимир Вострухин

Владимир Вострухин. Фашисты вернулись? // Правда. 2001. № 123 (28296).

А-300: НЕ ПЕРВЫЙ И НЕ ПОСЛЕДНИЙ

Подводя итог обсуждению в отечественной прессе событий 11 сентября, “Правда” поместила интервью председателя Исламского комитета России Гейдара Джемаля, которое называлось “Фашисты вернулись?” (№ 123 за 30—31 октября 2001 г.). Речь шла об истинных причинах авиаудара по Нью-Йорку и Вашингтону, о заказчиках и исполнителях этой спецоперации.

И вот — новая американская трагедия. Что будут говорить о ней средства массовой информации всего “цивилизованного мира”, уже ясно. Они будут говорить, что это — не теракт.

Почему — так?

Что произошло на самом деле?

Чего еще ждать в ближайшие месяцы?

Об этом — в эксклюзивном интервью Гейдара Джемаля Владимиру Вострухину.

Сиэтл

— Гейдар, я понимаю, что вы — исламский лидер, а не авиационный технический эксперт. Однако при прошлом нашем разговоре вы проявили изрядную осведомленность по весьма далеким от ислама вопросам. Я хочу поэтому спросить прямо. Аэробус А-300 упал сам или его взорвали?

— В прошлый раз мы с вами говорили о том, что акция 11 сентября — это тщательно спланированная провокация. Такая же как поджог рейхстага. Она готовилась на территории США несколько лет. Прикрытие этой операции осуществляли люди из высшего руководства американских спецслужб и высшего руководства американского государства. Цель провокации состояла в том, чтобы изменить сложившуюся систему управления планетой, предложить человечеству “новый мировой порядок” — фашистский по своей сути — через легализацию мирового правительства. Как это делается, уже всем видно. Создана формальная коалиции государств, подчиненных Америке, и развязана война.

— Да, да. Но какое это имеет отношение к аэробусу А-300? Или никакого?

— Дело в том, что в современной практике спецслужб подобные операции всегда готовятся, так сказать, в пакете. Напомню и процитирую пресс-конференцию депутата-коммуниста, господина Илюхина, которую он провел в 1999 году после первого взрыва жилого дома в Москве. Илюхин тогда сказал, что если господин московский мэр Лужков не оставит свои попытки продвинуть себя в президенты, то скоро произойдет следующий взрыв. Буквально через два дня после этих слов действительно произошел взрыв еще одного дома. Илюхин тут же резко замолчал, а Лужков перестал упираться.

Обратите внимание на само поведение американских властей. Зачем, например, понадобилось засекречивать количество жертв на земле, если произошла обыкновенная авиакатастрофа? Еще до окончания всяких расследований нам всем внушают, что причина падения аэробуса — техническая неполадка. Это при том, что А-300 — один из самых надежных и безопасных пассажирских самолетов. Катастрофа над пригородом Нью-Йорка — лишь шестая по счету за всю историю эксплуатации этого типа самолетов. Американские власти топят даже собственную компанию — знаменитую транснациональную корпорацию “Дженерал электрик”, которая якобы изготовила плохой двигатель. При других обстоятельствах американцы обвинили бы кого угодно и в чем угодно, но только не свою компанию.

Все это вместе называется тихой паникой. По авторитету американской администрации нанесен тяжелейший удар. Если сейчас придется объявить, что гибель аэробуса А-300 — это очередной теракт, то есть опять бен Ладен, то президенту Бушу останется только намылить веревку и удавиться. Потому что любой американский налогоплательщик спросит: как же так? Два месяца, как весь цивилизованный мир поставлен Америкой под ружье. Два месяца американская армия тратит гигантское количество бомб и ракет, стирает с лица земли целые города в Афганистане, убивает тысячи мирных жителей, в том числе детей. Бен Ладен лишен даже возможности передвигаться по своей проклятой пустыне на джипе, может ездить только на лошади. В самой Америке ради безопасности граждан отменены гражданские свободы, остановлено действие американских законов и самой Конституции. И что — опять теракт?! Значит, американская администрация делает не то, что надо, она обманывает свою страну и не может обеспечить американцам покой и безопасность.

А если это теракт, но не от бен Ладена, тогда рушится вся версия и насчет мусульманского происхождения трагедии 11 сентября. Получается, что американская

администрация возвела напраслину на исламскую цивилизацию, на конкретную страну — Афганистан и конкретного человека — бен Ладена. И под этим предлогом совершила акт военной агрессии. То есть бандитское нападение США на суверенную страну придется официально признать бандитским, а президента Буша и его администрацию — международными военными преступниками, совершившими преступления против человечности. Такими же изуверами, как гитлеровцы, и судить их так же, как и германских фашистов — международным военным трибуналом.

— В вашей логической цепочке есть одна неувязка. В начале разговора вы напомнили, что вся операция 11 сентября была задумана ради установления диктатуры в масштабах планеты. Так ведь дело успешно движется. Сколочена международная коалиция стран, “противостоящих терроризму” под руководством администрации США. Военная операция в Афганистане энергично развивается. Даже Китай, на который я, честно говоря, надеялся, поддержал Америку в “борьбе с терроризмом”. Зачем, в таком случае, понадобился еще один теракт? Ведь он действительно, подрывает позиции Буша-младшего и внутри страны, и на международной арене.

— Никакой неувязки нет. Тут два момента. Во-первых, никакой особенной коалиции реально не существует. Америку серьезно поддерживают разве что Англия и Россия. И то речь идет о правительствах этих двух стран. Что касается населения, то в Англии примерно 40 процентов против войны в Афганистане, а в России против — 83 процента. Эти данные неоднократно приводила российская демократическая пресса.

Вот другой факт. Во время недавнего вояжа на Запад президент Пакистана Мушараф произносил речи и в Европе, и в Америке. Вообще-то, он ездил к Бушу за миллиардом долларов и получил то, чего хотел. Но если в США он говорил о своем полном понимании действия американской администрации, то в европейских странах все было наоборот. Мушараф подчеркивал, что Штаты бомбят мирное население, напоминал о наступлении священного месяца рамадана, требовал прекращения войны в Афганистане и все такое прочее в антиамериканском духе. Это само по себе говорит о настроениях в европейской правящей элите. Еще один пример: несколько дней назад небезызвестный Йошка Фишер с пеной у рта пытался убедить депутатов бундестага разрешить отправку немецких солдат в Афганистан. Но успеха не добился. Европейцы не хотят воевать за американские интересы. И сам Мушараф, несмотря на полученный миллиард, висит на волоске. Нельзя долго проводить политику, против которой настроено практически все население страны. Политический ресурс власти в таких случаях заканчивается очень быстро. Наконец, и в самой Америке все не гладко. В Сан-Франциско прошли многотысячные антивоенные и антиглобалистские манифестации, и этот факт скрывается средствами массовой информации только от нас, от россиян. Чтобы не усугублять нелепость позиции, занятой президентом Путиным.

— А второй момент?

— Мировая диктатура — это, как мы с вами говорили, диктатура мирового правительства…

— …а мировое правительство — это сплав международной бюрократии, местных мафий, транснациональных корпораций, части национальных элит и правительств ведущих стран. И что?

— То, что администрация Буша решила воспользоваться ситуацией и попыталась сыграть свою игру. Им показалось, что они сами вполне сумеют совместить функции

правительства США и мирового правительства. В эту игру они вошли так глубоко, что остановиться, как в свое время остановился Лужков, уже не могут. Значит, они будут продолжать играть на выигрыш. И, значит, следует ждать третьего теракта.

— Может быть, вы готовы сказать, где и когда?

— Могу только предположить, хотя и небезосновательно. Следующего теракта следует ожидать на Западном побережье Соединенных Штатов, в Новой Англии.

— Почему?

— Во-первых, чтобы гражданам было ясно, что не защищена вся Америка, а не только Восточное побережье. Во-вторых, я уже говорил вам в прошлый раз, что все корни и заказчики этих терактов не находятся на Ближнем или Среднем Востоке, а целиком находятся на Западе. Могу сегодня уточнить: значительная часть — в Америке, и еще конкретнее — в Калифорнии. А Калифорния всегда недолюбливала Новую Англию. Скорее всего, в качестве города-жертвы запланирован Сиэтл.

— Почему?

— Те, кто готовил пакет терактов, должны были имитировать в глазах общественного мнения поведение исламистов, религиозных людей. А раз так, то, по логике разработчиков, нельзя “наказывать” города, в названиях которых присутствует религиозное начало. То есть Лос-Анджелес, город ангела, не может быть объектом теракта, равно как и Сан-Фрациско, город святого Франциска. А вот Сиэтл вполне подходит — еще и потому, что он известен как место мощных антиглобалистских выступлений в США.

— И администрация Буша со всеми своими спецслужбами не в силах предотвратить новые теракты?

— Во-первых, администрация Буша — это непонятно что такое. Одни обеспечивают проведение терактов, другие хотели бы их предотвратить… Но в любом случае остановить этот раскрученный маховик уже невозможно. Тем более что каждый такой самолет — это отдельная группа исполнителей, не связанная с другими группами и работающая по автономной программе.

— Когда это может произойти?

— В обозримом будущем.

— И что станет итогом этой серии терактов?

— Как минимум — падение администрации Буша-младшего.

— Как это может отразиться на России?

— Для нас это чревато новыми политическими потрясениями. С уходом Буша придется, видимо, уйти и американской марионетке — президенту Путину.

— Между прочим, президента Путина в настоящее время во всем мире сравнивают с Петром Первым. Царь-батюшка прорубал окно в Европу, а Путин — в Америку.

— Если сравнивать Путина с царствующими особами, то более точным аналогом мог бы быть Петр Третий. Петр Третий, как известно, отменил итоги Семилетней войны, победоносной для России. Потому что преклонялся перед Пруссией, перед своим дядей Фридрихом, так же как Путин сейчас — перед Америкой. Если Петр Первый был озабочен приобретениями для России, то Петр Третий, наоборот, все отдавал. Как сейчас — Путин. Кстати, первую “благодарность” от Америки за свои жертвоприношения наш президент уже получил. Буш “кинул” его в вопросе о будущем афганском правительстве и его главе. Россия делала ставку на Северный альянс и законно избранного когда-то президента Раббани. Американцы же хотят видеть руководителем Афганистана своего ставленника — прозападно настроенного Захир-Шаха. И не то что они ведут с нами переговоры по этой проблеме, нет. Путину абсолютно по-хамски отказали в его притязаниях, и на этом дело кончилось. Так что все его надежды войти в мировое правительство и играть там какую-то роль — детские мечты.

— *И если Путин уйдет, то что будет потом?*

— Бессмысленно сейчас делать подробные прогнозы. Вариантов развития событий великое множество. Ясно одно: мировое правительство будет упорно тянуть свою линию на установление диктатуры в масштабах планеты. Ресурсов у них хватает.

— *И никто не может этому помешать?*

— Это может быть сорвано только в одном случае — если появится Пятый Интернационал.

— *Почему — пятый?*

— Третий — это Ленин. Четвертый — это Троцкий.

Что могут исламисты, левые и антиглобалисты

— *Кстати, об Интернационале говорит и Геннадий Зюганов. Это случайное совпадение или вы уже провели переговоры?*

— Увы, случайное. Никакого реального интереса к созданию широкого объединения антиглобалистских сил Зюганов не проявляет. Однако я говорю не только о левых партиях в России. Речь идет о международном левом движении. Международных антиглобалистских силах. Международном политическом исламе.

— *Но ведь известно, что во всех трех названных вами силах нет единства. Кроме того, известно, что во всех политических движениях работает агентура США, Израиля, европейских стран. Не всегда ясно, откуда берутся деньги у тех или иных организаций. Есть, например, подозрение, что отдельные группы и группировки финансируют сами транснациональные корпорации, само мировое правительство. В решающий момент оно с помощью “своих” левых, “своих” исламистов и “своих” антиглобалистов постарается снивелировать любые неугодные процессы.*

— Все так. Но, во-первых, есть уже проверенные временем организации, на которые можно опереться. Во-вторых, как только начнется конкретная работа, сразу станет видно, кто есть кто.

— *Когда же она начнется?*

— Она уже началась. Мы, Исламский комитет России, готовим сейчас официальные требования, которые направим в соответствующие организации. Мы потребуем создания международой комиссии по расследованию терактов 11 сентября и 12 ноября. Потребуем расследования преступлений американцев в Афганистане.

— И вы полагаете, что на эти требования кто-то обратит внимание?

— Мы добьемся этого внимания. Наш Исламский комитет создан по инициативе исламского Хартумского форума, мы хорошо известны в мире, в работе нашего комитета так или иначе принимают участие все исламские лидеры России.

— А от кого вы потребуете расследования американских преступлений в Афганистане — от Гаагского трибунала?

— Нет, разумеется. Гаагский трибунал — это одна из международных бюрократических структур, финансируемая мировым правительством. Там ни в коем случае не станут заниматься ни объективным расследованием терактов, ни восстановлением справедливости в отношении исламского мира.

— Тогда как? Если нет механизма для реализации ваших требований, значит, требовать чего-то — пустая трата времени.

— Этот механизм мы уже начали создавать. В ближайшее время Исламский комитет России выступит с инициативой создания международного шариатского суда. Уверяю вас, мы найдем широкую поддержку не только в исламском мире, но и в Европе. И создание такого суда, и процесс его работы мировой прессе замолчать не удастся. В этот суд можно будет пригласить и президента Буша, и президента Путина, и бен Ладена, который, кстати, никогда не уклонялся от шариатского суда. Но повторяю: это только начало. Для продолжения необходимо создание единого политического поля ислама, левых и антиглобалистов.

ТЕРРОР И РЕВОЛЮЦИЯ

В мире идет процесс глобализации. Он носит в первую очередь не экономический, а административно-политический характер. И осуществляется все более быстрыми темпами через голову национальных суверенитетов, региональных интересов и гуманитарных проблем. События 11 сентября и последовавшая за ними реакция США подтвердили распространенный анализ, что сильнейшим инструментом глобализации является мировая война. Опыт показывает, что две мировых войны, прошедших в XX веке, были необходимыми этапами политической интеграции мира под руководством ограниченной группы ведущих западных держав. Сегодня мы становимся свидетелями, как на волне антиисламской истерии возрождается новая Антанта (вплоть до участия России), которая ставит задачу завершить глобализацию принудительным путем в кратчайшие сроки. Естественно, что для консолидации правящих классов империалистических держав в попытке реализовать единую цель, несмотря на существующее разногласие, нужна некая общая идеологическая платформа. Некий объединительный пункт. Такую функцию очевидно осуществляет так называемый “международный терроризм” — явление крайне сомнительного свойства и подозрительного происхождения. Мы видим, как на ровном месте взрываются жилые дома, населенные безобидными обывателями, самолеты падают на полные торговых офисов небоскребы, обывателя посыпают, как тараканов дустом,

неким белым порошком с сибирской язвой, и волны паники катятся по человеческому морю, охватывают весь мир. Кому и зачем это нужно? Какие цели ставят эти “международные террористы”? Психологи, политологи отвечают нам однообразно: цель террористов — вызвать страх, но они не говорят, у кого и зачем. Если люди тратят огромные средства, жертвуют собственной жизнью, то ведь к чему-то этот страх должен вести? Пока что последствия всем известных разрушительных действий использовались только в интересах режимов, которые усиливали полицейские меры, ограничивали свободы, брали под контроль СМИ, проводили политические перестановки, идущие вплоть до госпереворота, опираясь исключительно на шок и панику обывателя и идеологическую дубинку под названием “международный терроризм”. Если все это осуществляют исламские террористы, то надо признать, что они являются просто напросто отделом секретных служб Запада и проводят самоубийственную работу в целях укрепления западного господства над всем миром, в том числе и над его исламской частью.

На самом деле, как известно любому политологу, есть два вида террора. Один террор применяется против населения власть имущими, другой террор применяется против власть имущих наиболее радикальной частью оппозиции. Эти два вида террора никогда не смешиваются и не заимствуют методы друг у друга. Террор против власть имущих всегда конкретный, адресный. Это своеобразная форма диалога революционеров с властью. Революционерам нет смысла убивать случайных людей, прохожих, обывателей. Такая акция бессмысленна, она возбуждает у населения непонимание оппозиции и ненависть к ней, работает на укрепление режима. В свое время небезызвестный провокатор и двойной агент Азеф предложил ЦК эсеровской партии взорвать подъезд в Зимнем дворце. Предложение было встречено с недоумением и отвергнуто: “Погибнут посторонние люди, прохожие, швейцары, лакеи”. Очевидно, что предложение Азефа исходило от царской охранки и имело целью дискредитировать эсеров в народе.

Исламские террористы существуют. Они убили египетского президента Садата, попытались устранить его приемника Мубарака, ликвидировали недавно израильского министра труда известного расистскими взглядами. Каждое из этих убийств мотивировано. Каждое является конкретным острым выпадом против власти. Эта традиция террористической борьбы против сильных мира сего восходит к библейским временам, к той борьбе, которую последователи единобожия — единственные, кто в тогдашней ночи истории воплощал социальный протест, — вели против окружающего их насилия и тирании. Конкретный адресный террор был языком на котором Иерусалим отвечал на агрессию со стороны языческого имперского Рима. Эта модель характеризует подлинный политический террор и сегодня.

Есть другой террор: тот, который запугивает население, подавляет способность общества к анализу и сопротивлению, принуждает частных лиц соглашаться на полицейский произвол под видом мер безопасности. В более широкой форме этот террор применяется империалистическими державами против целых народов и неугодных режимов: ковровые бомбардировки, точечные удары, наземные операции, экономическая блокада, дипломатическая изоляция — все то, что подавляет политическую волю и ставит на колени оппозиционную часть человечества. Раньше это называлось политикой канонерок, теперь политикой “томагавков”.

В наши дни, в отсутствие сколько-нибудь серьезного метода исследования реальности, политологи пользуются банальными штампами столкновения цивилизаций и тому подобными эмоциональными антинаучными образами. При этом они не свободны от специфически буржуазного лицемерия, рассуждая о “вегетарианстве” Запада и его

“дорогих украшениях” в виде свобод, прав человека и т.п. “Вегетарианский” Запад организовал на протяжении жизни одного поколения две мировые войны и до двух десятков региональных войн, унесших жизни более 100 миллионов человек. Он же создал наиболее изощренные средства психологического давления на человеческий фактор: от концентрационных лагерей до информационной войны, в которой применяются беспрецедентные методы разрушения самобытных культур и подрыв доверия народов к собственным органическим традициям. Если говорить конкретно о взаимоотношениях Запада и ислама, то весь XX век — это история агрессии против мусульманского мира. Сюда входят англо-афганская война 1919 года, борьба с так называемым басмачеством в Средней Азии, французская колониальная война против освободительных движений в Марокко, Тунисе и Алжире, итальянская война против Ливии в 30-е годы, английская агрессия против Ирака и стран Залива в 30—40-е, англо-советское вторжение в Иран в 41-м, колониальные войны Англии, Франции, Голландии в 50—60-е годы против Йемена, Алжира, Индонезии, Малайзии, израильские войны против арабов, советское вторжение в Афганистан, американские бомбардировки Ирака, Судана, Сомали, наконец, новая агрессия США против Афганистана уже в наши дни. Только после 45-го года Запад уничтожил в локальных войнах более 10 миллионов мирных граждан мусульманского вероисповедания. Рассуждать после этого о “зверином оскале ваххабизма” и исламском терроризме является верхом цинизма. На самом деле происходящее есть всемирное социальное противостояние коррумпированных и беспринципных элит и угнетенных классов, которые со времен фараонов и цезарей доходят до наших дней, приобретая сегодня остроту эсхатологического кризиса.

ВПЕРЕДИ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

За терактом 11 сентября стояли силы, которые реально выигрывают от кризиса, постигшего национальную администрацию США. Я говорю о ТНК (транснациональных корпорациях), международной бюрократии и международной мафии. ТНК с официальной капитализацией в десять миллиардов долларов имеют оперативные возможности на международном уровне, равноценные возможностям Соединенных Штатов. ТНК могут в любой точке мира нанимать лучших специалистов по безопасности и использовать их. Они инкорпорируют местные мафии и местный криминал.

Тень на плетень

— *На ваш взгляд, воздушная атака на Нью-Йорк и Вашингтон — это террористический акт, диверсия или политическая провокация?*

— Во-первых, совершенно понятно, что эта атака очень давно готовилась. Во-вторых, бесспорно, что информация о готовящейся акции циркулировала в оперативном пространстве разведсообщества. В-третьих, эта информация наверняка была завернута или сдержана теми секретными службами, которые должны отвечать за предотвращение подобных акций.

Кто за этим стоял? Понятно, что за этим стояли силы, которые реально выигрывают (не мистически и не романтически) от кризиса, постигшего национальную администрацию США. Я говорю о ТНК (транснациональных корпорациях), международной бюрократии и международной мафии.

ТНК с официальной капитализацией в десять миллиардов долларов имеют оперативные возможности на международном уровне, равноценные возможностям Соединенных Штатов. ТНК могут в любой точке мира нанимать лучших специалистов по безопасности и использовать их. Они инкорпорируют местные мафии и местный криминал.

Как пример можно рассматривать нашу родную группу “МОСТ”. Это такая уменьшенная по сравнению с мировым капиталом копия ТНК. Но копия эта была сопоставима по своим ресурсам с административным ресурсом кремлевской администрации.

— Версия с ТНК выглядит изящно, но, честно говоря, трудно представить, что “Тексако” способна объявить войну национальной администрации США. Вроде бы цели у них совпадают?

— Между тем состояние войны с государством органически присуще крупному бизнесу. Что такое ТНК? Это не только официальная капитализация. Это капитализация теневых сфер экономики, которые никто не может капитализировать легальным порядком. Это секс, это азартные игры, это наркобизнес. Это зоны инвестиций с высоким риском.

Понятно, что вложить деньги в Россию — это не то же самое, что вложить деньги в часовую промышленность Швейцарии. Возможности, создаваемые в зонах с высоким риском, — это баснословная перспектива прибыли. Каждый вложенный доллар способен принести сто. Ни одна ТНК не будет вкладывать деньги в зоны высокого риска, не имея рычагов влияния на ситуацию в этой зоне.

О торговле органическими ресурсами мы вообще не говорим. Это просто стабильный возобновляемый ресурс. Возьмем, к примеру, Саудовскую Аравию. У нее главный доход — не нефть, а паломничество в святые места.

Паломничество приносит живые, реальные деньги. Нефть же идет по трубе, и где-то далеко нолики выскакивают, на электронных счетах под чужим контролем.

Завтра американские банки скажут: вы нам должны за вашу оборону от Саддама Хусейна. И все — Саудовская Аравия без штанов.

А тут люди, десять миллионов в год, привозят живые деньги. Я сам два раза был в хадже. Три-четыре тысячи долларов оставлял там каждый раз. Спрашивается: где эти тридцать-сорок миллиардов долларов, возобновляемых ежегодно?

— После того, что произошло в Нью-Йорке, администрация США мыслит исключительно в категориях войны. Война подразумевает под собой не религиозные, не мировоззренческие противоречия, а передел — передел финансовый и территориальный.

— Америка стоит перед тяжелейшим кризисом. Он начинается на экономическом уровне, потом переходит в политическую сферу. Соединенные Штаты должны решать кризисные вопросы. Самым быстрым решением является высшая форма имперской экспансии — военная экспансия...

ТНК могут в любой точке мира нанимать лучших специалистов по безопасности и использовать их. Они инкорпорируют местные мафии и местный криминал.

Вопрос, однако, вот в чем: Соединенные Штаты спровоцированы на экспансию. Конечно, для части профашистской, правоцентристской республиканской бюрократии это решение

кажется выигрышным. Появляется повод для ограничения свобод и полицизации государства. Но это краткосрочный выигрыш. У Соединенных Штатов все равно не хватит ресурсов, чтобы поставить на колени весь мир, превратив его в Доминиканскую Республику.

Россия уже продемонстрировала, что не желает прогибаться и предоставлять американцам свои базы. Согласиться с этим — все равно что покончить жизнь самоубийством. Представьте себе: вы ограничиваете на время антитеррористической операции своей суверенитет, а завтра Россель или Лебедь будут напрямую с Вашингтоном общаться. Поскольку администрация Кремля — не самоубийцы, они не могут на это пойти. Значит, Соединенные Штаты должны будут проводить какие-то мероприятия, ущемляющие Россию.

— *Активизация боевых действий в Чечне как-то связана с этим?*

— Думаю, да. После 11 сентября чеченцы, не желая того, оказались отрядом, действующим против совокупного исламского мира в его противостоянии империалистической, глобалистской агрессии.

Жизнь по понятиям

— *Мир перевернулся 11 сентября, а чеченцы этого не заметили?*

— Знаки все поменялись. Сегодня талибы оказались союзниками России. Потому что, если перед Россией ставят ультиматум, а Россия на этот ультиматум не идет, талибы оказываются ее передовым стратегическим отрядом. Речь идет о существовании реального мира. Соединенные Штаты не понимают, что, подставляя себя, они наносят огромный ущерб мировому порядку.

И дело не в грубой патриотической схеме типа: “Сволочи империалисты, хотят всех поставить на колени”. Если Соединенные Штаты развалятся, то на их место мирового диспетчера придут ТНК, и мало никому не покажется. Самая криминальная зона России будет выглядеть швейцарской правовой республикой.

Мир стоит на пороге сворачивания представительной демократии. Будут ликвидированы все двухсотлетние демократические институты, потому что потребительский рынок уже не будет политическим фактором. Электорат не будет политическим фактором. Национальная администрация зависит от электората, она не может сворачивать социальные гарантии и так далее. А для ТНК это все разговоры в пользу бедных.

Национальная администрация США стала на путь самоликвидации. Бросать вызов всему миру нельзя. При этом в игре не вся администрация. Иными словами, переворот происходит в условиях неконсолидированных действий. В этих условиях США подставляют себя многократно. Значит, они освобождают свое место кому-то другому. На это место грядет страшная сила.

Болезнь приходит пудами, а уходит золотниками. Когда средний американец поймет, что его “переселили” из свободной страны в зону, все начнет меняться.

— *Удивительно, но американское общество одобряет ограничение своих свобод. Девяносто процентов населения поддерживают Буша и необходимость нанесения ударов*

возмездия. Такое поразительное единодушие — это что, свойство тоталитарного сознания?

— В первый день только двадцать процентов были за немедленный удар. Я не знаю, как сейчас. Может быть, они провели массированный brain-washing и изменили этот рейтинг. К тому же рейтинги — это вообще ерунда. Вы вспомните рейтинги перед “Бурей в пустыне”. Думаю, что удары возмездия поддерживает народномилиционная часть населения право-консервативного типа и шокированный обыватель. Но тот, кто сейчас поддерживает, через некоторое время начнет понимать, что его во что-то втравили.

Болезнь приходит пудами, а уходит золотниками. Когда средний американец поймет, что его “переселили” из свободной страны в зону, все начнет меняться. Для того чтобы, опираясь на тоталитарные меры, эффективно вести борьбу, нужно иметь очень консолидированное предварительно общество типа немецкого или советского.

Немецкое общество, например, выдерживало четыре года войны с меньшим давлением, а советское потребовало большего давления. Почему? Потому что оно не такое консолидированное, хотя бы в национальном аспекте. А давление на американское общество должно быть на два порядка выше, чем на советское. Американский человек не может выдержать такое давление. И это будет кризис.

— *Многие наблюдатели считают, что все началось на недавних президентских выборах в США. Тогда условно Гора связывали с чисто финансовым спекулятивным капиталом, а Буша — с ТНК. Выходит, что Буш вольный или невольный проводник интересов ТНК?*

— В данном случае, я думаю, проводником является некий сегмент администрации США, который подыграл или создал определенные условия для переворота. А сейчас стремится эту ситуацию использовать. Но сегмент этот был, в свою очередь, сам использован как инструмент.

Получателем дивидендов от этой акции является не Америка и не национальная администрация, а ТНК. Интересы ТНК и администрации США совпадают по вектору только на краткосрочный период.

Транснациональные корпорации — это не индивидуальная олигархия, а корпоративная. Это не Березовский, не Ходорковский. Здесь нет человеческого измерения, которое существует в России в личности милых пушистых олигархов. Это железная пята.

— *А все-таки существует реальное противоречие между фискальным, спекулятивным капиталом и тээнковским, классическим капиталом?*

— Спекулятивный капитал больше тяготеет к международной бюрократии. А международная бюрократия и ТНК нуждаются друг в друге, потому что ТНК не имеют административного ресурса. Да, у них колоссальный финансовый потенциал, они нанимают лучших специалистов, пользуются услугами мафии, услугами планировщиков, они разрабатывают глобальные проекты. Но у них нет административного ресурса.

В национальной экономике все просто: компания отстегивает, чиновник кормится от нее. Транснациональная корпорация действует в межгосударственном пространстве. ТНК необходима прослойка бюрократов, не зависящих от государственных субъектов. Процесс интенсивно идет, начиная с сорок пятого года.

Создается ООН и его подструктуры. Создаются всякие фонды по спасению человечества от СПИДа, от нищеты и так далее. Одновременно создаются условия для спецкоррупции. Что такое “спецкоррупция”? Национальная коррупция — это понятно: вы отвечаете по закону. А если вы возглавляете фонд с неопределенными гуманитарными сверхзадачами, где крутятся миллиарды долларов, и этот фонд международный? Это другой вид коррупции.

Спекулятивный капитал ориентируется на международное чиновничество. Потому что чиновничество такого рода обеспечивает проводку воздушных денег. А как иначе легализовать теневую экономику, без спекулятивного капитала?

Но и ТНК нуждается в международной бюрократии, потому что это административный ресурс. То есть они могут взаимодействовать с международной бюрократией совершенно иначе, чем с правительствами государств. Международная бюрократия не зависит от электората. Это сращивание.

— *Тогда чем объясняется такая война между демократами и республиканцами на прошедших выборах в США, если интересы спекулятивного капитала и ТНК совпадают?*

— В США назревал общий кризис. Искали выход, решали, на ком будет лежать ответственность.

— *То есть существовало два сценария выхода из кризиса. А какой сценарий прокручивается сейчас?*

— Прокручивается тот сценарий, который победил. Стандартный вариант. Апробированный. Гексоген-два, как я его назвал бы.

По вере

— *Почему в роли врага “цивилизованного” мира однозначно выбран исламский мир, или исламский фундаментализм?*

— Сумма факторов. Во-первых, после марксизма исламская идеология является последним идеологическим ресурсом в осознанной оппозиции буржуазному мировому порядку.

Вы, наверное, обратили внимание, что сегодня антиглобалистское движение вообще не заряжено, нечленораздельно. А вот глобализм говорит, что все нормально, все хорошо, а те, кто против, — дураки, монархисты, быдло, люмпены и так далее. В этих условиях политический ислам дает апробированный, даже не четырнадцатью веками исламской истории, а христианскими еще веками, ответ. Это воспроизведение авраамического протеста против фараоновского гнета. Это фундаментальная линия пророков, которые находятся в оппозиции цезарям, фараонам, Риму.

Только обыватель думает, что действуют реалии приземленные, а все остальное — мифология. На самом деле непосредственно в истории действуют идеи, тонкие вещи.

Оказывается, что проблемы, которые сегодня сталкивают ислам и так называемый “Запад”, — это то же самое, что Римская империя и Иерусалим две тысячи лет назад. Воспроизведение той же модели. Риск, что политический ислам может объединиться с неисламским антиглобалистским левым движением, приводит в ужас потенциальную

транснациональную олигархию, которая еще не стала мировым правительством, но уже является претендентом.

Может возникнуть очень мощная структура. Ислам выйдет из гетто. Появится совместное оппозиционное поле. Европейское сопротивление получит структурированное измерение. Возникнет транснациональная корпорация политической оппозиции. Контр-ТНК снизу.

А кому это надо? Значит, надо предотвратить. Есть наработанная, уже обкатанная дорога, чтобы построить двадцать восемь держав в походе на Ирак. Есть некий шаблон. А на кого бросить? Полтора миллиарда мусульман — это страшная угроза, это фактор, который может всех объединить.

— Давайте на землю вернемся, в реальный мир. Об исламском терроризме поговорим.

— У вашего издания есть шеф, который сам — суперас в подобных вещах. Он может подтвердить, что если взять наугад десять человек, то один из них будет стукачом. А то и больше. Но один — это точно. Поэтому, если маргинальная группка захочет взорвать где-нибудь старый “москвич”, эта акция уже в момент своего созревания будет известна соответствующим структурам. Если же она произойдет, значит, ей надо было произойти, потому что из этого последуют соответствующие оперативные выводы.

Я хочу напомнить, у Познера, во “Временах”, кажется, Любимов что-то говорил о большевиках, которые самостоятельно все осуществили.

Он имел в виду, что сами большевики в семнадцатом году провели решительную акцию и взяли власть в свои руки. Это насмешка над историей. А как же помощь Германии?

В мире действует третье начало термодинамики — энтропия. Если посмотреть сверху на движение поездов по железной дороге, оно выглядит хаотично. Но при этом поезда не сталкиваются. Чтобы они не сталкивались, нужно вложить в сто раз больше энергии, чем для того, чтобы они начали сталкиваться.

Если вы хотите что-то организовать, у вас ничего не получится до тех пор, пока пробами и ошибками не будет наработана технология. Эта технология является групповым корпоративным достоянием, которым никто не делится. Это достояние концентрируется в структурах, которые работают с государством.

Во времена холодной войны США и СССР понасоздавали экстремистских организаций друг против друга, а теперь американцы думают: давай-ка их сколотим в единый фронт против цивилизации и будем мочить. А заодно и всех тех, кто с ними в едином поле — идеологическом или религиозном — находится.

Новый передел

— Скажите, вы действительно исключаете исламский фактор при организации терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне?

— Мусульмане, активно участвующие в политике, политические организации радикального типа все инфильтрованы. Для подобной акции выбирать нужно людей из разных стран. Каждый из них должен знать, что он один идет в самолет. Каждый своим путем. Это требует огромного запаса синхронизации, подстраховки и так далее. Провал исключается.

Это очень трудно сделать с людьми, идеологически обоснованными. Можно найти людей, которые пойдут и умрут, но поставить эту операцию на сцене, как балет Большого театра, с арабами невозможно.

Ликвидировать государственные суверенитеты в исламском мире — давняя мечта “цивилизованного” сообщества

Технически арабов никто на это дело не возьмет, потому что они являются источником риска для проведения операции. Можно найти арабов и посадить их за штурвал. Но это опасно. Политически активное поле прозрачно. Вы не можете найти никому не известных и при этом профессиональных, на сто процентов гарантированных людей среди исламских радикальных группировок.

Для мусульманина обязательна позитивная духовная цель. Здесь нет аспекта тоталитарной промывки мозгов. Мусульманин должен быть уверен, что то, что он делает, угодно Богу, который есть Абсолютное Благо. Вот это, как правило, забывают, когда комментируют действие истинного мусульманина.

Он может совершать акты обороны. Почему палестинцы принимают ответственность на себя? Потому что они уверены, что защищают собственную землю. А религиозной обязанностью мусульманина является защита себя, семьи, своей личной чести и имущества.

— Но ведь палестинцев также причисляют к террористам, которые противостоят всему цивилизованному миру.

— Терроризм — это термин с большим знаком вопроса. Как вы считаете, бомбежка Белграда — это терроризм? А атомная бомбардировка Хиросимы? В свое время Линдон Джонсон произнес: “Загоним вьетнамцев в каменный век”. Эту фразу повторила масса журналов и газет. Кто с восторгом, кто с негативом. Попробуйте классифицировать это по шкале ценностей цивилизованного мира.

— Вы только что предъявили администрации США обвинение в государственном терроризме. Объектами террористов недавно стали Пентагон как символ военной мощи Америки и Всемирный торговый центр как символ ее экономического господства.

Разве нельзя рассматривать эту атаку как удар по “сатанинской Америке” или мировому злу? Разве нельзя это рассматривать как ответ мусульманского мира на глобальный вызов США?

По-моему, для такой операции нужен не фанатизм, а идеологическая убежденность в том, что ты идешь на богоугодное дело...

— А еще нужна безупречная синхронизация действий террористов, чего требует технология подобных операций. Технология — это голый расчет. А идеология мешает расчетам.

Я согласен, что найти можно сколько угодно людей, готовых пожертвовать собой для удара по Америке. Но собрать команду из восемнадцати человек, которая идет строем и все делает четко и слаженно, — тут пахнет не исламским подходом.

— Опять пресловутая третья сила?

— Очевидно, что это новая сила, вновь созданная специально под эту акцию. Но штаб, который создавался заново, не мог создаваться из никого, понимаете? Оперативников растят десятилетиями. Если вы хотите знать мое личное мнение, то это осколки спецслужб стран Варшавского договора.

Однако вопрос об исполнителях не интересен. Интересен главный получатель дивидендов от этой провокации. Не на биржевых торгах, а в политическом смысле.

— Сегодня США весь мир поставили перед выбором: либо вы поддерживаете акцию возмездия и получаете пропуск в цивилизованный мир, либо вы ее не поддерживаете и автоматически причисляетесь к странам — пособникам терроризма, то есть выноситесь за рамки цивилизации.

— Это методология такая. Любая разборка, любая криминальная "постановка" подразумевает стрессовую ситуацию. Один кричит, кто-то падает и бьется, кого-то бьют. В это время "скорей, скорей, милиция!". И — раз — у тебя в руках кукла вместо денег. Для этого все и делается.

Тут надо четко понимать одно. Поддержка ударов возмездия — это не пропуск в цивилизованный мир. Потому что того, кто этим пропуском воспользуется, не будет. Он будет ликвидирован как политический субъект. Вот, например, мусульманским государствам приказано: порвать отношения с теми, кто на баррикадах. Любая мусульманская страна, выполнив этот приказ, обрекает себя на гражданскую войну. Пакистан уже стоит на пороге гражданской войны.

Ликвидировать государственные суверенитеты в исламском мире — давняя мечта "цивилизованного" сообщества. В свое время колонизации подверглась Индия, она была не совсем мусульманская, страна, но все-таки. Колонизации подверглась Африка. Но осталась Османская империя, остался Иран. Даже Бухарский эмират сохранял статус суверенного государства под покровительством Санкт-Петербурга. Оставалось ядро.

По Версалю разделили наследство Османской империи и создали протекторат. Потом пришлось создать новые государственные образования, которые появились уже как следствие ялтинских договоренностей.

Сейчас Ялтинский мир кончается, встает вопрос о том, чтобы то, что появилось в ялтинское время, ликвидировать.

— Но ведь это означает пересмотр итогов Второй мировой войны. А что впереди?

— Впереди — Третья мировая война...

СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

Выступление на пресс-конференции в октябре 2001 года в "Мире новостей"

Я бы хотел начать с комментария по поводу сейчас часто цитируемого высказывания Усамы бен Ладена относительно тех якобы мусульман, которые присутствовали на борту известных самолетов, нанесших удар по башням Торгового центра в Нью-Йорке и по Пентагону и о которых он говорит, что Аллах примет их души в раю как шахидов.

Сегодня это высказывание является одним из главных моральных и доказательных аргументов того, что так называемая “контртеррористическая операция” США и Великобритании в Афганистане имеет полное оправдание, доказана как операция против террористических сил, поскольку как бы сам главный, так сказать, террорист Усама бен Ладен в своем высказывании подтвердил наличие таких мусульман, такой команды, которая осуществила операцию 11 сентября. В связи с этим Исламский комитет, выражающий не только мнение огромного большинства мусульман как в России, так и за рубежом, но также и мусульманских ответственных политиков, уполномочен заявить: это высказывание мы рассматриваем как провокационное, потому что оно носит такой методологический характер, который оснащает агрессора моральными и политическими аргументами, и оно было сделано, как известно, до начала бомбардировок, при том что он не брал на себя ответственности за участие в этих акциях 11 сентября; это заявление лежало как бы законсервированным и было пущено в ход только после начала бомбардировок. Я хочу в этой связи сказать, что нам известно конкретно, и не только нам, но и компетентным кругам мирового разведсообщества, кто организовывал операцию 11 сентября и кто стоит за ней. Эта операция была организована профессиональными специалистами секретной службы некоего ныне уже не существующего государственного образования, а для проведения этой операции были использованы члены международной тоталитарной секты, которые принадлежали к различным этническим группам. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что корни, истоки и заказ самой операции не находятся на Ближнем или Среднем Востоке, а целиком находятся на Западе.

Сказав это, я хочу вообще остановиться на моменте так называемого “международного терроризма”. “Международный терроризм” — это явление, как всякий не предвзятый, не ослепленный пропагандой наблюдатель может установить самостоятельно, не политического характера. “Международный терроризм” — это явление, которое создано исключительно в интересах манипуляции мировым общественным мнением, в интересах курирования мировой политики через провокацию и шантаж и которое целиком своими корнями восходит к инициативе ведущих секретных служб. Политические организации, которые входят в черный список так называемых организаций, принадлежащих к международному терроризму, как хорошо известно практически всем потребителям, по крайней мере, широко известной газетной и телевизионной информации, были в разное время созданы и курировались либо ЦРУ против Варшавского Договора, либо, наоборот, КГБ для противодействия Израилю и Западу на Ближнем Востоке. Эти структуры контролируются теми или иными силами и поныне. Мы можем отметить что ни за Усамой бен Ладеном, ни за какой-либо другой известной организацией, которую называют в числе организаций, причастных к тем или иным массовым актам, не стоит сколько-нибудь известной политической идеологии. Если мы пытаемся анализировать так называемую внутреннюю мотивацию, которая стоит за этими организациями, то мы встречаемся с чисто пропагандистскими слоганами типа: “Ислам против Куфра”, “Ислам против неверных” и т.д. Но в целом такое противостояние существует уже 14 веков, более того, оно существовало и ранее — во времена противостояния Рима и Иерусалима, но это не политическая идеология, это теологическая абстракция, она не может быть базой для координированного политического действия. Анализ истории и практики реального политического терроризма говорит нам, что он невозможен без целостной коэрентной(?) идеологии, возьмем ли мы эсеров, возьмем ли мы политический сионизм, акции, которые проводились теми, и другими, и третьими, всегда имели за собой четко разработанную коэрентную(?) политическую идеологию. Отсутствие таковой является явным доказательством спровоцированности этих акций. В интересах кого и зачем проводятся сегодня эти провокации, с помощью которых шантажируется общественное мнение и подготавливаются условия для изменения политической структуры мира? “Контртеррористическая операция” — выражение, которое сегодня вошло в массовый

обиход, запущенное сначала по отношению к Чечне в российских условиях, а сегодня точно также применяемое по отношению к действиям Запада против Афганистана, — это сегодня новая форма колониальной войны, или дипломатия канонерок, которая в новых условиях может быть названа дипломатией томагавков. Если мы вспомним историю завоевания Средней Азии, если мы вспомним историю завоевания Кавказа, мы легко обнаружим там все ту же парадигму, все ту же модель — контртеррористическую операцию, проводившуюся, по словам тогдашних историков и журналистов, против хивинских разбойников, мешавших российской торговле, против бухарских разбойников, против кавказских разбойников, против абреков и т.д. По сути дела, если отбросить лермонтовский романтический стиль, все та же контртеррористическая операция.

Я бы хотел в этой связи сказать, что сегодня в большей степени, чем когда бы то ни было, существует противоречие между тем, что можно назвать условно мировым истеблишментом или союзом мировых элит, не хотелось бы употреблять, чтобы меня не заподозрили в дешевой конспирологии, выражение "мировое правительство", но если понимать под этим сумму международных бюрократов, сумму координирующихся между собой правительств, то почему бы и не сказать "мировое правительство с одной стороны и мировое гражданское общество с другой стороны". Если вы обратите внимание на то, как действует сегодня масс-медиа, то вы легко увидите, что главная задача медийного пространства — это замазать, затушевать и полностью исключить пропасть, которая существует между гражданским обществом и мировым правительством. Иными словами, представить ситуацию как некую цивилизационную коэрентность, как некий союз общества и правительства, якобы на его службе, якобы существующего в интересах охраны граждан от посягательств нестабильных и опасных элементов. Это нормальная форма, употребим это выражение, разводки. Разводки, применяемой по отношению к обывателю, который находится в плену информационного потока. На самом деле существует непримиримое противоречие между гражданским обществом — я говорю о мировом гражданском обществе — и мировой бюрократией. Антиглобалистский процесс сегодня — это явное свидетельство того, что такое осознание присутствует в широких кругах, что оно будет расти и крепнуть. В этой связи я бы хотел остановиться вкратце на неблаговидной роли либеральной интеллигенции в России, которую она начала играть сегодня. Я конкретно имею в виду антиисламские высказывания, доходящие до пароксизмов ненависти и расизма, которые принадлежат, например, таким людям, как Аксенов, Войнович, и другим авторам, другим писателям, которые известны своей в прошлом либеральной позицией, своей принадлежностью к классу интеллигенции, всегда отличавшейся в российских традициях совестливостью и дистанцированностью от бюрократического подхода. На самом деле сегодня мы видим, что эта совестливость куда-то делась, что имеет место сикофанский, рептильный, сервильный подход по отношению к установочным ценностям, заданным сверху, и все это доходит до пароксизмов желания услужить и угодить вот этим заданным установкам. Сегодня значительная часть либеральной интеллигенции в России пошла в услужение самым худшим проявлениям империалистической спеси, империалистических амбиций некоторой части бюрократии и встала на позиции откровенного расизма, изменила традициям, гражданским традициям интеллигенции. В этой связи я хочу заметить, что то ничем не обусловленное, некондиционированное доверие, которое большинство пишущей братии, большинство интеллигенции проявляет по отношению к источникам с пометкой "спецслужбы", будь то российские или американские, было немыслимо еще 20 лет назад. Когда, например, вчера на "Эхо Москвы" Матвей Ганапольский спросил меня, какое основание у меня есть не доверять информации, распространяемой американской секретной службой, я просто был настолько шокирован, что даже не сразу нашелся что ответить. Я мог сказать только одно: вы знаете, информацию распространяют СМИ, а секретные службы имеют задачу распространять дезинформацию. Это было очевидно 20 лет назад любому интеллигенту.

Сегодня сложилась такая ситуация, что на фоне абсолютно циничных свирепых звериных бомбардировок, которые, кстати говоря, являются не беспрецедентными — прецедентов было очень много, — общественное мнение притупилось и устало это воспринимать, на фоне того что руководитель сильнейшей в мире страны раздает темные, смутные, двусмысленные обещания приступить к карам против каких-то других неназванных стран, на фоне вот этого поведения, которое не назовешь иначе как бандитским, на фоне того что наш президент говорит, что жертвы среди гражданского населения находятся на совести неких мифических террористов, вина которых не была предъявлена доказательно мировому сообществу, гражданскому обществу, на фоне всего этого следует сказать, что мусульмане, нравится это кому то или нет, оказываются авангардом защитников свободы, той последней свободы, которая еще существует в этом мире. Буржуазной интеллигенции, либеральной интеллигенции это может не нравиться, поскольку она привыкла воспринимать мусульман через призму экрана, где они демонстрируются в качестве босых, голодных, холодных, грязных людей с “калашниковыми”. Но я хочу напомнить, что именно эти босые, голодные, холодные, грязные люди с граблями и косами триста лет назад выступив против сеньоров, создали тот либеральный порядок, при котором мы сегодня живем. Именно эти люди, поднявшиеся от земли, свергли феодальный абсолютизм и создали те свободы, которыми мы сегодня гордимся. Я хочу сказать, что эти холодные, голодные, босые люди сегодня являются наследниками славной традиции защиты свобод.

В этой связи я настаиваю на том, что моральный долг российской интеллигенции, российской журналистики — быть не с теми кто силен, а с теми — кто слаб. И даже если оставить в стороне чисто моральные аспекты, которые могут показаться в наше циничное время возвышенной теологией, сегодня речь идет о российском суверенитете. Ведь в Узбекистане уже находится морская пехота США. Самые жуткие предположения, самые страшные кошмары кремлевских лидеров 20-летней давности, ради которых они посылали в Афганистан ограниченный контингент, сбылись, стали явью, и это воспринимается как само собой разумеющееся, как какая-то норма. Дело в том, что генерал Дустум, который сегодня является становым хребтом Северного альянса, это пантюркист, который заключил политический союз с другим пантюркистом бывшим коммунистом Исламом Каримовым, за которым стоит пантюркистская натовская Турция. Россия своими руками создала дугу пантюркизма, которая действует на ираноязычном афгано-иранском, афгано-пакистанском направлении. Пантюркизм всегда был худшим кошмаром российских геостратегов. И вот сегодня бесхребетная политика Кремля выковала пантюркистскую саблю у себя под боком.

Сегодня присутствие Соединенных Штатов в качестве решающего военного фактора в центральноазиатском регионе вбивает клин и создает эффект окружения для России, Китая и Индии, а также Ирана, естественно. Это означает, что в ближайшие часы, дни, недели, месяцы этот факт окружения сработает и повергнет всех участников геополитического пространства Евразии в хаотическое противостояние, чего, собственно говоря, и добивается международная бюрократия, потому что с каждой мировой войной эффект присутствия этой международной бюрократии на мировой сцене усиливается. Свободы 13-го года смешны и эфемерны в 20-м, свободы 38-го года смешны и эфемерны в 46-м; мы еще поплачем о тех маленьких свободках, которые мы имеем сегодня, лет через пять. Подводя итог, я хочу сказать, что единственное, что еще может остановить или замедлить полное широкомасштабное развязывание Третьей мировой войны, которая уже началась на наших глазах, — это соединение сил ислама, реального ислама, политического ислама, — не того ислама, спровоцированного и фиктивного, который нам преподносят СМИ в виде мифических Аль-Каид и прочих структур, а реального политического ислама, который четко знает что такое цивилизация, что такое

цивилизационный проект, — объединение этого ислама со всеми силами антиглобализма в США, Европе, России и Латинской Америке. Только структуризация гражданского общества как ведущей силы сопротивления мировой мафии, мировой бюрократии сегодня может сохранить нас для истории и историю для нас.

БЕСЕДА ГЕЙДАРА ДЖЕМАЛЯ С ХАРИСОМ ЭЛЬ-КАШАЛИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ США ПРОТИВ ИРАКА

Беседа председателя Исламского комитета Гейдара Джемаля с секретарем Бюро внешних сношений Социалистической партии арабского возрождения «Баас» Харисом эль-Кашали

Гейдар:Кризис вокруг Ирака дает возможности России начать осуществлять политическую экспансию, поскольку сегодня благодаря стойкой позиции Саддама Хусейна для всех стран, не желающих лишиться своего суверенитета, образовалась новая политическая платформа, на которой они могут объединиться…

Харис: После обрушения СССР Соединенные Штаты остались одни на ринге, как боксер-тяжеловес, внезапно потерявший партнера по спаррингу. При этом следует учитывать, что вся международная политическая структура есть не что иное, как аппарат обслуживания холодной войны. Внезапно этот аппарат остался без своего мотива существования. Естественно, он начал ломаться и приходить в негодность. Нельзя рассматривать нынешний Совет безопасности и Россию в нем как продолжение Совбеза, созданного при участии СССР. Это объективно разные структуры. Проблема в том, что США не хотят признать новой ситуации, возникшей после окончания холодной войны. Боксеру-тяжеловесу любой ценой нужны новые противники, даже если они не могут стать в позицию альтернативного полюса. Проблемы американцев — это их неспособность выйти из инерционных технологий руководства биполярным миром…

Гейдар: В нынешних условиях Ираку следовало бы поднять свою политическую экспансию на более высокий уровень. В частности, Европа заинтересована в сближении с исламским фактором через каналы «своих» мусульман — европейских диаспор с Ближнего Востока…

Харис: Исламский фактор — замечательно, но мы хотели бы консолидировать международную активность на самом широком базисе. Сегодня сторонниками международного трибунала для военных преступников в Вашингтоне выступают не только такие страны, как Малайзия, но и Бразилия, Южная Африка, и многие другие, немусульманские страны. Мы высоко ценим позицию Нельсона Манделы, Бенбеллы… Такого рода международный трибунал был бы серьезным сигналом к консолидации не только общественных сил мира, но и государственно-политического ресурса, которому прямо угрожает ковбойское беззаконие Буша.

Гейдар: Наряду с такими инициативами очевидно, что Ирак может подключить к противодействию США мировые экономические силы, для которых внешнеполитическая деятельность Вашингтона является совершенно неприемлимой. Я имею в виду мировую бизнес-элиту, для которой национал-империализм Вашингтона является непосредственной угрозой.

Харис: Существует иллюзия, будто интересы высшего эшелона мировых бизнес-элит так или иначе связаны с американскими государственными интересами. Это совершенно неверно. Крупнейшие кланы бизнесменов-олигархов, находящихся в Европе и Азии, на самом деле ощущают себя ущемленными американским гегемонизмом, распространяющимся на все сферы международной деятельности и мешающим многим мощным проектам. Нельзя забывать, что США сегодня во многих сферах задействуют так называемые «блокирующие технологии», т.е. незаконные приемы и методы, с помощью которых не допускается развитие тех проектов и тех перспектив, которые нежелательны Америке. Американская правящая элита заинтересована в отставании всего остального мира, стало быть, судьбы всех тех крупнейших деятелей мировой экономики, которые делают ставку не на США, подвергаются угрозе со стороны последних.

Гейдар: Таким образом получается, что ошельмованный американской пропагандой Ирак становится знаменем всех сил, для которых Америка превратилась в барьер на пути к новому, более качественному, уровню цивилизации…

Харис: Вы правы. Этот парадокс несколько напоминает ситуацию 30-х годов в мире, когда ваш тогдашний руководитель Сталин превратился в символ защиты свободы и гуманизма, потому что альтернативой ему был Гитлер (в сегодняшней ситуации аналог Буша). Поэтому президент Ирака Саддам Хусейн не случайно упомянул имя Сталина во время визита российской парламентской делегации в Багдад некоторое время назад.

Гейдар: И все-таки что вы скажете о войне, до которой осталось, вероятно, всего лишь несколько часов?

Харис: Мы рассчитываем, что американцы пойдут на наземную операцию. Конечно, в ходе воздушного удара наша инфраструктура будет разбита, исчезнут многие центры производства, мы понесем тяжелые потери… Но в случае наземной операции американской армии будет нанесена неприемлимый ущерб. Победа будет за нами!

Опубликовано в журнале “Смысл”, № 5

ГЕЙДАР ДЖЕМАЛЬ: ВОЙНА В ИРАКЕ ПРИВЕДЕТ К ВСЕОБЩЕМУ КАТАКЛИЗМУ

Предлагаем вашему вниманию интервью с председателем Исламского Комитета России Гейдаром Джемалем. Как известно, несколько дней назад верховный муфтий России Талгат Таджуддин объявил джихад США, поэтому разговор с Г. Джемалем начался с вопросов внутрироссийских, а не общемировых.

— *На минувшей неделе корреспонденты «Росбалта» в регионах задавали вопрос об отношении к иракскому кризису лидерам мусульманских общин России. Мнения разнятся: одни утверждают, что война в Ираке — это вызов всему исламскому миру. Другие — что Саддам Хусейн — оскорбление для иракского народа. Как бы вы прокомментировали эту разницу во взглядах, и какова ваша точка зрения?*

— Разница очевидна, потому что эти так называемые лидеры общин — в силу исторических причин — люди, ориентированные на конформизм и в значительной степени запуганные. Особенно эта запуганность возросла в последнее десятилетие в связи с «охотой на ведьм», развязанной по поводу так называемых «ваххабитов», истерии

вокруг так называемого международного терроризма, закрытия отдельных мечетей, медресе. Закрытия, кстати, происходят не только на Кавказе, но и в Поволжье, причем последующие экспертизы подтверждают, что это были дутые дела. Которые тем не менее имеют эффект морального давления.

Люди, которые формулируют точку зрения таким образом, как рассказали вашим корреспондентам — кривят душой. Потому что Саддам Хусейн жив на сей момент, в то время как тысячи простых иракцев гибнут под американскими бомбами. Объявив войну Саддаму, американцы наносят удары по жилым кварталам. Тысячи — убиты, десятки тысяч — ранены. Организация «Врачи без границ» приходит на помощь иракским медикам, которые уже не справляются с количеством пострадавших, и уже международные организации захлебываются в потоке раненых. А Саддам — жив. Поэтому люди, которые говорят, что они не поддерживают Саддама, просто пытаются увильнуть от гражданской ответственности. Совершено очевидно, что американцы де-факто уравняли иракский народ с Саддамом. Кроме того, иракский народ приравнен к остальным мусульманским народам — это уже отчетливо проговорено Бушем, который сказал, что дальше американцы придут по душу других режимов.

До этого Буш говорил о необходимости борьбы с исламским миром, о крестовом походе. Теперь он эти слова немного варьирует, но очевидно главное: Соединенные Штаты ведут борьбу против всего исламского мира.

Они избрали Ирак как звено, которое им представляется наиболее подходящим. Была проведена работа по многолетней изоляции Ирака, дискредитации его режима — американцы считали, что они подготовили общественное мнение к этой войне. В другой стране, если бы они начали с нее, общественное мнение было подготовлено гораздо хуже. Теперь Соединенные Штаты занимаются двусторонним шантажом каждого отдельного взятого правительства, пытаясь склонить его на свою сторону. Сегодня видно, что до определенной степени этот шантаж им удается.

— Кстати — об общественном мнении. Как вы оцениваете работу российских СМИ по Ираку?

— Я сказал бы, что за последние дни налицо значительная эволюция в конформистскую сторону. Потому что сначала говорится, что американцы — оккупанты, потом задумчивость такая появляется, и затем закадровый комментарий постепенно переходит к тому, что агрессор превращается в «силы союзной коалиции», а регулярные войска, защищающие свою родину, странным образом превращаются почему-то в боевиков...

То есть происходит некоторым образом такая... трансформация и «подстраивание» под давление сильных мира сего. Где-то больше, где-то меньше. К сожалению, наши российские СМИ не могут длительное время держать удар и сохранять четкую однозначную политическую позицию. Они конъюнктурны и смиряются с неизбежным. Вернее — с тем, что они считают неизбежным.

— Вы считаете, что победы союзников над Ираком еще может и не быть?

— Точки над «i» до сих пор не поставлены. Аналитики отмечают, что саддамовская армия, точнее армия Ирака, потеряла в боях за все это время не более 5% своего ресурса, что основные иракские силы находятся в хорошем состоянии...

— А где они? Где эти 95% иракской армии «в хорошем состоянии»?

— Они сдерживают американцев по всем направлениям, по всем городам. Не взят еще ни один город. Они только говорят, что где-то они там вошли, но никто их нигде не видит. Факт остается один — главный: американские войска устают быстрее, чем иракские.

— Возвращаясь к конформизму. Какой бы вы предпочли вариант политической позиции России, российских СМИ, общественного мнения?

— Во-первых, Россия имела возможность вообще предотвратить эту войну, в одностороннем порядке нарушив эмбарго и поставив туда средства ПВО.

— А ответные меры к России?

— А не было бы никаких ответных мер, потому что Россия — пока еще ядерная держава и, кроме того, у нее была бы (может и негласная) поддержка Западной Европы. Потому что Западная Европа теряет очень много, и Россия теряет очень много. Но Россия просто на это не осмелилась пойти — не смогли мобилизовать достаточный уровень такой... жесткой решимости сделать реальный ход. Дело в том, что по мере того как Россия будет отступать и спускать на тормозах попытки противодействовать, США будут мстить обязательно. Если они выиграют в Ираке, они все равно придут по душу Путина, Шредера и Ширака. Потому что США никогда не простят этим лидерам того, что те попытались схватить американцев за руку и противодействовали им в начале. Американцы так устроены, что не прощают ни малейшего отступления от своей линии. И рано или поздно конфронтация неизбежна. Только уже в худших условиях и худшей позиции.

— Однако в Конгрессе США, когда голосовали по финансовым вопросам, Россию и Францию не оставили в «черном списке», Германия все-таки в нем осталась... Уверены ли вы, что расчет на поддержку Европы, точнее Франции и Германии, оказался бы беспроигрышным?

— Уверен. Почему оставили Германию? Во-первых, Германия и Франция конкурируют за лидерство в Западной Европе, поэтому США использовали старое правило — столкнуть их лбами. Во-вторых... на самом деле Германия очень тесно связана с Россией — Россия является ее сырьевой базой. Основной наш экспорт идет в Германию, поэтому Германия и чувствует себя так дерзко, понимая, что она опирается на нас в определенном смысле, что она не может быть экономически изолирована. Поэтому отрезать ее от участия в разработках в Ираке достаточно бессмысленно. То есть можно отрезать, но тогда она будет еще плотнее привязана к России. Так что это — не более чем маневр.

Но Франция и Германия прекрасно понимают, что обострение между Европой и Америкой будет расти, будет продолжаться. И на каждом этапе, когда Европа и Россия должны делать откат назад и соглашаться с шантажом, с таким хулиганским запугиванием, каждый шаг назад будет сопровождаться усилением всего этого как тенденции. Невозможно смягчить агрессора — вспомните Мюнхен. А сейчас США (через определенный зондаж общественного мнения) уже показывают, что следующим должен быть Иран. Но есть старый договор между СССР и Ираном о том, что в случае, если Иран становится жертвой и с его территории возникает угроза для Советского Союза, то Советский Союз вводит свои войска.

— Разве он не денонсирован, этот договор?

— Ну, шах Ирана якобы денонсировал, но дело в том, что он так хитро составлен, что его нельзя денонсировать в одностороннем порядке. По крайней мере, в той части, где

говорится о введении на территорию Ирана подразделений ПВО. МЧС недостаточно, там должны быть подразделения С-300.

— Вы полагаете, что мы можем пойти на такое противостояние?

— До тех пор пока мы являемся страной, которая может нанести Штатам неприемлемый для них ущерб, мы, не бросая прямого вызова, можем проводить мероприятия, которые делают операции по вторжению в разных регионах мира слишком затратными и скандальными для США. То есть такие мероприятия, в результате которых они должны идти на переговоры, обращаться в ООН, через которую они переступают... Вы знаете, на что очень сильно похоже вторжение американцев в Ирак?.. На операцию Сталина против Финляндии в 1939 году. Точно так же Молотов хохотал над Лигой Наций, которая осталась за бортом и махала кулачками... Очень похоже. Точно так же это все превратилось в затяжную войну, точно так же создавалось «правительство Финляндии». Я думаю, что как Финляндия привела к всеобщему катаклизму, так же точно и Ирак приведет.

— Это и есть ваш прогноз?

— Да, это мой прогноз.

Беседовала Наталья Старичкова, ИА «Росбалт»

МИРОВЫЕ ЭЛИТЫ В СВЕТЕ ИРАКСКОГО КРИЗИСА

В 1991-м — всего 12 лет назад! — все были согласны громить баасистский режим Ирака, не считаясь с жертвами среди ни в чем не повинного гражданского населения. И НАТО, и арабы, и Горбачев поддержали милитаристский задор Буша-старшего. Сегодня положение радикально изменилось. Ирак тот же, Саддам Хусейн тот же, однако позиция «мирового сообщества, за вычетом нескольких верных союзников, с тайной мотивацией которых еще надо разобраться, — антиамериканская. Почему же сегодняшний иракский кризис, в отличие от «вчерашнего», разрушил монолит глобального согласия истеблишментов?

Второстепенной причиной, которая лежит на поверхности, видится исчезновение СССР, с уходом которого старые традиционные противоречия, характерные для последних столетий мировой истории, вновь обрели прежнюю силу. Это прежде всего глубокий конфликт между двумя противостоящими друг другу сверхэлитами: одна — мировая, «глобалистская» сверхэлита, формировавшаяся в Великобритании, континентальной Европе и всем Старом Свете на протяжении последних 400 лет, другая — сугубо американская, которая сложилась на основе религиозных протестантских контрэлит в оппозиции к традиционализму Старого Света на протяжении примерно того же исторического периода.

Ирак — это символ, которым обозначается ключевой в духовной плане регион мира: Ближний Восток, Междуречье. На этой территории сформировалась и выросла основная духовная коллизия мировой истории — конфликт между языческим традиционализмом и радикальным антропоцентрическим модернизмом, которым является основанное на откровении пророков единобожие. Вавилон и авраамизм — эти ключевые понятия определяют сюжетный ход истории прежде всего в менталитете господствующих классов и революционных вызовах, потрясающих человечество снизу. Ни одна другая великая

цивилизация — Индия, Китай, ацтеки — не сформировала двух основополагающих понятий, которыми сейчас живет все планетарное человечество: всеобщий универсальный человек (Адам) и божественное провидение как внутренняя мотивация истории.

Поэтому судьба ближневосточного региона в духовном смысле является предельно важной для любой претендующей на мировую власть группировки, которая строит свой глобальный проект. Это не нефть и не вульгарно понятая геополитика, представляющаяся побудительными мотивами для преходящих национальных элит. Такие элиты лишь мечтают о преемственности, которая для них является поднятием планки своего политического существования. Эта преемственность для них недостижима, потому что сами эти разрозненные элиты появляются в силу обстоятельств, они эфемерны, их человеческий состав случаен, а статус — инструментален. Где сейчас сердцевины тех локальных истеблишментов, которые мы знали в различных частях мира под названием «перронистов», «насеристов», «голлистов»? Маргинализовались, перешли во второй и третий эшелоны социума, энтропировали…

Истинная элита обладает совсем другими характеристиками. Она не рвется к преемственности, поскольку по определению несменяема. Эта несменяемость есть следствие полной эмансипации от общества: элита не вырастает из недр простого смертного человечества, она стоит над ним. Элита не зависит от политических режимов, ее не возьмешь колебаниями между монархией и республикой. И, наконец, самое главное — она не зависит от форм собственности. Ни при каких обстоятельствах элита не выбрасывается за пределы принципиального контроля над ценностной системой, внутри которой существуют люди. Однако этот контроль не обязательно должен носить характер юридического владения. Он может быть чисто политическим или даже вообще осуществляться в форме «тонкого присутствия» некоего авторитета, стоящего над формальным правом!

Такая элита формировалась в западном мире с начала XVII века. Ее «кадровый состав» — аристократические фамилии, которые сознательно пошли на отказ от феодализма и принятие клерикального и буржуазно-модернистского проектов с их неизбежной космополитизацией. Центром этого формирования изначально была Англия. Именно создание Британской колониальной империи сделало этот сверхэлитный проект всемирным. Последний этап формирования мирового истеблишмента завершился после 1860-х, когда по всему миру прошла волна антифеодальных реформ, уничтоживших рабство в США, сегунат в Японии, крепостничество в России и т.д. На этом последнем этапе в состав сверхэлиты вошли некоторые азиатские и мусульманские фамилии, придавшие окончательно космополитический характер и сверхустойчивость этому беспрецедентному проекту.

Истеблишмент османской Турции также пытался стать частью этой пирамиды. Именно в связи с этим в 40—70-е годы XIX в. был предпринят ряд капитальных реформ, которые могли бы дать Османской империи возможность войти в глобальное пространство. Однако по тем или иным причинам (возможно, статус халифата, узурпированный османскими султанами) притязания османской элиты были отвергнуты, и в проект были включены Хашимиты, позднее возглавившие Иорданию, Ирак, а до 1925 года правившие также и в Хиджазе (Мекка). Именно поэтому османская Турция была оттеснена в союз с Германией, которая в силу протестантского наследия и бисмарковских амбиций претендовала на то, чтобы заменить собой британскую штаб-квартиру хозяев мира. Арабы же — подданные султана — перешли на сторону Антанты, поскольку им многозначительно, как новому элементу мирового истеблишмента, было обещано восстановление арабского халифата.

Господство этой элиты было бы безраздельным, если бы в 1776 году Великобритания не потеряла свои американские колонии. Туда от преследований в начале XVII века спаслись суровые пуритане — религиозные радикалы, противостоящие клерикальному традиционализму, по сути, языческого типа. Пафос независимых протестантских общин был родствен пророческому духу авраамизма и носил антитрадиционалистский контрэлитный характер. После победы над английскими колонизаторами Америка оставалась геополитически неуязвимой, вплоть до расцвета индустриальной эры, что позволило сформироваться на ее территории совершенно автономной сверхэлитной группировке с глобальными притязаниями и совершенно другим алгоритмом понимания человеческой истории.

Война 1914—1917 гг. впервые позволила американской «контрэлите» вмешаться в процессы, идущие в Старом Свете. Это вмешательство было бы недолговечным и, возможно, чреватым уже тогда крахом американской цивилизации, если бы не революция в России. В уникальном событии, которое произошло на одной шестой части суши, беспрецедентным образом была уничтожена критическая масса суперэлиты — Романовы и их ближайшее аристократическое окружение, связанное с домами Европы. Это создало принципиально новый расклад сил. Возник естественный тандем интересов. Антиантантовская направленность советского правительства координировалась со стремлением контролировать Европу со стороны США. Америка многое сделала для того, чтобы на ранних порах раскрутить маховик советской индустриализации, превратить Москву в реальный противовес Великобритании, Франции и Японии. Только благодаря этому сами США осуществили цивилизационный прорыв к своему нынешнему положению сверхдержавы.

Нынешняя ситуация в мире определяется участием тех или иных стран в прямом противоборстве между сверхэлитами Старого Света и США, по отношению к которому видимые части политических айсбергов в различных странах играют скорее роль маскировки. Так, для всех привычно, что Великобритания есть ближайший союзник США. Даже в Палате общин Блэра обвиняли в раболепии перед Вашингтоном. Однако глубокий анализ стратегии правящих кругов Великобритании показывает, что они делают ставку на такие проекты и на такие силы, будущее которых предполагает уход США с политической сцены мира. Это оппозиции со всего мира, находящие приют в Лондоне, это ТНК, стремящиеся избежать финансового контроля американской администрации, это политические и криминальные мафии, осуществляющие закулисное противоборство с деятельностью американских спецслужб и решающих проблемы в интересах Лондона. Великобритания поддерживает самые авантюрные поползновения Вашингтона, рассчитывая добиться демонтажа этой сверхдержавы и опираясь на внутренних союзников, противостоящих в США собственной сверхэлите — демократов, выросших из поражения феодально-рабовладельческих сил в уже далекой Гражданской войне 1861—1865 гг.

Возвращаясь к иракскому кризису, мы снова находим в меньшей степени аналог того взаимодействия-противостояния между Вашингтоном и Багдадом, которое было раньше между Вашингтоном и Москвой. Так же как и прежде, США стремятся мобилизовать мир под своим руководством под предлогом холодной войны, так же как и прежде, пытаются перевести реалии власти в категории морально-религиозного дискурса. Наконец, согласно прежней модели, США хотят закрепить свое бесспорное лидерство четкой и однозначной победой над фиксированным средоточием мирового зла. Трудно отделаться от мысли, что Саддам Хусейн не менее участвует в американском проекте, чем в свое время советская бюрократия. Ведь антихашимитская сущность баасисткого режима изначально

направлена против мировой сверхэлиты традиционалистского типа, с которой прочно связана роль Лондона и аристократических домов всего Старого Света.

Гейдар Джемаль. Мировые элиты в свете иракского кризиса // Смысл. № 4.

ЕСТЬ ЛИ ИСТИНА В ЧУЖОЙ ВИНЕ

— *После 11 сентября говорится слишком много о зловещем лице ислама, который как-то незаметно совместился с образом терроризма. В то же время говорят и о каком-то истинном духовном исламе, который ничего общего не имеет ни с какими талибами. Мы, немусульмане, уже ничего не понимаем. Поясните для наших читателей азы. Кто объявляет джихад?*

— Джихад объявляет Пророк Аллаха, в его отсутствие — наместник пророка — халиф, если нет халифа — Верховная шура (Совет) всей исламской уммы. Сейчас такого совета нет, поэтому джихад может объявить руководство той части исламского мира, против которой совершена конкретная агрессия. Все остальные мусульмане обязаны поддержать братьев, подвергшихся агрессии, поскольку политическое единство общины является религиозной обязанностью всех мусульман.

— *Талибы — это часть уммы?*

— Безусловно.

— *С исламской точки зрения, виновны ли они в укрывательстве бен Ладена?*

— Шариат (исламское право) требует предоставления исчерпывающих доказательств вины, для того чтобы можно было ставить вопрос о преследовании по суду. В любом случае мусульманин подлежит только шариатскому суду.

— *СМИ говорят о том, что доказательства были представлены Пакистану и Талибану…*

— Мы знаем, что так называемые “доказательства” келейно обсуждались высшими международными чиновниками — руководителями западных держав. Международное общественное мнение не было допущено к этой информации, международная экспертная комиссия не была сформирована. Вместе с тем на основании этих якобы доказательств принимаются решения, затрагивающие судьбы всего человечества.

— *Почему же в исламском мире только правительства Ирана и Ирака открыто выступили против акции США?*

— Поведение правительств мусульманских стран — это отдельная тема. В силу исторических обстоятельств в большинстве государств — членов ОИК (Организация Исламская конференция) — у власти стоят прозападные колониальные элиты, находящиеся в глубоком расколе с собственными народами, с исламской уммой в целом. Однако народы не молчат!

— *Где же голос 20-миллионной российской части мировой уммы?*

— В России мусульмане отрезаны от СМИ, которые, за небольшим исключением, контролируются людьми либерально-прозападной ориентации. В любом случае, не то что мусульманину, приговоренному в России быть гражданином второго сорта, но любому человеку трудно бороться против сервильности отечественных медиа. Здесь даже не упоминают о массовом антивоенном движении в США и Европе, избегают цитировать альтернативные точки зрения, исходящие, кстати, от весьма авторитетных людей на Западе. Такое впечатление, что российская журналистика хочет быть святее папы Римского в своей приверженности “цивилизованному сообществу”.

— Что же узбеки, таджики, вербующиеся воевать против братьев, Северный альянс, наконец, люди генерала Дустума — все они прозападные предатели исламского дела?

— Внутри любой цивилизации есть аутсайдеры, маргиналы и конформисты, стремящиеся принять сторону, как им кажется, сильнейшего. Люди генерала Дустума — это спецназ Ислама Каримова. Северному альянсу еще предстоит разбежаться. Его пуштунская составляющая непременно перейдет на сторону талибов. По свидетельству очевидцев, после первых американских бомб даже те афганцы, которые однозначно были за Север, оказались в тяжелом шоке. Удары чужой военщины по собственной родине важнее партийных разногласий.

— СМИ сообщают, что талибы переходят к СА, что талибы расстреливали беженцев, покидающих города…

— Какие СМИ?

— Наши, со ссылками на мировые агентства.

— Среди талибов нет ни российских, ни западных корреспондентов. Информацию Северного альянса с таким же успехом можно сочинять, сидя в Лендли. Первой жертвой войны, как известно, всегда бывает правда.

— Почему же молчат исламские агентства?

— Кто сказал, что они молчат? Их замалчивают — это другой вопрос. Вы знаете, что широкой публике, в том числе, что удивительно, российской, до сих пор неизвестны засекреченные американцами подробности “Бури в пустыне”. А ведь там республиканская гвардия во встречных боях нанесла тяжелое поражение морской пехоте США, била хваленые “абрамсы”, но старший Буш просил Горбачева закрыть эту информацию. То же происходит и сегодня.

— Есть ли угроза того, что в нынешних условиях мусульмане начнут свергать своих правителей, по вашему мнению продавшихся Западу?

— Сама постановка вопроса говорит о том, что эти правители продались Западу не только “по моему мнению”, но и по убеждению мусульман, которые обязательно будут их свергать. Сегодня практически повсюду в исламском мире политические режимы не легитимны, не соответствуют социально-правовым установлениям исламской цивилизации, пришли к власти в итоге различных превратностей послевоенной деколонизации. Все они способствуют сохранению контроля мировой системы над территорией общей исламской родины. Сегодня начинается кризис этого положения дел, в ходе которого расстановка сил изменится, и верх возьмет народное самоуправление, соответствующее демократическому духу изначального ислама.

— То есть вот эти люди, беднейшие в мире, живущие на 10 долларов в месяц, если повезет, будут, по вашему, воевать с властями? И побеждать?

— Весь политический ислам стоит на заповеди Корана — те, кто ослаблены на Земле, будут укреплены и станут лидерами.

— Как в Евангелии — последние будут первыми там, в раю. А вы говорите о политической борьбе здесь?

— Прежде чем настанет рай, должна восторжествовать земная справедливость. Это основа основ ислама.

— В это верят полтора миллиарда людей?

— Разумеется. Если они мусульмане, они разделяют общемусульманскую доктрину.

— Где же были ваши мусульмане, когда победили большевики с их Интернационалом справедливости?

— Мусульмане поддержали большевиков в семнадцатом году и повели против них вооруженную борьбу, когда большевики отступили от собственных идеалов и начали строить новую эксплуататорскую империю.

— Оставим… Западный человек смотрит на Восток и видит чадру, грязь, нищету, болезни, нищих, ущемление прав женщин, жестокие казни по страшному шариату и так далее… Там не дорожат жизнью и не ценят жизненные блага…

— Мусульманин смотрит на Запад и видит — порнографию, педофилию, пьянство, финансовые спекуляции, безудержный эгоцентризм и потребительскую мораль, двойные стандарты в этике, презрение к духовным ценностям, феминистическое издевательство над семьей и правом на жизнь, затравленность отцов семейств, психически искалеченных разводами детей… Хватит?

Кеворкова Н. Есть ли истина в чужой вине? // Новая газета. 2001. 12—14 ноября. [Полный вариант интервью]

МУСУЛЬМАНЕ ЗАЩИЩАЮТСЯ

“Удар по США был результатом сговора международной олигархии с фашиствующими элементами внутри американской администрации и силовых ведомств”

Мы предлагаем читателям точку зрения председателя Исламского комитета России Гейдара Джемаля на причины и последствия террористического акта в США. Редакция “НГ” сочла возможным опубликовать точку зрения Джемаля, поскольку она принадлежит не только ему одному. У подобных идей есть последователи.

— ГЕЙДАР ДЖАХИДОВИЧ, согласны ли вы с утверждением, что за террористическими актами в США стоят исламские экстремистские организации?

— Пока мы слышали только голословные утверждения американской стороны на этот счет. Вероятность же этого равна нулю. И талибы, и в еще большей степени бен Ладен являются креатурами ЦРУ. Ресурсы, которыми они располагают, происходят из спецфондов американской разведки. Человек, сидя в горах, пользуется спутниковой связью, контролируемой США, перемещает суммы по электронным каналам мировой банковской сети, которая вся просматривается спецслужбами. Или мы должны вообразить, что он, как Али-Баба, сидит на сундуке с золотом с лампой Аладдина в руке? Оперативное пространство все просвечено, любая нестандартная активность политиков как легитимного, так и нелегитимного типа (агентов, посредников разного рода) тут же фиксируется и расследуется. Усаму бен Ладена готовили, как голливудскую кинозвезду на роль драматического злодея по сценарию Йана Флеминга: злой миллиардер доктор Ноу начинает войну против всего мира просто потому, что он такой гад. В реальном мире такие сюжеты, устраивающие обывателя, не действуют.

— То есть мусульмане вообще не имеют никакого отношения к происшедшему?

— В последние годы шло систематическое улучшение отношений между США и исламским миром. США упорно отказывались признать талибов террористической организацией, поддерживали палестинцев. Не секрет также, что все политические структуры, существующие в исламском мире, более или менее зависят от финансовой поддержки Саудовской Аравии. Невозможно вообразить, чтобы панарабский истеблишмент, являющийся в целом прозападным, решил в одночасье покончить самоубийством. Причем вопреки благоприятной для себя политической конъюнктуре. Что же касается каких-нибудь маргинальных групп, которым на этот истеблишмент наплевать, то у них нет возможности взорвать Манхэттен. Поэтому исключено, чтобы мусульманские организации играли какую бы то ни было роль в событиях 11 сентября.

— Реально ли понятие “международный терроризм” или, по-вашему, он также является чем-то выдуманным?

— Организации, входящие в стандартный перечень “террористических”, появились в годы “холодной войны”, и создали их либо КГБ против Запада, либо ЦРУ против СССР. С концом “холодной войны” эти организации не стали бесхозными. Спецслужбы никогда не теряют связи со своей агентурой. Другой вопрос: как ее использовать? США, стремясь реализовать монополярную эгоистическую версию глобализма, предложили всем остальным “цивилизованным” странам использовать контролируемые сообществом спецслужб террористические структуры в роли “врага всего человечества”. Последствия этого очевидны. Это ведет не столько к объединению вокруг США, сколько к стремительному ухудшению глобальной ситуации. Странам Ближнего Востока практически приказано отказаться от собственного суверенитета. Европу превращают в ресурс для нового крестового похода. Россию вынуждают также сделать выбор, последствия которого способны нанести ущерб ее государственным интересам.

— Что это за выбор?

— США требуют от России присоединиться к западному блоку, начинающему войну против исламского мира.

— Но ведь, по мнению многих, это означает, что Россия встанет на сторону “цивилизованной части человечества”...

— “Цивилизованная часть человечества” — демагогический штамп, за которым не стоит ничего, кроме возможности бомбить безнаказанно кого угодно. Тезис германских фашистов “сила создает право” становится сегодня слоганом американской администрации. В атмосфере всемирного стресса российскому руководству навязывается капитуляция перед американской военной машиной. Россия будто бы должна предоставить свои базы для использования США, заставить центральноазиатские страны СНГ участвовать в крестовом походе против талибов. Если центральная власть пойдет на присутствие армии США на российской территории, на нарушение суверенитета Российской Федерации, то перед региональными субъектами нашей страны откроется возможность прямых контактов с абсолютным хозяином мира — Вашингтоном. Это будет означать гибель страны. В этой ситуации меня изумляет, что нигде не видно и не слышно КПРФ. Кому нужна такая конструктивная оппозиция, которую днем с огнем не сыщешь в критический для России момент?

— Но даже некоторые исламские страны готовы предоставить свои территории для проведения американской карательной операции...

— Эти некоторые исламские страны уже фактически оккупированы.

— Но ведь даже обычно антиамериканский Иран выразил свое согласие.

— Не думаю, что это нечто большее, чем дипломатический ход. Если же Иран и впрямь пойдет на сотрудничество, то это будет предательство интересов исламского мира. Какие бы разногласия ни были у Ирана с талибами в региональном формате, это не может быть базой для решения блокироваться с США. Кроме того, это явилось бы подрывом стратегических интересов России, которая является стратегическим союзником Ирана и его гарантом против внешней агрессии. Но я надеюсь, что иранское руководство понимает серьезность брошенного ему вызова.

— Последнее время почти все российские СМИ демонстрировали безудержную заботу о так называемом Северном альянсе. Талибы считаются в России опасными врагами. Оправдана ли такая позиция в свете российских интересов на международной арене?

— Сегодня трезвым аналитикам ясно, что талибы — сила, которая может быть использована в критический момент в интересах России. Не забудем, что весь сыр-бор с Афганистаном был заварен больше 20 лет назад из-за угрозы американского вторжения в эту страну. Теперь эта угроза налицо. Кстати, не сомневаюсь, что Северный альянс в таких обстоятельствах сделает патриотический выбор, предпочтя племенным разногласиям спасение страны.

— Как бы вы определили взаимоотношения российской власти и исламского мира?

— С начала 90-х годов лидеры политического ислама — и я в их числе — старались объяснить руководству России, что рано или поздно американский стратегический курс приведет к конфликту интересов США и РФ. России необходимо было опереться на поддержку антиимпериалистического ядра мирового исламского движения. Мусульманские низы всегда нуждались в могучем СССР как гаранте против империалистической тирании, в том числе против собственных прозападных правителей. Однако козыревская предательская политика завела прежнее руководство РФ в ловушку. Одним из следствий этого явилась война в Чечне, подготовленная западными спецслужбами. Сегодня эта война — рычаг давления Запада на Москву. Ее продолжение

лишает Россию свободы стратегического маневра, поэтому политическое решение чеченского кризиса после 11 сентября становится насущно необходимым.

— *Так все-таки откуда пришел удар, поразивший США? Кто заказчик и кто исполнитель?*

— Кто исполнитель — не важно. Важно, кому это выгодно. Он и есть заказчик. В краткосрочной перспективе случившееся выгодно правоконсервативному фашиствующему крылу республиканцев, давно стремившемуся превратить Америку в полицейское государство. Однако если США выберут этот путь, сработает долгосрочная перспектива — мировая власть перейдет к союзу ТНК (транснациональных корпораций. — *М.Ш.*), международной бюрократии и мафии. Союзу, который действует уже сегодня. Это станет концом всякой демократии в мире, вплоть до свертывания даже формальных демократических процедур.

— *Что же это за зловещие структуры — транснациональные корпорации и международная бюрократия? Не преувеличиваете ли вы их силу? Способны ли они бросить вызов такой мощной державе, как США? И зачем им это надо?*

— Любая ТНК на порядок мощнее среднего государства третьего мира. Она располагает гигантским финансовым оборотом, уводимым от налогообложения за счет независимости от определенных национальных экономик, эксплуатирует лучших специалистов на местах, в том числе и в вопросах безопасности, инкорпорирует местные мафиозные структуры. Попытка гуманитарных поборников противостоять им в разных регионах мира (скажем, для защиты экологии) кончается стремительной расправой. ТНК рвутся к статусу мирового правительства, но им не хватает административного ресурса, контроля над силовыми структурами. Тут им на помощь приходит международная бюрократия — порождение послевоенной эры. Мир облеплен фондами, комитетами, комиссиями, курирующими глобальные проекты, на которые принуждают выделять средства из бюджетов разных государств. Возникает новая наднациональная форма коррупции. До определенной степени помехой этому была администрация США, которая указывала ТНК, на какие рынки им выходить, преследовала за неуплату налогов, за отмывку гигантских сумм “грязных денег” и тому подобное. Соперничество между однополярным американским глобализмом и транснациональным олигархическим глобализмом очевидно. Рано или поздно обнаружится, что удар по Нью-Йорку и Вашингтону был результатом сговора этих олигархических кругов с фашиствующими элементами внутри американской администрации и силовых ведомств. Без их поддержки техническая реализация этой террористической операции была бы невозможна.

Максим Шевченко. Мусульмане защищаются // Независимая газета. 20.09.2001.

СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА — ИНСТРУМЕНТ МИРОВОЙ ПСИХОПОЛИТИКИ

Опубликовано в Журнале «Смысл» № 13 2003 г.

После знаменитого уничтожения башен-близнецов на Манхэттене вновь во весь рост встал вопрос о роли секретных служб — ликвидированных и действующих — в современном мире. 11 сентября превратилось в знаковое событие-порог, за которым открылось новое политическое пространство. Ход истории начал координироваться с помощью беспрецедентного до недавнего времени вида терактов. Если раньше группа

Баадер-Майнхоф, «Красные бригады», японская «Красная гвардия» охотились на магистратов, крупных полицейских, известных политиков (как в конце XIX — начале XX вв. действовали их предшественники — русские эсеры), то теперь наступает эпоха терактов-катастроф. Это не обязательно должны быть разрушения небоскребов и плотин, отключения национальной энергосистемы и т.п. Достаточно взорвать грузовик на оживленной площади — и вы получаете теракт современного образца, направленный прежде всего против обычного населения. Последние два года мы повсеместно становимся свидетелями терактов именно этого типа. Экстремисты больше не охотятся на власть. Их почему-то стали интересовать только случайные прохожие. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в работе секретных служб с мировым политическим пространством начал реализовываться качественно новый этап, основанный на методиках глубокой дестабилизации, шантажа и запугивания как общественного мнения, так чиновничества и публичного политического класса — тех сил, которые не посвящены в кулуарную подоплеку руководства всемирной историей. Можно сколько угодно иронизировать по поводу «теории заговоров», издеваться над конспирологами, но заговор секретных служб существует. Более того, он выражается в форме рабочего взаимодействия этих служб между собой, что является необходимым условием их повседневной работы.

Секретная служба как институт сбора и анализа международной информации, связанной с интересами власти и бизнеса, возникла в Европе в тринадцатом столетии. Первоначально она выражалась во взаимодействии рассеянных по европейским государствам ростовщических контор, чьи хозяева были часто связаны родственными узами и обменивались между собой сведениями, касающимися конъюнктуры рынка и более специальной информацией, относящейся к правящим элитам. На эту международную сеть ростовщиков, изначально тесно сотрудничающую с властями, вечно нуждающимися в кредитах, стали позднее опираться и правители, которым нужно было получить какие-то данные о других государствах через неформальные каналы.

Ростовщическая система, ставшая одновременно и первой международной резидентурой, обслуживала прежде всего свои собственные интересы — интересы финансово-спекулятивного капитала. «Ломбардцы» — спекулянты-закладчики — получили возможность влиять на принятие политических решений не только прямыми денежными ссудами магнатам, но и поставкой им соответствующим образом препарированных сведений. Секретные службы Европы, выросшие на основе этой торгашеской резидентуры, оказывали влияние на ход политической истории, в частности действуя против абсолютистских монархических режимов в целях создания благоприятного климата для финансовых спекуляций. В результате эти «агентства» оказались участниками всех великих потрясений европейской истории. В принципе, эта практика продолжается и до нашего времени. Охранка царской России сыграла хорошо известную роль в подготовке революционной ситуации, которая повлекла падение династии Романовых. КГБ организовал развал социалистического блока, «бархатные революции» в странах народной демократии и, наконец, переход власти к демократам в самой Москве. “Интелидженс сервис” — старейшая официальная разведка Запада — приготовила развал колониальной Британской империи (стоит упомянуть только Индийский национальный конгресс, созданный британскими разведчиками, чтобы играть роль главной политической силы в будущей независимой Индии). Для полноты картины добавим, что абвер был одним из инструментов военно-политического краха Третьего рейха.

Удивительный парадокс: вроде бы секретные службы существуют для того, чтобы защищать, а на практике получается, что они содействуют разрушению. Вопрос в том, кого защищают эти структуры? Организуя потрясения и перевороты, разведсообщество

приняло участие в формировании на основе постфеодальной Европы новой суперэлиты, в которой старые аристократические дома интегрировались в единый корпус с потомственной финансовой знатью. Мир сегодня управляется из-за фасада так называемых «демократических институтов» и открытых политических организаций элитарными кланами, основанными на традиции и преемственности (хотя для их формирования необходимо было пролить много крови и избавиться от целого ряда архаичных «предрассудков»). Секретные службы лояльны только по отношению к этим кланам, будучи внутренне свободными от обязательств перед государствами и народами. В этом отношении секретная служба есть прямая противоположность армии, традиционной воинской касте с ее принципом жертвенного служения Родине в частности и порядку в принципе. Мужское воинское начало является традиционно прозрачным по своим целям, ясным в своих моральных установках и религиозным в своих истоках. В противоположность этим принципам секретная служба — это инструмент сокрытия, интриги и провокации. Преемственность кланов, обеспечение их физической неприкосновенности, гарантия их материальных интересов в будущих поколениях — все эти задачи могут быть решены только через дестабилизацию открытого общественного пространства, кризисы правовых институтов, а иногда и через слом государственной машины. Ведь статус элит сегодня таков, что ни передел собственности, ни изменение политического пространства не может нанести ущерб уникальной позиции тех, кто «стоит над историей». В этом смысле интересы элит и проблемы, стоящие перед обычным человечеством, не имеют между собой ничего общего.

В наши дни оперативное пространство, в котором действуют секретные службы, чрезвычайно усложнилось по сравнению с первой половиной XX столетия. Транснациональные корпорации, местные мафии, политические партии зачастую возникают в результате решения оперативных задач теми или иными службами и действуют в дальнейшем как их подразделения, являясь, по сути, автономными оперативными структурами. Централизованный контроль внутри секретных служб крайне затруднен в силу самой специфики их работы — закрытости отделов по отношению друг к другу и ряду других причин. В силу этого интриги и «постановки», инициируемые на различных уровнях, порождают собственные причинно-следственные цепи событий, результаты которых могут быть весьма неожиданными даже для тех, кто их программировал.

Глобализация, которая сегодня охватила и спецслужбы, ведет к неуклонному снижению профессионального качества сотрудников. На падение кадрового уровня жалуются не только ветераны российских секретных структур, но и — удивительно! — британские разведчики. Одним из мощнейших средств компенсации профессиональной некомпетентности становится силовое управление миром через шоковую терапию, публичные катастрофы и моделирование информационных клише, по которым формируется общественное мнение.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И РОССИЯ — ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Термин «исламская угроза» стал привычен и скучен. Беспощадные янычары, башибузуки, угонщики самолетов и стражи исламской революции потерялись где-то в давней и недавней истории. «Хезболлах» и «Исламский джихад» расцениваются как зловредные, но все же очень локальные очаги, а «Аль-Каида», напротив, — как глобальная, но

полумифическая сеть. Но насилие отнюдь не является единственным измерением исламской политики. О сути политического ислама и его этнической составляющей размышляет Гейдар Джемаль.

— Политический ислам обычно воспринимают как сетевую структуру. Как соотносятся сетевая и государственная идентичности?

— Ислам — это четко выстроенная система идентичности, в которой имеется несколько уровней. Первый — принадлежность к умме (общине) Авраама, в которую, конечно же, включаются и ахль аль-Китаб — люди Писания. Эта идентичность противопоставляет единобожников языческому миру и характеризуется исповеданием веры в пророков, вышедших из лона Авраамова, происходящих от Исаака и Исмаила.

Второй уровень — это собственно ислам. Хотя следует оговориться, что мусульмане принципиально считают исламом всю религию единобожия, данную пророками. С точки зрения мусульман, религии Моисея и Иисуса — это тоже ислам. Но есть и религия пророка Мухаммада (мир Ему), в которой выделено то, что составляет суть исламской идентичности.

Итак, фундаментальная характеристика идентичности в исламе — это *иман,* вера, как состояние сознания; это то, во что мусульманин должен верить — в Аллаха, Его ангелов, в пророков и их писания, в Судный день и воскресение из мертвых; а также то, что должен *делать* мусульманин — соблюдать пять столпов ислама: молитву, пост, хадж, закят и, в первую очередь, — само исповедание веры. Эти фундаментальные требования не являются благопожелательными, человек не может сказать: я мусульманин, но ни во что не верю и ничего не делаю.

Такова принципиальная часть, но есть и практическая. Люди — создания, сделанные из праха, не могут жить на уровне постоянного горения. Они не являются активными носителями *Имана*. Как пылинки, пляшущие в свете луча, они вовлечены в этот луч, но они не формируют фотоны, благодаря которым он существует.

Человек, погруженный в быт, может не помнить ежеминутно о том, что он — мусульманин, но перечисленные мной принципы живут глубоко в его сердце в виде как бы свернутого заархивированного файла. И если он слышит, как оскорбляют ислам, у него возникает чувство протеста. И тогда он ощущает себя мусульманином. Он задается вопросом: а кто такой мусульманин? — и заархивированный файл начинает разворачиваться…

Существует мнение, что этнические мусульмане — это неверный термин, ибо мусульманином следует считать только человека, практикующего ислам. На это утверждение у людей, посвященных в данную тему, существует отповедь со ссылкой на Коран: когда Моисей решил вывести евреев из Египта, фараон сказал ему: «Многие из них приняли нашу веру, зачем тебе их трогать? Оставь их и выведи только тех, кто следует за твоими словами». Но Моисей ответил: «Нет, я выведу всех своих». Он вывел всех евреев, а дальше, когда они стали обращаться к золотому тельцу, он вручил оставшимся верными мечи, и они перебили *отпавших*.

То есть если кого-то коснулся луч пророческой традиции, противостоящей натуральному человеку и натуральной традиции, то этот человек вписан в этот луч и не может из него выйти, он может быть только наказан за отступничество.

С точки зрения ислама человек является рабом Божьим. И это — не фигуральное выражение. Он в буквальном смысле является инструментом воли Господней. А это значит, что вера и принадлежность к исламу безмерно важнее человеческой жизни и всех ее ценностей. Коран говорит: «Ваше имущество и ваши дети — это только растопка для огня». Каждый мусульманин является носителем идентичности, базирующейся на структуре, которая не может быть предметом дискуссий, ибо она связана с манифестацией Откровения.

— Что дает соединение двух идентичностей — политической и религиозной?

— Политический ислам — это ислам, прежде всего исходящий из названных предпосылок. Если чисто конфессионально очерченный ислам, есть соблюдение предписаний в надежде на милость Всевышнего и жизнь вечную, то для ислама политического это еще и осуществление провиденциальной мысли Бога о назначении человека — быть наместником Всевышнего на земле.

Политический ислам есть соединение практической деятельности, в центре которой — необходимость осуществления воли Всевышнего, с высокой теологией, наделенной бездонной творческой глубиной, и мистической загадочностью, построенной на утверждении нетождественности всего всему — то есть не на великой идентичности, а на принципе *различения*.

Это различение начинается внутри человека, в котором есть искра духа Божьего, и кончается различением Всевышнего от всего, что не есть Он. Это вектор, противостоящий динамике и пафосу натуральных религий, тому, что так любят многие философы начиная от Шеллинга и заканчивая Соловьевым, — великой всеобщности и всеединству. Идентичность ислама утверждается в противопоставлении принципу универсального, она обращена на уникальность творца. Это антипантеистическая духовная динамика.

Что же касается власти, то мусульманин признает только власть Аллаха. В его глазах любая иная власть легитимна лишь постольку, поскольку она легитимизирована принципами, изложенными в Откровении.

Кроме того, мусульмане смотрят на иудеев и христиан как на людей, которые причастны к Откровению, но должны признать превосходство мусульман, после чего могут попасть под защиту исламских законов. Это означает, что в мусульманском обществе им гарантированы неприкосновенность жизни, имущества, бизнеса, религии — то есть жизнь по законам их веры. Если человек не попадает под законы ислама — то есть его не судят шариатским судом, его должны судить церковным судом христианской общины. Это фундаментально. Но всякое иное государственное установление, из каких бы принципов оно ни исходило, — Великой французской революции, римского права или Декларации прав человека и гражданина, является куфром, то есть неверием, и, соответственно, не может быть легитимным. Человек, исповедующий ислам, не идет на компромисс в вопросах легитимности власти.

Мусульманин может исходить из того, что плетью обуха не перешибешь, и не бодаться с властью там, где господствует режим, который невозможно свергнуть, но это не означает, что он с ним солидаризируется. Если же он искренне служит такому режиму, то становится лицемером, а это — страшное обвинение для любого единобожника.

Следует понимать: ислам — это не религия упертого сектантского фанатизма, предпочитающая соблюдение буквы, даже если ради него может быть упущен дух.

Поэтому временные союзы возможны, если они целесообразны с точки зрения движения к торжеству ислама.

— В свете сказанного — следует ли властным структурам секулярных стран воспринимать миграционные потоки из исламского мира как фактор дестабилизации?

— Императивом номер один для ислама является отрицание сложившейся глобальной ситуации, мирового порядка. И в ситуации противостояния глобализму Россия и ее государственность оказываются объективным союзником мусульман.

Я говорю столь откровенно обо всех аспектах ислама, делающих его бескомпромиссным, жестким следованием спиритуальному теологическому принципу, именно для того, чтобы указать площадку, на которой возможен диалог и сотрудничество, потому что политический ислам выстраивает свои приоритеты, исходя из того что является не легитимным и принципиально неприемлемым. Сегодня это — глобальный мировой порядок с его тенденцией к антидемократизму, уничтожению человеческих свобод и прав, господством олигархического капитала, бюрократии, попиранием ментальной и психической свободы человека.

Этот порядок является важнейшим врагом ислама. Если мусульманин, не осознавая этого, попадает в ловушки противостояния и используется в качестве инструмента для подрыва структур, являющихся его союзниками в противостоянии глобальному миропорядку, то это означает, что он находится вне политики, что он — заложник некой интриги.

Я приведу пример: как правило, у татарских мусульман политика и ислам разведены — политика связана с национальным самосознанием, а ислам — с конфессиональным. Но при этом воля к власти и воля к легитимности переживается ими как аспекты некоего этносолидарного плана. И посредством артикуляции данного плана можно противопоставить татар региональной администрации или сделать их антироссийской силой, что на уровне сиюминутного сознания может выглядеть как отстаивание этносом своих прав. Но с точки зрения политического ислама это было бы тягчайшим просчетом! Ибо мусульмане должны исходить из того, что они являются частью мировой уммы, сознавать, с каким именно противником они имеют дело, и формулировать свои интересы в соответствии с этими императивами.

Таким образом, если Россия геополитически является союзником исламского мира перед лицом американского диктата, то задача мусульманина, проживающего на территории России, — укреплять потенциал этого геополитического образования.

Бескомпромиссность политического ислама — залог того, что его носитель будет союзником российской государственности. Очевидно (и это не изжито даже постсоветским периодом), что с 1917 г . Россия является необходимым фактором в политической жизни уммы как ресурс ее стабильности.

На мой взгляд, российская государственность заинтересована в развитии политического ислама, поскольку он позиционирует себя как самостоятельный субъект, как метасубъект большой истории и именно в этой роли оказывается единственным компетентным союзником России, с которым можно вести продуманный диалог.

— По мнению американского публициста-политолога Даниэла Пайпса, на Западе политический ислам пытается осуществлять контроль над миграционными

потоками из мусульманских стран, контролируя мировоззрение и политическое поведение иммигрантов. Как вы оцениваете это суждение, и каким образом российский политический ислам взаимодействует с миграционными потоками из мусульманских государств?

— Естественно, политический ислам всегда будет стремиться влиять, организовывать и направлять, это характерно для любой политической силы. Другой вопрос — как и в какую сторону.

Например, политический ислам на территории нашей страны обнаружил себя в общественно-легитимной форме в 1990-м году, в момент создания **Исламской партии возрождения (ИПВ)**, объявившей себя фактором сохранения Союза. В партии шла борьба, в ней существовали фракции, тяготевшие к различным российским политическим силам, но в целом руководство ИПВ выступало за Союз. Более того, оно выступало за сохранение общесоюзного статуса партии уже после его распада. К сожалению, сделать это не удалось, и лидеры фракций в республиках пошли за предложенной им приманкой — возможностью участвовать в политической жизни республик и даже прорваться к власти. Это ярко проявилось в Таджикистане, где представителям партии было предложено в коалиции с демократами возглавить правительство, что в итоге привело к гражданской войне, жертвам и бегству партии из республики.

Но руководство российской партии осталось на интегристских позициях. И сейчас, когда перед лицом новых вызовов возникает тенденция к консолидации евразийского пространства, взгляд мусульман на постсоветскую геополитику и на способность уммы играть позитивную роль в регенерации этого пространства, представляет интерес для тех, кто хотел бы содействовать сплочению Евразии.

К сожалению, мусульмане могут оказаться за бортом новых комбинаций и новых союзов. Это обрекло бы диаспоры, существующие на территории России, на нелегитимность и противопоставило бы их основному населению.

Одним из мощных средств стабилизации миграционных процессов в постсоветском пространстве является расширение перспектив восстановления союза с республиками СНГ. А самым плачевным я считаю подход, при котором в случае восстановления союза России, Белоруссии, Армении и Казахстана Соединенным Штатам будет предоставлена возможность делать на территории Средней Азии все, что угодно. Такой раздел постсоветского пространства привел бы к дестабилизации.

Борьба против американского присутствия идет уже сегодня. И она будет расширяться. Возможно, единственное, что сдерживает ее — надежда на то, что Москва системно и институционализированно начнет вытеснять американцев из постсоветского пространства напоминанием о сроках и условиях, на которых они были туда допущены. Если же мусульмане поймут, что Москва отказалась от участия в жизни мусульманской части СНГ, на территории Средней Азии, а возможно, и за ее пределами может начаться широкомасштабная партизанская война.

— Одна из первоначальных задач мультикультурализма заключалась в интеграции выходцев из азиатских стран. Как представители ислама относятся к политике интеграции людей, близких им по взглядам?

— Где начинается интеграция и где она кончается? **Али Шириати**, один из признанных идеологов исламской революции в Иране, большую часть жизни прожил во Франции,

преподавал в Сорбонне, был другом **Жана-Поля Сартра**. Тем не менее, он стал одним из мощных факторов революционизации иранской молодежи. Это мультикультурализм? Лично я посвятил много времени изучению немецкой классической философии, не будучи чуждым и русской литературе. Это мультикультурализм? И как это сказывается на том, что я являюсь идеологом политического ислама?

Если это — мультикультурализм, то он только укрепляет политический ислам и делает его более привлекательным для внеисламским кругов. Благодаря ему изрядная часть европейской интеллектуальной элиты сегодня приемлет ислам. Причем именно как духовный ответ на маргинализацию по отношению к катку глобализма. Люди, обладающие значительным интеллектуальным ресурсом, чувствуют, что по ним прокатывается бульдозер современной истории, давящий то, что было наработано за последние столетия в плане свободного человеческого самоощущения. И они обращаются к исламу, напрямую связывающему человека с силой, противостоящей второму началу термодинамики.

Космос давит на тебя, но есть Всевышний, делающий тебя центром космоса. При условии, что ты проявляешь политическую и духовную волю, являясь носителем Имана.

ВЫВОДЫ:

1. Человек, погруженный в быт, может не помнить ежеминутно о том, что он — мусульманин. Но если он слышит, как оскорбляют ислам, у него возникает чувство протеста.

2. Императивом номер один для ислама является отрицание сложившейся глобальной ситуации, мирового порядка.

3. Политический ислам, позиционирующий себя как метасубъект большой истории, именно в этой роли оказывается единственным компетентным союзником России, с которым возможен продуманный диалог.

Опубликовано в журнале Со-Общение № 3. Март 2003

“НАИБОЛЕЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВБИВАНИЕ КЛИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИСЛАМСКИМ МИРОМ”

Интервью Гейдара Джемаля интернет-изданию Портал-Credo.ru. 25.10.2002

— **Как вы считаете, можно ли чем-нибудь оправдать террористическую акцию в Москве 23—26 октября?**

— Было бы ошибочным называть эту акцию террористической, потому что неправильное употребление термина ведет к неправильному пониманию картины и, соответственно, ошибочным шагам. В данном случае следует вести речь о военной акции сражающейся стороны, которую надо квалифицировать как глубокий рейд на территорию противника. Такого рода рейды являются профессиональными функциями роты дальней разведки спецназа ГРУ, а также разведывательных управлений армий России и других стран — это

чисто военная акция. Терроризмом называются действия, осуществляемые не сражающейся, а политической стороной в мирное время для достижения не военных, а политических целей.

— **А вы тут видите не политические цели, а военные — можно ли тут отделить одни от других?**

— Я вижу здесь две цели. Одна цель — военная, которую преследует непосредственно чеченская сторона, стоящая за группой коммандос. А другая цель — политическая, которая преследуется теми, кто помогал осуществить эту идею, кто согласовывал ее, кто также стоит за этой акцией — а это уже не чеченская сторона, и она преследует не те цели, которые декларируют чеченцы.

— **А что это за сторона, что вы имеете в виду?**

— Я говорю о той стороне, который не входит в круг, объединяемый понятием "противоборствующая чеченская сторона". Помимо этого есть еще другая компонента.

— **А что это за компонента?**

— Это та компонента, которая ставит перед собой цель нанести удар по режиму президента Путина, добиться падения этого режима и свержения президента.

— **То есть вы разделяете версию о том, что к этому имеет отношение Березовский?**

— То, что он имеет к этому отношение, — это, во-первых, очевидно, потому что фактически он об этом сказал, но не прямо, а косвенно. В том комментарии, который он дал в ночь после совершения этого события на "Эхо Москвы", где он обозначил рамки задач, которые соответствуют его политическому проектированию: по его словам, благодаря взрывам президент Путин пришел к власти, а благодаря нынешней акции он может уйти. За этим содержалось не высказанное, но прочитываемое утверждение: во время взрывов Березовский был заместителем секретаря Совета безопасности, фигурой имеющей отношение к спецслужбам, к организации безопасности страны и он неоднократно заявлял, что располагает информацией о том, что это осуществлено со стороны России.

— **Вы думаете, он принимал участие в организации взрывов или это без его согласия?**

— Это не могло быть без его согласия и участия, он был одним из элементов системы. Он прямо говорит две разных вещи: 1. Я привел президента Путина к власти; 2. Взрывы были осуществлены для того, чтобы привести к власти президента Путина. Если поставить между этими высказываниями стрелку, то получается: "Я организовывал эти взрывы для того, чтобы привести к власти президента Путина". И теперь, если человек говорит о том, что существует некая симметрия: через что был приведен президент к власти, через то он и уйдет, то возможно логическое допущение, что Березовский организовал и то и другое. Это допущение напрашивается хотя бы потому, что 17 мая этого года в Турции должен был пройти 4 съезд чеченской диаспоры, на котором должен был присутствовать организатор этого съезда Борис Абрамович Березовский. Власти не дали разрешение на проведение съезда. Тем не менее я думаю, что этот съезд и не должен был состояться, а был отвлекающим маневром, и уже тогда было принято решение о содействии этой акции. Чеченцы, которые в ней участвовали, были искренними. Но у тех сил, которые

взаимодействовали с чеченскими организациями, были совершенно другие цели и задачи, которые не имеют ничего общего с прекращением войны, так как падение режима Путина не означает прекращения войны. Цель этой акции — компрометация режима, который был построен на том, что на памяти людей жестко дал обязательства покончить с “чеченским терроризмом”, а сегодня власть выставлена в смешном свете. И обратите внимание на то, какие комментарии присутствуют в тех изданиях, которые имеют отношение к Березовскому. Например, “АПН.ру”, комментарии которого носят двойной оттенок: с одной стороны, издевательство над властью, которая ничтожна и, скорее всего обречена, и, с другой стороны, — подстрекательство Путина к резким действиям и немедленному удару по ДК, к штурму. Совершенно очевидно, что штурм с гибелью всех лиц, там находящихся, станет незаживляемой раной в памяти людей и огромным пятном на имидже Путина. Такие советы давал, в частности, Коротченко, который на АПН представлен военным экспертом “Независимой газеты”.

— **Коротченко все-таки работал в “НГ” еще при Третьякове, а Третьяков по многим вопросам расходился с Березовским…**

— Но он же не ушел к Третьякову, а остался в “Независимой газете” Березовского.

— **Возможно, хотя к Третьякову нельзя уйти, потому что просто некуда.**

— Да, совершенно верно, но я могу вам назвать по крайней мере одного человека, который работал там и который ушел, — редактор “НГ-религий” Максим Шевченко. Моя точка зрения такова: опальный олигарх выполняет посредническую роль между тем, кто хочет падения режима Путина внутри России, и тем, кто хочет падения режима за пределами России, и захват заложников в Москве — одна из попыток добиться падения режима Путина.

— **А вы как на это смотрите, было бы вам жаль режим Путина, если бы он пал после этого?**

— Мы должны понять, что, каким бы он ни был, если этот режим рухнет, то ему на смену придет старокремлевская команда. А эта команда будет вести совершено проамериканскую политику, которая, естественно, должна быть антиисламской.

— **Разве сейчас, оглянувшись на события последнего года, вы можете назвать политику Путина не проамериканской или антиамериканской? Разве политика Путина не выгодна США?**

— Путин не является проамериканским политиком целиком и полностью, поскольку он идет по течению, это оппортунист, который принимает конформистские решения, но который понимает, что полная сдача позиций не приведет ни к чему хорошему.

— **А если придут к власти в России “враги” в вашем понимании, то по сравнению с сегодняшними оппортунистами хотя бы наступит какая-то ясность, будет понятно, где враг США, а где друг?**

— Я хочу напомнить, что разрушение СССР стало своеобразной “атомной бомбой” для народов Евразии, когда погибли сотни тысяч людей. А сегодня повторение той же ситуации может стать “водородной бомбой”, потому что в этом случае произойдет появление на территории России нескольких суверенитетов этнографических структур.

— **Вы думаете, сейчас возможен в России такой проамериканский, “либерально-западнический” реванш, который, естественно, будет антимусульманским?**

— Я боюсь, глядя на Проханова, что этому либеральному реваншу готовы подключиться так называемые патриоты.

— **А вы, получается, в данном случае на стороне Путина, первый раз в жизни вы на стороне власти?**

— Я прошу меня правильно понять, я не на стороне власти, но я на стороне того, чтобы сохранить существующую ситуацию в мире. Потому что сейчас США поставили своей целью перекроить карту Ближнего Востока, в частности, разделить Саудовскую Аравию на три части.

— **Какие это составные части?**

— Хиджаз, Недж и восточное побережье.

— **Какие есть факты, доказывающие наличие таких планов у США?**

— Эти факты уже вышли наружу, на уровне публикаций в журнале типа “Ньюсуик”, а перепечатку я видел в журнале “Профиль”.

— **Получается, что действительно США стали таким последовательно антимусульманским государством? Раньше Саудовская Аравия была самым близким союзником США среди мусульманских стран…**

— Да, но союзником была не Саудовская Аравия, а саудовский режим, правящая династия. А сейчас США объявили крестовый поход против мусульманского мира. США решили, что союзники им больше не нужны, и они решили перекроить карту. Причем перекраивать будут не только Саудовскую Аравию, но и Ирак, где уже сейчас де факто создано курдское государство. Пока Курдистан не признан, но это может произойти.

— **Неужели курды пользуются поддержкой США?**

— США абсолютно прагматично подходят к ситуации и оказывают или убирают поддержку в зависимости от целесообразности.

— **Кто же из мусульманских стран остался союзником США, только Турция?**

— Турция не является мусульманским государством. Турция — страна, управляемая антиисламской элитой, так называемой Республиканской партией, партией Ататюрком, которая ставила изначально политической, социальной и исторической целью освобождение страны от ислама, превращение Турции в светское государство европейское типа. Турция — это страна, в которой до середины 1960-х гг. все мусульманские организации были на нелегальном положении, во всяком случае, там все религиозные структуры подавлялись с большей интенсивностью, чем в СССР при Хрущеве. Только после 1960-х гг. произошла определенная контролируемая либерализация. Тем не менее до сих пор в Турции в тюрьмах находятся десятки тысяч мусульманских деятелей и представителей мусульманского духовенства.

— Сейчас там лидирует партия фундаменталистского толка, и уже стоит вопрос о ее запрете. Как вы думаете, чем все это закончится?

— Это партия, которую запрещали уже многократно, и она всегда восстанавливалась под новым названием. Дело в том, что в Турции если на парламентских выборах побеждают исламские партии, то военные обязательно вводят чрезвычайное положение и распускают парламент. И это продолжается до тех пор, пока новые выборы не выиграют неисламские силы.

— Как вы рассматриваете проблему ваххабизма? Является ли учение Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба господствующим в Саудовской Аравии? Является ли ваххабитское учение неотъемлемой частью ханбалитского масхаба?

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что вы вкладываете в понятие ваххабизма. Учение Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба возникло за 200 лет до возникновения Саудовской Аравии. С тех пор многое изменилось. И что сейчас, кроме направленного против них черного пиара, объединяет так называемых ваххабитов?

— Тем не менее кое-что общее все же есть. Ханбалитский масхаб господствует в Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, Катаре, сильные позиции имеет в Бахрейне и Омане. И во всех этих государствах запрещено появление и существование профсоюзов, партий, общественных организаций любой направленности (в том числе исламской), практически везде абсолютные монархии, никакие выборы не проводились ни разу за всю историю стран.

— Это вряд ли можно считать каким-либо определяющим признаком ханбалитского масхаба, так как есть и другие исламские государства, в которых имеется абсолютная монархия и отсутствуют демократические институты.

— Какие, например?

— Марокко.

— А кроме Марокко?

— Довольно жесткий режим в той же Сирии.

— В Сирии все-таки проходят выборы.

— Да, но там президентское правление, оно не означает либерализма. Мы Африку не трогали черную. В Пакистане есть исламские партии, но при том, что их поддерживают 90% населения, они тотально проигрывают все выборы.

— Может быть, не 90%, но симпатизирует им действительно большинство — во всяком случае, более 60% населения Пакистана не одобряли тот факт, что президент Мушараф был союзником США против талибов.

— Нельзя доверять этим цифрам, поскольку они корректируются в сторону политкорректности, проходя расстояние от института общественного мнения, работающего в поле, до опубликования. По моим оценкам, которые основаны на общении с людьми, долго жившими там, где-то порядка 80% жителей Пакистана поддерживают исламские партии, с учетом того что крупная буржуазия и чиновничество связаны с

режимом и, соответственно, не могут поддерживать исламские партии. Таким образом, во многих мусульманских странах общественное мнение и выборы не имеют никакого значения, потому что силовой ресурс перевешивает все, что угодно. Поэтому антидемократизм на Аравийском полуострове связан не столько с ваххабизмом или определенным масхабом, сколько с диктатурой определенных династий и элит. Поскольку, вообще-то говоря, салафитское движение — это движение исламской демократии, которое опирается на джамааты.

— **Насколько можно ставить знак равенства между салафитами и ваххабитами?**

— Знак равенства в какой-то степени, может, и нельзя ставить, но есть ваххабизм бешеных, имеющий сектантские и маргинальные проявления, а есть движение салафитское, ориентированное на восстановление первоначального ислама Пророка и его сподвижников.

— **Правильно ли я понимаю, что салафитское движение действует в основном в рамках суннитского ислама?**

— Дело в том, что салафиты и шииты очень сходны по своим целям и расходятся по методам. Шииты считают, что необходимо восходить из первозданного ислама, из самой позиции Пророка. Салафиты тоже стремятся к восстановлению первозданного ислама, но с позиции не четвертого халифа Али, а с позиции первых трех халифов, а так есть серьезные разногласия.

— **Но они сейчас политическое какое-то значение имеют?**

— Это вопрос того или иного подхода к божественной легитимизации власти. Та или иная модель легитимности. Шииты исходят из того, что власть никоим образом не может покоиться на выборных началах. Если идет деградация власти и общества, то имам должен принять на себя правление. Сунниты же считают, что власть покоится на коллективном решении людей.

— **То есть сунниты, получается, большие демократы, чем шииты?**

— В некотором роде. Но там есть некоторые парадоксальные аспекты, которые…

— **Опять же если говорить о ханбалитском масхабе, то в нем и следа демократизма нет..**

— Да, потому что я вам говорю о ситуации в общем. Ни в одном масхабе не существует монархии, потому что монархия — абсолютно неисламский строй.

— **Неисламский с точки зрения суннизма или вообще?**

— Вообще неисламский. В лучшем случае некоторые улемы могут говорить о том, что республика или монархия являются формами, которые не влияют на содержание. Но очень многие исламские богословы говорят, что монархия вообще противоречит самой сути ислама, который рассматривает власть как атрибут Всевышнего.

— **Может, тут различие можно сформулировать так, что в шиитском исламе духовные лица стоят над светскими, а в суннитском — духовные должны подчинятся королям или президентам?**

— В исламе нет духовных лиц, в исламе есть мусульмане, как и в ранней христианской общине, где тоже не было духовных лиц, все были братьями и стремились служить Богу. Так же и в исламе нет духовных лиц, другое дело, что они по факту появляются.

— Если вернуться на совсем российскую мусульманскую почву, то у нас в России существует раскол среди мусульман или, во всяком случае, муфтиев. Как минимум, тут можно назвать три крупных организации: Координационный центр Северного Кавказа, Совет муфтиев и Центральное духовное управление.

— Это почва малоинтересная, поскольку она относится не к исламу, а к последствиям советской опеки мусульман.

— Ну а все-таки, с каким известным муфтием ваши взгляды совпадают чаще всего?

— Не думаю, что имеет смысл вообще сравнивать мои взгляды со взглядами муфтиев, хотя я лично знаю их всех и поддерживаю с ними нормальный человеческий контакт. Однако нормальный человеческий контакт — это одно, а идеолого-теологический, а тем более совпадение взглядов — совсем другое.

— То есть, контакты поддерживаете и с Гайнутдином, и с Таджуддином, и с Ашировым, и с другими, несмотря на то что между собой они не всегда ладят.

— Да можно так сказать. Когда я вижу этих людей, мы приветливо здороваемся и т.д. Просто я Талгата вижу реже, поскольку он в Уфе находится.

— То есть эта видимость, что вы вроде бы чаще находитесь рядом с Советом муфтиев — только потому, что он рядом находится географически?

— Да я не уверен, что я так уж и рядом. Думаю, что это сильное преувеличение, которое не понравится и им.

— То есть они тоже стараются от вас дистанцироваться?

— Это люди, которые просто являются определенными чиновниками.

— Как вы относитесь к тому факту, что все муфтии на протяжении последних лет постоянно заявляли о поддержке действующей власти, никто ни в какую оппозицию к власти не входил?

— Ну, муфтии для того и существуют, чтобы поддерживать действующую власть.

— Вы имеете в виду, что во многих арабских странах муфтии назначаются светскими властями?

— Во всех арабских странах муфтии назначаются светскими властями. Само понятие “муфтий” — довольно позднего времени. Если мы говорим о салафитах, о шиитах, то у них вообще нет муфтиев. Если говорить о первоначальном исламе, то тогда не было ни муфтиев, ни алемов, существовали только сахабы — современники Пророка, привилегией которых было только то, что они жертвовали своими имуществом и жизнью.

— А шейхи — это что такое?

— Шейхи — это старчество, которое больше имеет отношение к мистическим орденам в исламе.

— То есть к суфиям?

— Да, конечно, шейх — это в первую очередь суфийское понятие.

— А в шиитском исламе шейхи существуют?

— Шейхов нет, потому что практически нет мистических орденов.

— А исмаилиты?

— В мировом мусульманском сообществе существует некий консенсус, который рассматривает исмаилитов, друзов, ахмадитов, бабитов (бахаев) как неисламские секты, вышедшие из ислама.

Беседовал Михаил Тульский

СУДЬБА ПОНЯТИЙ

Евразийская геополитика в роли "национальной идеи" России

Удивительна судьба понятий. Мы говорим "Америка", подразумевая при этом США, хотя вообще-то Америкой называется целый материк от Лабрадора до Огненной Земли. Говорим "Евразия", подразумеваем Россию. Ни Китай с Индией, ни собственно Европа в рамки этого понятия сегодня не входят. Так, однако, было не всегда, да и правомерно ли превращать географическое название в политологическую категорию?

Начало истинной Евразии

На самом деле этим словом обозначается не столько пространство, состоящее из двух континентов, сколько некий великий проект, положивший конец архаичному миру. Александр Македонский осуществил союз военных элит индоевропейцев, который ограничил бесконтрольное господство жреческой касты, возглавлявшей туземные традиционные общества как в Средиземноморье, так и на Иранском нагорье, в верховьях Инда и предгорьях Памиро-Алая. Эта новая политическая реальность стала первым опытом революционного "глобализма" и образовала совершенно особое пространство, которое сегодня является базовой территорией исламской цивилизации. Александр Македонский создал предпосылки для выхода пророческой авраамической религии (представленной в его время библейской традицией) на простор Ойкумены. Одной из этих предпосылок стал феномен эллинизма, универсальная система понятий от Ливии до Синдзяня, благодаря чему впоследствии смогли стать вселенскими конфессиями христианство и ислам. Александр Великий описывается в Коране под именем Зулькарнайн как один из пророков Всевышнего, ему отводится статус *судьи Запада* и охранителя потомков пророка Ноя от разрушительных орд Гогов и Магогов, которые некоторые исследователи вслед за Фирдоуси отождествляют с Тураном. Вот она, подлинная Евразия, первая и последняя. Последующие же "Евразии" явились лишь реакцией или пародией на нее.

Туранский ответ — образцовая модель современных евразийцев

Явление, порожденное Зулькарнайном, было столь грандиозно, что силы для ответа на него накапливались в течение полутора тысячелетий. То, что нынешние евразийцы с легкой руки Л.Н. Гумилева принимают за политическую модель Евразии, является на самом деле чингисхановской “мировой контрреволюцией” против последствий сверхпроекта великого Атрида. Известно, что Чингисхан получил благословение на свою завоевательную миссию от последних потомков великих шаманских родов Северной Азии, которые завершились вместе с так называемым “высоким шаманизмом” именно в его время — первой трети XIII века. Чингисхан создал эту типовую модель евразийской империи, столь милую сердцу некоторых наших патриотов, в которой “цветущая сложность” местечковых туземных традиций патронажно перекрывается единой централизованной системой абсолютно бездуховной и совершенно прагматичной бюрократии. Система, созданная монголами, в принципе ничем не отличается от римской имперской системы. Единственная, но весьма важная разница — в атмосфере взаимоотношений между централизующей бюрократией и автохтонами. Политический пафос чингизидства выражается в отчетливой благосклонности к любым корпорациям туземного жречества при бескомпромиссной ненависти к военно-религиозной демократии, каковой с оговорками было исламское цивилизационное пространство до монгольского завоевания. После этого завоевания в исламе возникла корпорация профессионального духовенства, та самая “муллократия”, которая сегодня препятствует исламскому миру в реализации его провиденциальной исторической миссии.

Восток и Запад в “евразийском” сознании

Именно чингизидская реакция на свершения Александра Великого, ставшая, говоря прямо, глобальным клерикальным реваншем, является базовым архетипом, вокруг которого сегодняшние евразийцы выстраивают свои геополитические концепции. Проблема, однако, в том, что чингизидство, будучи аналогом “Рима” и даже имея некоторые важные организационные преимущества перед ним, тем не менее фатально занимает по отношению к этому “Риму” подчиненное положение. В России, существование которой, бесспорно, связано с историко-политическими последствиями монгольских завоеваний, образ “Рима” на протяжении столетий был куда более привлекателен, чем монгольское политическое наследие. От Иоанна III до Николая II российская политическая система старательно лелеяла в себе именно западную административную составляющую. Внезапный возврат имперского “панмонголизма” в умы и сердца наших граждан произошел во многом благодаря Сталину. Именно он оживил дух Чингисхана в противовес архетипическому “Риму”, и для этого были особые основания.

Чингизидская имперская модель лучше соответствует задачам контрреволюции, является более эффективным политическим инструментом в руках сил мировой тирании, для которых самым актуальным вопросом XX века стала ликвидация последствий и завоеваний Октябрьской революции. У “Рима”, кажущегося более эффективным и прогрессивным, нет тем не менее иммунитета против социальной революции. “Рим” хрупок, потому что его централизованная бюрократия, будучи высокомерно толерантной, дистанцирована от туземной почвы. Чингизидская бюрократия не просто толерантна, она стремится всегда опираться на эту почву, в какой бы форме та не проявлялась. Она стремится к симбиозу с туземным фактором, отвечающим этой бюрократии верноподданнической любовью на уровне коллективного бессознательного, на уровне наиболее косных хтонических элементов человеческого субстрата. “Риму” наплевать на варваров, если те не бунтуют, поскольку он имеет собственную независимую

бюрократическую квазидуховность в самом пафосе своей организованности. Чингизидская бюрократия, как упоминалось выше, абсолютно бездуховна, поэтому она в некотором смысле зависит от эманаций "почвы", которая ее питает.

Сталин, решивший положить конец мировой революции, ликвидировать Коминтерн и вернуть СССР в мировую систему, инстинктивно прибег к опыту наиболее контрреволюционной из политических структур в истории.

Марксистская доктрина и русский космизм

Хрупкость политической системы Запада, основанной на римско-имперской традиции, подтвердилась в конце XVIII века и на протяжении всего революционного XIX века, полностью посвященного социальным бурям. Социалистическая традиция насчитывает около 2,5 тысячелетий, поскольку наиболее авторитетные исследователи возводят ее к Платону. В Платоне же следует искать и корни "космизма", который подспудно проходит через всю историю западной философии. "Космистское" мировоззрение в определенной мере можно назвать левым платонизмом; оно присутствует в интеллектуальных исканиях средневековой и возрожденческой Европы как оппозиция догматическому католицизму. Наиболее яркими вспышками радикального космизма были выступления Бруно, Бэкона, Мора и Кампанеллы. К XVIII веку космизм утрачивает мощное неоплатоническое вдохновение и вырождается у французских утопических социалистов в доморощенную теософию, замешанную на спиритизме. От них космистская эстафета переходит в Россию. На самом деле этот скверный социальный мистицизм, единственной искупающей чертой которого была жажда абсолютной справедливости, совсем не годился в качестве идеологического оружия революции и уж, во всяком случае, не был способен противостоять догматической теологии клерикалов. Но тут явился марксизм, одно из наиболее непонятых и недооцененных учений в истории мысли.

Возможно, основная вина за это лежит на самом учении. И Маркс, и, разумеется, его последователи изо всех сил настаивали на том, что их доктрина представляет собой сугубый материализм, основана на научном методе, бескомпромиссно противостоит "фидеизму и поповщине". Все тем не менее далеко не так просто. "Материализм" Маркса несет в себе фундаментальную гностическую традицию. Мессианизм этой доктрины давно стал общим местом у всех ее исследователей. Однако не многие современники I Интернационала отдавали себе отчет в том, что эта ориентация на провиденциальный смысл истории позволяет вновь открыть дорогу религиозному измерению в борьбе за социальную справедливость, вернуться на глубоком уровне к пафосу зелотов, пафосу антицерковных революционных войн позднего средневековья. Стержнем марксизма оказывается историософская мистика времени с его внутренней телеологической заданностью. Именно время есть сфера проявления Провидения. Исторический материализм, в особенности после того, как попал на российскую предбольшевистскую почву, стал инструментом освобождения скрытого религиозного зерна, на самом деле всегда заключающегося в революционной энергетике, от контроля со стороны корпоративного клерикализма. Иначе можно сказать, что через опыт действенного прикладного марксизма шла подготовка к тому, чтобы в некий грядущий момент освободить суть монотеистической доктрины от духовного и организационного диктата "фарисеев и книжников". Исторический материализм здесь превращается в некий оперативный гнозис, связанный с провиденциальный мистерией Вечной революции. Говоря это, мы не забываем, что форма, в которой был изложен марксизм, не свободна от очень серьезных просчетов, приведших в конечном счете к дискредитации всего проекта.

Культ "Матери-земли" в форме геополитики

Что бы ни излагала в качестве объяснения самой себя та или иная революционная доктрина, на что бы ни ссылалась в качестве резона для своего существования (экономическая целесообразность, счастье простых людей и т.п.), в действительности революция всегда обращается к альтернативе всему существующему. Это значит, что острие революционного отрицания всегда обращено против пассивной стороны бытия во всех ее проявлениях. Революция отрицает косность, инерцию и, самое главное, воспроизведение одного и того же, “вечное возвращение”. Дух революции замешан на беспрецедентности. Именно поэтому он всегда интернационален, абстрактен и на взгляд тех, кто привержен “пьянящим запахам земли”, — стерилен. Заметим, кстати, что понятие “консервативная революция”, запущенное на Западе новыми правыми и подхваченная у нас некоторыми национал-патриотами, содержит не больше логики, чем квадратный круг. Точнее, если расшифровать его политическое содержание, “консервативная революция” означает просто-напросто — “контрреволюция”, возвращение status quo после полного оборота круга. Контрреволюция любит наряжаться в одежды фольклорного консерватизма, апеллирует к самобытности. Но по-настоящему опасной и эффективной контрреволюция становится, когда добавляет ко всему этому квазиуниверсальный метод.

Именно такой характеристикой квазиуниверсальности обладает изобретенная в Европе геополитика (полвека тому назад мы бы с чувством добавили “буржуазная лженаука” и были бы правы, но сегодня другая стилистика). Геополитика является точно рассчитанной антитезой марксизму. Если в последнем сокровенный нерв — это мистика времени, суть геополитики — мистика пространства. Пространство с его неизменными характеристиками становится в этом мировоззрении главным фактором исторического процесса, который обречен воспроизводить одну и ту же матрицу. Ведь остров во все обозримые тысячелетия человеческой истории останется островом, горы — горами и т.д. Таким образом, ни одна страна и никакое сообщество людей не могут уйти от географического рока, от проигрывания перед лицом вечности сюжета, запечатленного в геофизических обстоятельствах своего существования. Трудно придумать концепцию более “а-пассионарную”, более враждебную мессианскому вдохновению истинных делателей истории. Уже, кстати, по одному этому геополитика является русофобским идейным посылом, поскольку тайна России изначально заключается в глубоком духовном беспокойстве, во внутреннем брожении и неустройстве, чреватым взрывом. Благодаря этому Россия привносит во всемирный исторический процесс фактор неопределенности, сама становясь уникальной страной, способной выступить с неожиданной альтернативой планетарному status quo.

Логично, что после дискредитации марксизма и ликвидации политических последствий Октября 1917 геополитика должна была попытаться утвердить себя в качестве основы для новой “национальной идеи” России. Эпоха реформ знаменует окончательное торжество бюрократии чингизидского образца, впервые поднявшую голову в середине тридцатых, и ельцинизм оказывается логическим следствием сталинизма (как бы это ни казалось парадоксальным на взгляд идеологически дезориентированных нынешних “левых”). Геополитика, принятая в качестве мировоззренческого метода, открывает дорогу клерикальному реваншу, который всегда осуществляется через институт госбюрократии. В конечном счете, если отбросить рационалистическую шелуху, типичную для камуфлирующихся под современное сознание лженаук, у нас остается в сухом остатке культ почвы, базис для конструирования неоязыческого менталитета для средних и низших классов, которые тем самым получают надежный иммунитет к любым социально дестабилизирующим влияниям.

Национальная идея для XXI века?

Как мы говорили выше, геополитика играет роль квазиуниверсального метода, который должен обязательно сочетаться с локальной конкретикой. В случае русской “национальной идеи”, заказанной Кремлем, геополитика входит составным элементом в некое новое постсоветское издание русского космизма. Вообще, типично, что оживляемые в эпоху реформ явления минувшей российской истории носят либо пародийный характер, либо же представляют собой, по сути, прямую противоположность своим историческим прототипам. Именно последний вариант характерен для современного русского космизма. В XIX веке он был унаследован русскими нонконформистами от левых интеллектуалов-утопистов XVIII столетия — Лессинга, Фурье, Сен-Симона, на которых к тому же еще наложились в какой-то мере Гегель и Шеллинг. Космистское мировоззрение являло фантастические вызывающе иррациональные черты, которые, однако, были подчинены своеобразной логике, основанной на весьма глубокой предпосылке. Мистика утопизма вся зиждется на идее преодоления второго начала термодинамики в масштабах Вселенной. Иными словами, это учение о торжестве человеческого состояния над принципом энтропии. Именно эта идея лежит в основе авраамического провиденциализма и в той или иной форме присутствует в эсхатологии как ветхозаветной традиции, так и христианства и ислама. Глобальная победа над энтропией есть стержень представления о божественной, т.е. истинной справедливости. Собственно говоря, тезис “последние будут первыми”, который в практически одинаковой формулировке присутствует и в Евангелии, и в Коране, прямо указывает на эту концептуальную подоплеку.

Русский космизм сегодня полностью свободен от этого мистического измерения. Мифологизированный образ советской бюрократической империи трансформируется в представление о неком “русском космосе”, в котором центральной фигурой оказывается Юрий Гагарин, а основополагающей темой — ракетно-космическая эпопея. Поверхностно заимствованные мотивы Федорова и Циолковского увязываются в современном космизме с “государственничеством”, философией силы и прагматизма, которая местами прямо восходит к небезызвестному британскому министру иностранных дел XIX века (кстати, русофобу) Бенджамину Дизраэли (1804—1881). На нем следует остановиться особо. Этот выходец из итальянских сефардов исповедовал просионистские взгляды задолго до официального основоположника сионизма Теодора Герцля. Будучи членом правящей элиты (он получил титул графа Биконсфилда) Дизраэли считал британскую империю инструментом для реализации сионистского проекта, подготовив базу для сотрудничества между Великобританией и политически ангажированным еврейством в XX столетии. Именно Дизраэли, исповедующий зоологическую ненависть к исламскому миру, стал ключевым теоретиком британской колониальной политики,

Сегодняшние евразийцы, идущие на смычку с наиболее оголтелыми сионистами-исламофобами, на самом деле просто следуют традиции Дизраэли, одного из отцов-основателей геополитического “метода”.

Выводы

Геополитика, заменяющая сегодня у некоторых национал-патриотов марксистскую идею в качестве мировоззренческой базы, есть в действительности идеологический продукт, разработанный западными консервативными интеллектуалами как своего рода метафизическое обоснование империализма. Эта доктрина позволяет представить мировую империалистическую систему (сегодня более экономически и политически свирепую, чем во времена В.И. Ленина) как некий продукт неизменных геофизических условий существования рода человеческого, благодаря которым история обречена воспроизводить одни и те же модели.

В российских условиях геополитика становится совершенно обезоруживающим политически активные силы грубо материалистическим мировоззрением, которое обрекает российское государство на подчиненное положение в мировой системе.

Евразийская концепция, созданная в идеологических лабораториях ГПУ, есть не что иное, как воскрешение политической философии "панмонголизма" и чингизидства, способствующее установлению бюрократической тирании на территории России и соседствующих с ней стран.

Выход этих идей из глубокой маргинальности, в которой они пребывали в последние несколько десятилетий, на публику является результатом идеологической диверсии, за которой стоят организаторы проекта "Хазария". Согласно этому проекту, Россия должна войти силовым компонентом в новый империалистический блок, который кроме нее включает Израиль и Западную Европу. За завесой антиглобалистской риторики управленческие круги мировой системы готовят альтернативу на случай крушения США как главного мирового жандарма.

В этой форме "национальная идея" России может соответствовать только тем особым задачам, которые так называемое "мировое сообщество" (эвфемизм для крипто-олигархической верхушки международного правящего класса) ставит перед нашей ослабленной, проигравшей "холодную войну" страной: быть жандармом Евразии, вести бесконечную пограничную войну против южных соседей, охранять военно-административными методами "великую сушу" от движений пассионарно-революционного порядка. Иными словами, современные евразийцы-геополитики оказываются исполнителями плана, исходящего с берегов ненавистной им Алантики.

Гейдар Джемаль. Судьба понятий // 2001. Лето

ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Часть 1. Россия и ислам

Россия должна сохранить свою великую идею

В настоящее время Россия переживает то, что обычно происходит с любой державой, проигравшей войну, — гибнет промышленность, разрушается армия, распродаются национальные богатства. Однако самый страшный итог поражения в войне с Западом — не утрата материального ресурса, а разрушение духовного стержня нации. Россия, русское общество теряет великую историческую цель, перестает ощущать себя великой державой, отказывается от традиционных русских идеалов. В то же время "победители" России внушают ее жителям комплекс рабской зависимости от Запада, от "чечевичной похлебки" в виде траншей МВФ и кредитов, формируют потребительскую психологию. Самая серьезная проблема России не в том, что ухудшается качество питания и уровень жизни, а в том, что народ России теряет свою великую веру и великую идею. Без них существование российского государство невозможно, оно обречено на медленное умирание, на распад. Поэтому спасение России — в возвращении к такой форме существования, когда страна живет не ради самой себя, а ради исторической сверхзадачи, ради исполнения своей исторической миссии.

Враги ислама — это враги России

Главным врагом ислама в государственно-политической сфере являются Соединенные Штаты, присвоившие себе право международного третейского судьи и мирового жандарма. Врагом ислама выступает и НАТО, ставшее сегодня вооруженным орудием американского глобализма. И, наконец, смертельный враг ислама — это система международного сионизма, устанавливающая на планете либерально-космополитическую диктатуру.

Все эти силы враждебны и России, это они превращают ее в колонию, они вдохновляют геноцид российского народа, они мечтают стереть Россию с географической карты. Таким образом, у мирового ислама и у России — общие враги.

В то же время не только борьба против американского глобализма объединяет Россию и исламский мир. Между ними есть и духовное родство — социальные, политические идеалы ислама очень близки к тому мировоззрению, которое можно назвать “русской идеей”.

Русская цивилизация и цивилизация ислама возводят к великой традиции единобожия, вдохновлявшей на борьбу с языческими тираниями. Социальные идеалы ислама требуют бескомпромиссного сопротивления ростовщикам, угнетателям, помощи всем обездоленным земли — и в этом они перекликаются с русскими идеалами справедливости, сострадания к “малым сим”, алкания духовной правды. Ислам и “русское мировоззрение” объединяет также отвержение языческой тирании, “золотого тельца”, во имя исполнения Божьей воли и Божьей правды. И сегодня есть весомые предпосылки в пользу того, что все эти общие духовные основы объединят Россию и исламский мир в общей борьбе против мировой лжи и мирового зла, воплощенном в фигуре Антихриста-Даджала.

Союзники мусульман — патриоты России

Для того чтобы эффективно противостоять колониальной агрессии Запада, Россия должна обязательно сохранить свои вооруженные силы, свою оборонную промышленность. Поскольку военный потенциал исламского мира недостаточен для того, чтобы противостоять всей мощи американской, натовской военщины, поддержка военно-промышленного комплекса России является для исламской цивилизации фактором собственного выживания. По этой причине особую роль для исламских сил в России играет сотрудничество с ДПА (Движением в поддержку армии), возглавляемым Виктором Илюхиным.

В то же время отношение мусульман к режиму Ельцина — однозначно негативно. В глазах мусульман Ельцин является виновником развала Советского Союза, который был мощным противовесом безнаказанному сегодня американскому империализму. Режиму Ельцина не избежать суда истории, не избежать ответственности за содеянное.

* * *

Исламские деятели, которые хотели сделать себе политическую карьеру, подружившись с “демократами”, давно оторвались от мусульманской уммы, предали ее интересы, вступили в сговор с врагами ислама. В то же время широким трудовым исламским массам ближе всего политическая программа левых, патриотических сил, стремящихся противостоять прозападной олигархической диктатуре. Мусульмане знают, с какой

стороны правда, и не хотят идти вслед за теми, кто “сдал” великое евразийское государство США и Западу. Важно и то, что в последние время в идеологии КПРФ произошли существенные позитивные сдвиги; особенно это заметно по книге Геннадия Андреевича Зюганова “География победы”; левые силы России стали внимательнее относиться к евразийским геополитическим концепциям, к религиозному фактору в политике, к идеям национально-освободительной борьбы. Такие изменения можно только приветствовать, они объективно сближают позиции мусульман и левых, патриотических сил. Радует, что патриотические силы начинают понимать роль религии, веры в борьбе за справедливый общественный порядок.

Де-факто миллионы простых мусульман уже поддержали КПРФ, проголосовав на президентских выборах 1996 года за Геннадия Зюганова. Эти голоса могли быть решающими, могли принести победу патриотическим силам; однако правящая в мусульманских республиках этнономенклатура фальсифицировала результаты выборов, приписав мусульманские голоса Ельцину. Эти действия, вызвавшие возмущение миллионов мусульман, не должны повториться в будущем. Исламский комитет сделает все возможное для того, чтобы воля российских мусульман нашла свое адекватное отражение в Государственной думе и правительстве, а также достойных представителей, действующих в интересах России и мировой мусульманской уммы.

Союз России с мировым исламом

В силу многих причин духовного, идеологического и цивилизационного характера мировая исламская умма является естественным союзником России в ее исторической миссии — в противостоянии плутократической цивилизации Запада.

Крайняя зыбкость, эфемерность возможных альянсов России с Индией и Китаем убеждает все большее число политиков, военных, общественных деятелей, что только союз России, обладающей огромными техологическими, научными и военными возможностями, с миллиардной мусульманской уммой может сорвать планы мировой олигархии и навсегда похоронить планы “мирового правительства” по установлению тоталитарной рабовладельческой диктатуры Запада. Союз России и мирового ислама даст возможность и самой России возвратить себе статус сверхдержавы, который определяется не только “ядерным фактором”, но и способностью бросить вызов планетарному господству США, возглавить сопротивление мировому глобализму.

Наконец, единство России и исламских сил поможет предотвратить угрозу Третьей мировой войны, которую, как показывают последние события в Югославии, готовы уже сегодня развязать США и НАТО, и защитить южные рубежи России, вокруг которых Запад целенаправленно создает “санитарный кордон”, “буферную зону” из бывших советских республик, управляемых антиисламскими режимами.

Экспансия НАТО на южных рубежах России

В последние несколько лет страны НАТО осуществляют активное проникновение в бывшие советские республики — государства Кавказа и Средней Азии, делая это при активном пособничестве коллаборационистских режимов Шеварнадзе, Алиева, Каримова. В этой ситуации, представляющей очевидную угрозу безопасности России, особенно важно мобилизовать те силы в республиках Кавказа и Средней Азии, которые стоят на патриотических, евразийских позициях, готовых сопротивляться американскому, натовскому контролю. Сегодня такие силы есть, однако они нуждаются в помощи России. Без такой поддержки оппозиционеров, и прежде всего — исламских оппозиционеров,

окончательно загонят в подполье и уничтожат правящие в этих республиках номенклатурно-бюрократические режимы, которые постоянно предают интересы России и являются еще более ревностными сторонниками Запада и НАТО, чем даже национал-диссиденты конца начала 90-х годов.

Особо стоит подчеркнуть, что режимы Шеварнадзе, Алиева, Каримова имеют теснейшие связи с турецким антиисламским диктаторским режимом. Современное турецкое государство, которое после США и Израиля является самым заклятым и непримиримым врагом ислама, получило глобальный заказ НАТО — дестабилизировать обстановку в Средней Азии и на Северном Кавказе, создать из бывших советских республик “санитарный кордон” южных рубежах России, а также уничтожить силы исламского сопротивления в этих регионах.

Кавказский узел

Серьезную опасность стратегическим интересам России и исламского мира представляют также планы проникновения НАТО на Кавказ, где международная олигархия стремится развязать глобальный российско-исламский конфликт. Кавказ играет особую роль в мировом геополитическом раскладе, он представляет собой своеобразные “ворота” из Северной Евразии — России в Южную Евразию — исламский мир. Именно в этой точке Запад еще со времен кавказских войн прошлого столетия стремится натравить друг на друга Россию и исламские силы, чтобы в конечном счете ослабить и уничтожить их. Той же стратегии придерживается Запад и сегодня; именно его агенты в немалой степени способствовали разжиганию конфликта в Чечне, провоцируя как режим Ельцина, так и чеченское руководство.

В то же время в перспективе, потенциально, исламский Кавказ является очень мощным военным-политическим центром, союзным России и непримиримо враждебным к американо-израильско-турецкому блоку. В этой ситуации стратегическая задача России заключается в том, чтобы исправить чудовищные ошибки, сделанные в 1995—1996 годах, и наладить взаимодействие с теми исламскими силами на Кавказе, которые не хотят быть втянутым в войну с Россией и четко осознают, кто является их подлинным противником. Разумеется, такой союз невозможен до тех пор, пока у власти в России находится режим Ельцина, нагнетающий потенциал взаимной ненависти между русскими и кавказцами, использующий напряженность на Кавказе для сохранения своей личной власти. Однако в будущем, когда к власти в России придут патриотические силы, взаимодействие между Москвой и Кавказом может быть налажено в достаточно короткие сроки. Условием для этого должна быть принципиально новая, продуманная и последовательная политика России на Кавказе.

Опора на такие факторы, как клановая структура общества, построенного на родо-племенных отношениях, постсоветская бюрократия, выросшая из коррумпированной этнономенклатуры, отдельные мафиозные группировки, объективно подрывает авторитет России на Кавказе.

Нельзя строить долгосрочную и эффективную политику, опираясь на те силы, которые дискредитировали себя несправедливостью и мздоимством и всецело принадлежат прошлому.

Только опора на массовый ислам, на реальный исламский фактор может вернуть России уважение народов Кавказа создаст условия для эффективного противодействия американо-турецкой экспансии.

Часть 2. Исламский проект

Рождение “Исламинтерна”

Мировая исламская умма имеет огромные человеческий, военный и финансовый ресурс, позволяющий ей в перспективе создать реальную цивилизационную альтернативу, стать ключевым фактором мировой истории. По всему миру действуют вооруженные отряды исламского сопротивления, ведущие героическую борьбу с международным сионизмом, с марионеточными режимами — ставленниками мирового правительства. На повестке дня стоит объединение всех революционных исламских организаций в единую планетарную организацию — Исламинтерн, которая поведет тотальный джихад против мировой системы тирании и несправедливости. Для этого уже сегодня есть достаточно организационных и политических предпосылок; активная и глобальная идеология, целостная доктрина революционной борьбы, которая окончательно объединит всех исламских революционеров, придаст религиозному освободительному движению концептуальную законченность и духовную сплоченность. Возможно, что такая доктрина придет в исламскую умму из России — это станет закономерным результатом развития интеллектуального потенциала российского ислама.

Агенты Запада в исламском мире

Напуганные опасностью мировой исламской революции, США через своих “агентов влияния” в исламском мире пытаются навязать мусульманам ложные, тупиковые пути их революционной активности, отбросить их отживший традиционализм в омертвевшую архаику. Примером такой стратегии может служить движение “Талибан” в Афганистане, первоначально инспирированное спецслужбами Соединенных Штатов. Революционную энергию исламских масс пытаются перевести в русло реставрации давно утративших свое значение средневековых порядков, закрыть мусульман в “культурной резервации”, откуда они не смогли бы вести свою мировую освободительную борьбу.

Особую роль в этом сценарии отводится Саудовской Аравии — верхушка которой лицемерно имитирует приверженность исламу, проводя в то же время чудовищную по своему масштабу подрывную антиисламскую деятельность.

Тиранический режим Саудовской Аравии является одним из главных партнеров мирового правительства в исламском мире, на его пропаганду тратятся миллиарды долларов, мировая олигархия активно пытается продвинуть его на лидирующие позиции. В то же время сам король Фахд заявлял, что “ислам можно разрушить только изнутри”, и это по силе только ему и его “королевскому дому”. Слова саудовского деспота не расходятся с делами — он кощунственно переступил запрет допускать в святую для мусульман землю безбожников-”куфров”, разместив там американские военные базы.

Однако внутри самой страны существует мощное движение сопротивления; свыше 700 деятелей исламской оппозиции томятся в застенках, однако борьба с династией отступников от ислама продолжается. Несмотря на казни и пытки, мусульмане ведут решительную борьбу с главными агентами Запада в исламском мире, и победа в этой борьбе исторически предопределена. Святая земля ислама не может находиться под игом прислужников Запада, предателей и отступников от ислама. То же самое можно сказать и о святой земле Иерусалима — Аль-Кодса, второй по значению мусульманской святыни, почитаемой и всеми христианами. Сегодня этот святой для всех мусульман и христиан город оккупирован израильской военщиной, захвачен сионистами. Мусульмане никогда не смирятся с этим как со свершившимся фактом, не признавали и никогда не признают

так называемое “Государство Израиль”, созданное в результате депортаций, массового насилия, колониального геноцида.

Впрочем, проблема противостояния сионизму не сводится только лишь к сопротивления израильской оккупации. Мусульмане борются с сионизмом в мировом масштабе, противостоят сионистским движениям в России, в Америке, в Австралии и.т.д.

Стратегия освобождения “третьего мира”

Убедившись в неэффективности попыток установить мировое господство с помощью политических интриг и экономического шантажа, США и НАТО сделали ставку на вооруженное подавление и физическое уничтожение всех, кто не согласен с мировой гегемонией Запада. Однако, поскольку в западном обществе отсутствует готовность оплачивать военные победы жизнями своих граждан, США и НАТО стремятся создать “привелегированые” условия для своих военных операций в любой точке земного шара, стараются свести до минимум риск для своих солдат и офицеров. При этом тем странам, которые выражают готовность сопротивляться Западу, угрожают применением ядерного оружия.

В то же время Запад крайне ревниво следит за любыми попытками подорвать его монополию на обладание ядерным оружием, а также на иные сверхсовременные военные технологии. Однако такая монополия не оправдана ни с моральной, ни с юридической точки зрения. Тот факт, что то или иное оружие обладает высокой разрушительной силой, еще не является основанием для того, чтобы ограничивать к нему доступ тем или иным странам.

В ситуации, когда Россия теряет свой оборонной потенциал, а Китай также не является серьезным оппонентом новому мировому порядку, мир становится беззащитен перед ядерным экстремизмом Запада. Разрешить эту ситуацию может только выход России из договора о нераспространении ядерного оружия — тем более что США фактически первыми нарушили этот договор, способствовав передаче ядерного оружия Израилю. Сделав этот шаг, Россия могла бы частично передать ядерные технологии тем странам “третьего мира”, которые в наибольшей степени подвергаются давлению со стороны США и их союзников, и восстановить тем самым военное равновесие.

Раздробленность, отсутствие единой политической воли в мусульманском мире делает его крайне уязвимым и с точки зрения экономической безопасности. Так, жесткая привязка валют мусульманских государств к доллару обрекает сегодня эти государства на близость к катастрофе, поскольку очевидно, что в актуальном будущем долларовая система неизбежно рухнет, а вместе с ней обратятся в ничто и финансовые ресурсы мусульманских стран.

Выходом может быть только создание собственной расчетной единицы, единой для всего исламского мира. Однако для этого исламскому миру нужна единая политическая, организационная воля, которой сегодня, к сожалению, нет. Раздробленность исламского мира на несколько десятков “национальных государств”, многие из которых (особенно в арабском мире) были искуственно созданы западными колонизаторами, делают утопичным любой проект экономической и финансовой независимости мусульман от международной банковской системы. Поскольку исламские силы сегодня еще не обладают достаточными ресурсами для того, чтобы объединить исламский мир, преодолеть драматическое несовершенство его политической системы, им не обойтись в своем “интеграционном проекте” без помощи России.

Если Россия предоставит силам исламской оппозиции из различных стран возможности для политической деятельности, для координации своих действий, это стало бы началом подлинного союза между Россией и силами революционного ислама.

РОССИЯ - ТЕРРИТОРИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Прежде всего необходимо отметить, что Россия — это не древняя Русь. Россия — это и Московская Русь, и орда, и Кучумово царство, то есть это несколько крупных компонентов из разных регионов, из разных геологических пластов, которые сошлись вместе. Они сошлись на волне некой единой воли, образовавшей эту империю, как многие справедливо отмечают, функционально и методологически ничего общего не имеющей с колониальными империями английского, французского и другого типа. Почему и как это произошло? Что это за воля? В этом контексте хотелось бы выделить русское искание правды. Русское страшное, такое безбывное противостояние кривде и глобальной лжи. Поиск правды. Движение такого кочевника во имя истины, запечатленного странника. Это можно углядеть и в перемещениях, миграциях крестьян, и в движениях казачества, и вообще в такой странной связанной с ощущением скорбной, нищей стороны материальной реальности характером русского религиозного менталитета. Ощущение поля, ощущение пространства, как юдоли и скорби, из которой душа гностически рвется к свету. Вот это — противостояние кривды и правды. Противостояние истины того, что есть, и правды того, что должно быть, — как императив русского нравственно-этического характера. Система ценностей, которая не находит принципиально удовлетворения в каких-то фиксированных позитивных конечных исчисляемых определениях — что будет определенный уровень благоденствия и вместо истины придет правда. Идея справедливости в России постоянно прорывается за границу, за рамки какой-то рациональной фиксации. Эту идею будет очень трудно, не впадая опять-таки в новую форму лжи, описать в финале. Вот Чернышевский пытался описать идею справедливости — “Что делать?”. У него появился алюминиевый дворец, любовь втроем, сон Веры Павловны и т.д. Сразу идея справедливости ушла. В основе метаистории России присутствует нравственный инстинкт, который можно нащупать, угадать только какой-то собственной рацией сердца или в каких-то проявлениях духовной культуры, литературы, он выглядит притянутым за уши, но это на самом деле последняя инстанция и последняя энергетическая истина, та пружина, которая движет историю в этой стране.

В нашей стране, как и во всем остальном мире, люди погружены в поле рациональности, они отвечают на такие житейские вопросы о смысле жизни и цинично, и рационально, но последняя правда, которая обнаруживается в экстремальных ситуациях, самая конечная причина, — заставит этого человека, человека из России, из Евразии, который может что-то там цинично ответить о том, в чем он видит смысл жизни, но он поведет себя радикально иначе, чем американец, чем скандинав в экстремальной ситуации, потому что в его последнем инстинкте есть этот момент неприятия того, что есть, как финального ответа на все вопросы. То есть поиск правды, которая за пределами этого.

Люди, которые сюда приходили, приезжали с Запада, с Востока, откуда угодно, они становились русскими искателями правды. Например, приезжает немец и становится евразийским человеком. Китаец, кто угодно. Это все доказывает, что Россия — это не страна каких-то расовых, генотипических парадигм, это духовное пространство, которому безразлично, кто в него попадает, у него есть своя воля, свой ритм. Конечно, здесь живут

силы, которые противятся этому, беда России в том, что ее правящая элита всегда противостояла ее внутреннему, духовному, тайному смыслу.

Вся территория Северной Евразии — это зона великих этнических миграций... Представим себе, что существует зона сопротивления. Условно — зона. Вот всюду мы ходим, и это рационально. Дома, интересные переулочки в Риме, в Вашингтоне. Все рационально. И приходим куда-то, перешагиваем границу и оказываемся, условно говоря, в волшебном царстве. То есть попадаем, как сталкеры, в какую-то специальную полосу. Так вот, люди могут специально идти со стороны для того, чтобы реализовывать то, что их мучит. Если в сердце этих людей есть что-то, что их мучит, они специально ищут эту страну и приходят сюда. И пытаются здесь осуществить какую-то свою миссионную судьбу. Это могут быть немцы, это могут быть татары, это могут быть евреи, это могут быть славяне, но они приходят сюда с какой-то сверхзадачей. И они пытаются здесь сделать нечто, совершенно не похожее на то, что происходит во всем остальном мире. А почему это получается? Потому что здесь, на территории Северной Евразии, — зона перманентного кризиса. Обусловлено это тем, что задача позитивного строительства приходит в противоречие с антипотребительской идеей, которая здесь доминирует.

Сюда, в Россию, приезжают люди с какими-то наработками обычного, рационального, западного или восточного человечества, не важно какого, но они обременены таким общечеловеческим буржуазным подходом. Вот их потомки, не важно, будь то потомки немца или еврея, возвращаясь назад, в Америку или в Германию, чтобы там получше жить, и они там — белые вороны. У них генотип людей, которые, пройдя в три, пять, шесть поколений обкатку в России, возвращаются, и они безбытны, они неустроены, они бросаются в глаза, их вытесняют, на них родимое пятно, что они пришли из зоны сопротивления, которая ставит иные задачи, чем обычная трехмерная буржуазная публика с квадратными принципами восприятия мира. Откуда это взялось? Это не генетически... Они прошли алхимическое воздействие времени и пространства в России за несколько поколений.

Есть такое понятие — “Россия”, которое не надо отождествлять с государством, с режимом не надо его отождествлять, потому что режим и Россия — это всегда противостоящие друг другу факторы. Может быть, метаисторическая сверхзадача, чтобы на каком-то этапе эти параллели сошлись. Чтобы наконец-то в России был режим, который являлся бы духовным выражением этой тайной сути. Но не надо отождествлять Россию ни с тем, ни с другим, ни с этническими группами. Россия не является сугубо русской, или сугубо татарской, или тюркской, или смешанной русско-тюркской. Она является именно этой мистической, непонятной Россией, точкой на пересечении несмыкаемых вещей. При этом эта точка громадна. Конечно, можно найти какой-нибудь город, зону вне России, где живут нонконформисты, оппозиция, странные люди. Потому что, даже если это очень хорошие нонконформисты, их число на западе не превышает нескольких тысяч. А здесь у нас двести миллионов на одной шестой суши. Это то, что может потрясти мир. В том-то и дело, что Россия — это страна, где три процента пассионариев могут быть восприняты как свои люди, за которыми идут и в которых верят. А в любых других государствах пассионарии — это люди, которых запирают в тюрьму или в лучшем случае дают им полгода-год погулять, а потом на гильотину и казнят. Пассионариям в любой другой стране не дают пробежать дальше десяти шагов. А Россия — это страна, которая ждет своих пассионариев!

ЗАГОВОР МОДЕРНИЗАТОРОВ

(Аспекты перестройки)

Журнал «ат-Тавхид» №1 1994г.

1. Банализация происходящего как цель перестроечной пропаганды

В перестроечной прессе 1989—90 гг. обычным делом было разоблачение (иногда даже в форме интеллектуальной самокритики) так называемых мифов перестройки. Этим были заняты и “правые”, и “левые”. Действительно, за долгие десятилетия хрущевско-брежневского периода общественное мнение накопило огромное количество прописных истин, общих мест, расхожих общеинтеллигентских конвенций, построенных, как правило, от обратного, к штампам застойной пропаганды. Все эти контрштампы были вербализированы, обкатаны в гласной публицистике 1987—89 гг. Позднее эта проявленная форма альтернативного советского сознания начала представлять собой материал для демонтажа, критики, уточнений, разоблачений, т.е. всех тех публицистиско-инфомационных операций, которые гипнотизируют общественное мнение, позволяя уклоняться от реальных тем и их адекватной трактовки “в лоб”. Ни одно из критических разоблачений перестроечных мифов (о рынке, о советах, об эффективности парламентаризма и т.д.) даже не пыталось подойти к действительно интересным вопросам: что такое большевизм? Чем на самом деле была КПСС и в какой мере она действительная наследница ленинской РСДРП? В какой мере пресловутое противостояние Восток — Запад было на деле результатом сознательного сговора между американизмом и советизмом? Но самое типичное в практике перестроечной публицистики то, как она избегает ответа на вопрос, почему вообще началась перестройка.

На самом деле именно в этой проблеме содержится ключ к загадкам современной истории. Именно здесь можно нащупать один из наиболее ярких и вместе с тем наиболее тревожных парадоксов нашего времени. Поэтому типичным подходом масс медиа к теме “почему перестройка?” оказывается банализация любой ценой, снятие даже привкуса парадокса. Лидируют в этой области рассуждения о “давно назревших тенденциях”, о невозможности продолжать так дальше и т.д. Все это столь неадекватно и вопиюще не соответствует фактам, что пропаганда предпочитает не касаться этой темы вообще.

2. А был ли кризис общества?

Действительно, внутри советского общества не было решительно никаких предпосылок для радикальной переориентации. Литературно знаменитый 1984 год (до которого покойный Амальрик сулил советской власти не дожить) характеризовался полным исчерпанием оппозиционной энергии, возможностей открытого нонконформизма. Если брать неформальные силы общества в самом широком спектре — от шизоидно-богемных интеллектуалов, чьей представительской фигурой был полуподпольный (сейчас право-истеблишментский) писатель Юрий Мамлеев до чисто политических диссидентов, ориентированных на академика Сахарова — они с 1972 до 1984 года прошли такой путь разложения, распада, разочарования и приспособления, что говорить о них как о политическом факторе в предперестроечное время нельзя. Это, кстати, подчеркивается тем обстоятельством, что лидирующими фигурами перестройки сразу же стали истеблишментские деятели, которые и до ее начала были у дел. Старые же нонконформисты вылезли не сразу, а лишь на четвертом году горбачевской эры. Только в 1989 стала популярна тема “шестидесятников” и того, что они якобы сделали, чтобы нынешнее время стало возможным.

Но дело в том, что даже когда нонконформисты еще были политическим фактором (1956—68), это был очень второстепенный служебный контролируемый фактор. Если вынести за скобки искренние иллюзии и доходящее до мании величия самообольщение, существовавшее на периферии в низах “параллельного общества”, остается факт постоянного рабочего диалога между верхами диссидентуры и истеблишментом режима. Только наивные не осведомлены, что обмен людьми и идеями существовал между Востоком и Западом всегда. Достаточно сказать, что радиостанция “Свобода”, ставшая в СССР символом “серой” пропаганды и подрывной деятельности, постоянно контролировалась Комитетом с полного ведома и согласия как ЦРУ, так и самих сотрудников “Свободы”[1].

Чувство реального требует признать, что никаких признаков катастрофы не ощущалось и в экономике. Сейчас, когда муссируется тема застойно-советского паразитирования на природных ресурсах, трудно встретить хотя бы вскользь брошенную информацию о реальных масштабах промышленного экспорта СССР, в котором, конечно, лидировал ВПК[2]. Однако СССР был крупнейшим экспортером оружия (в 1984 году примерно на $25 млрд). Только ежегодные закупки Ливии ($4 млрд) покрывали половину стоимости хлебного импорта ($ 8 млрд). Так что о каком-то “проедании” ресурсов говорить можно лишь с оговорками: это было сложное, многоступенчатое “проедание”, причем речь идет о ресурсах всего “третьего мира”, чей вывоз на Запад (ибо откуда та же Ливия могла получить доллары для советского оружия?) обеспечивался через посредничество советской экономики[3].

Стало быть, не было ни массового недовольства, ни катастрофического провала в экономике. Консенсус советского общества в середине 80-х был оптимальным[4]. Практически все процессы внутри страны были управляемыми.

Во внешней политике видимое противостояние набирало размах еще и через год после прихода Горбачева. На “першинги”, оккупацию Гренады, охоту американских ВВС лично на Муаммара Каддафи советская пропаганда отвечала в жестком тоне.

И вдруг в недрах советского режима что-то сломалось.

3. Были ли оппоненты у перестройки?

Благодаря гипнозу общественного мнения штамп о “врагах перестройки” прочно укоренился в сознании рядового обывателя. В действительности эта идея весьма амбивалентна. “Слева” шла критика так называемых консервативных сил — партаппарата, великодержавников, которые противостоят демократическим завоеваниям. Но “справа” эти завоевания критикуются как издержки перестройки. Можно, конечно, рассматривать эту формулировку как защитно-демагогическую, которая лишь прикрывает ненависть “правых” к перестройке как таковой. Однако это не более чем “левая” мифологема. В действительности на сегодня в стране нет реакции в собственном смысле слова, т.е. сил, которые бы стремились восстановить доперестроечный status quo. Мы, конечно, говорим именно о силах, а не о частных лицах, чьи мнения и пожелания ничего не стоят.

На самом деле между “правыми” и “левыми” идет борьба не “за” и “против” перестройки, а за овладение ее перспективами, за то, чтобы пройти экзамен на финальное историческое выживание именно в этих перспективах. Только такой подход дает ключ к расшифровке, в общем-то, загадочного для непосвященных перестроечного жаргона, начиная от “плюрализма” и перехода от “классовых ценностей” к “общечеловеческим” и кончая знаменитым “главное — нáчать”[5]. Не случайно все руководители КПСС включая

наиболее одиозных постоянно подчеркивали, что именно они и были инициаторами перестройки. Общественное мнение сейчас не склонно фиксировать заявления такого рода; их отбрасывают в “бумажную корзину” привычного коммунистического словоблудия. Хотя все ЗНАЮТ, что перестройка началась сверху, но никто в это НЕ ВЕРИТ. Точнее, есть мифологема, что перестройку начал один Горбачев, “перехитривший всю партию, но якобы и он не знал, куда она зайдет[6]. Это типичный пример банализации действительности вопреки фактам и логике; банализации; которая избавляет общественное мнение от шока правды.

4. Когда началась перестройка

В практике пропагандистской манипуляции фактами нет мелочей. 1985 год стал годом-символом, сравнимым лишь с 1917-м. Понятно почему: во-первых, будучи годом прихода Горбачева к власти, он работает на концепцию уникальной миссии “генсека-антикоммуниста”. Во-вторых, будучи следующим за 84-м, который немало мифологизирован в свою очередь, он подкрепляет установившуюся традицию, удобен для банально ориентированного мировосприятия. Однако в самом 85-м не произошло никакого видимого разрыва с советской политической преемственностью. Не произошло такого разрыва и в следующем году, несмотря на очень осторожное введение понятия “гласность”...

Подлинный поворот к тому, что происходит сейчас, причем не только в СССР, но и во всем мире, начался лет за 6 до XXVII съезда. И начался он, как ни странно это может показаться на первый взгляд, с вторжения Китая в приграничные территории Вьетнама. В XX веке дорогостоящие и амбициозные авантюры стали наиболее эффективным способом деморализовать, скомпрометировать, а в итоге и устранить пошедшие на них режимы. Военные авантюры стали подлинными увертюрами к “перестройкам” как регионального, так и мирового масштаба.

Итак, в 1979 году Китай сделал первый шаг к своей перестройке, предприняв одну из самых неорганизованных, антипрофессиональных, абсурдистских операций подобного масштаба в современной военной истории. Это было концом декларативного маоизма и началом эры прагматиков.

В том же году, только в самом его конце, на десять месяцев позже китайцев, СССР приступил к аналогичной акции, осуществив вооруженное вторжение в Афганистан. У этой акции, конечно, было много настоящих, не декларативных целей (в частности, содействие глобальной дестабилизации исламского мира: не забудем, что 1979 был годом исламской революции в Иране, против которого почти одновременно с советским захватом Кабула начал боевые действия Саддам Хуссейн[7]; учтем также, что следующим кандидатом на исламскую революцию был Пакистан), однако главной целью ставилось создание предпосылок для перестройки.

Война Запада руками арабских секуляристов[8] против исламского Ирана и непосредственное участие СССР в войне против мусульман Афганистана (а фактически и против Пакистана) необычайно интенсифицировали процессы глобального характера, меняющие суть эпохи. В эти конфликты, именуемые масс-медиа “локальными” и присутствующие где-то на периферии обыденного внимания, было на самом деле вовлечено прямо или косвенно сознание, психика, кровь, жизненная энергия сотен миллионов людей. Началось гигантское перемещение капиталов и кредитов. Сотни миллиардов нефтедолларов, авансированных Ираку финансировали то, что журналистами

называется “технологический прорыв постиндустриального Запада”, а на деле является технологическим обеспечением нового мирового порядка.

С 80-го года начинается рост карательной активности мирового истеблишмента, жестокое игнорирование второстепенных государственных суверенитетов, одновременно с возникновением специфически провокационных авантюр, последствия которых служили тщательно выверенным целям[9].

5. Признаки новой эры в СССР

Афганская операция (по поводу которой политологи все не могут решить, кто же несет ответственность)[10], стала катализатором мощной химической реакции в реторте советской политической системы: целые эшелоны функционеров определенного типа стали “выпадать в осадок”. К типологии и внутреннему смыслу номенклатуры нам придется вернуться позже. Сейчас достаточно отметить, что в руководящем аппарате существовали (и существуют) две тенденции: “автохтонов” и “мондиалистов”[11].

Они разделились и стали в оппозицию друг другу после смерти Сталина, который гармонически воплощал их в своем лице, будучи одновременно автохтонным вождем и мондиалистским лидером[12].

Бесспорно, нет такого номенклатурного деятеля (и чем крупнее его калибр, тем это очевиднее), который бы был целиком однозначен: у “автохтона” неизбежно есть мондиалистский аспект, пусть даже выраженный очень сложным косвенным образом, иначе его принятие вовнутрь властной структуры было бы невозможным. У самого истового “мондиалиста” должно быть родимое пятно автохтоннсти, иначе он не сможет оперировать в такой империи, как евразийская.

Тем не менее с 1953 года и по сей день СССР является ареной ожесточенного противоборства этих тенденций, носившего до 1979 года относительно закулисный характер. Видимая, откровенная, декларативная перестройка означает просто, что мондиалисты добились стратегического перелома в свою пользу в ходе борьбы.

Начало открытой конфронтации выразилось в ударе по коррупционерам. Нынешние советские граждане очень актуально воспринимают недавние перипетии общественной судьбы знаменитого следователя Гдляна — “номенклатуробойцы”, разросшегося одно время до эпических пропорций героя комиксов. Однако, антикоррупционный террор против чиновников — “автохтонов”, связанных с теневой экономикой, начался еще при Брежневе. В 1980 году была предпринята операция под кодовым названием “Каскад”, первая среди мощных ударов по “традиционной” партократии. Аресты тысяч теневых бизнесменов создали предпосылки для политической компрометации целых блоков номенклатуры.

Типична политическая философия этого мондиалистского удара: коррупция и автохтонность синонимичны, эта синонимичность должна закрепиться как моральная аксиома в массовом сознании.

Инициатором этого наступления бесспорно был КГБ — главный оплот мондиализма в советской системе, обеспечивший технически как последующую перестройку, так и всю серию “бархатных” и “кровавых” революций в Восточном блоке[13].

6. Миссия КГБ в Евразии

Сейчас постепенно становится расхожим местом упоминание КГБ как организатора революционных преобразований в коммунистическом мире. Владимир Буковский в своем интервью “Огоньку” говорит об этом как о чем-то самом собой разумеющемся. Тем не менее какой-нибудь год назад радио “Свобода” расценивала информацию о том, что “бархатную” революцию в Праге осуществлял первый зам. председателя КГБ генерал-полковник Глушко, как дешевое мифотворчество. Вера в то, что КГБ является охранительной консервативной силой, была (и пока остается) присущей как правому, так и левому обывателю. Очевидно, однако, что это типичная иллюзия отчужденного от власти человека с уммы, для которого контроль (или, точнее, гнет) над ним неотделим от чувства исторической незыблемости, неустранимости режима. В действительности охранительные структуры во все времена были одним из важных источников политической нестабильности. Чтобы не ходить далеко, упомянем лишь пример так называемой царской охранки: ее роль в трагической судьбе Романовых бросается в глаза всякому, кто этим интересовался без предвзятости[14]. Взаимопроникновение, взаимопропитывание охранительной агентуры и революционеров — не парадокс, а норма. Это становится понятным, стоит лишь глубже задаться вопросом, откуда и каким образом обзаводится режим как защищающими его органами, так и ниспровергающими его подрывными элементами. И то и другое должно быть прежде всего профессионально[15], иначе об адекватном функционировании не может идти речь. Но подлинный профессионализм исключает самозарождение, самоорганизацию, самодеятельность, требует преемственности поколений профессионалов, традиции, школы. Профессионализм, особенно в среде социального контроля и субверсии[16] генетически родственен традиционному посвящению и всегда несет на себе родовую печать мастеров основоположников.

Позволим себе небольшой экскурс в историю. Русская охранная служба организовывалась начиная с XVI века баскаками и мурзами, перешедшими на службу в Московское царство, и опиралась на сеть осведомителей, созданную еще ордынскими спецслужбами. Ордынские же методы в основе были заимствованы из императорского Китая. Они исходили из концепции “пресекания зла в корне”; другими словами, лицо или группа лиц, замеченные в антигосударственной деятельности, немедленно задерживались и уничтожались. Этот китайский подход, усовершенствованный чингизидами, лег в основу практики всех регионов, находившихся под монгольским, а затем и тюркским контролем. (До монгольского завоевания ничего подобного не было в халифате за почти 6 веков его истории.) Китайско-монгольские методы требуют огромной сети малоквалифицированных осведомителей, относительной примитивности (однородной атомарности) общества и в сколько-нибудь протяженной перспективе неэффективны. В период противоборства Востока и западного (в первую очередь протестантского) экспансионизма с XVII по XX века они не выдержали конкуренции со стороны англо-голландских методов. Последние же кладут в основу идею “манипулировать злом, чтобы оно нейтрализовывало себя само”. Это означает высокую технику провокаций, создание подставных организаций, диверсии на интеллектуальном уровне, руководство противником через глубоко законспирированную агентуру. В истоках англо-голландского подхода парадоксальный симбиоз двух школ: психолого-аналитическая, созданная диаспорой, и тайная дипломатия имперского Рима.

Концепция современной разведки сложилась вместе с расцветом в Европе торгового миропорядка, пришедшего на смену традиционной цивилизации. Международный класс финансистов, практически совпадающий с элитой диаспоры, образовывал универсальную информационную структуру, осведомленную о конъюнктуре рынка, социально-политических перспективах в любое время, в любом месте. Именно здесь берет начало “джентльменский клуб” мировых разведок, в сущности единая глобальная спецслужба,

разведенная по национально-государственным “квартирам”. Из Генуи и Венеции Возрождения мировой информационный центр переместился в Амстердам и Лондон “нового времени”. Разведки, ныне входящие в “джентльменский клуб” (получившие профессиональное посвящение из законного преемственного источника), допущены к жизненно важной информации мирового уровня и контролируют судьбы народов и движений. Маргинальные второстепенные спецслужбы обречены либо функционировать на подхвате, либо вечно проигрывать профессионалам.

Вернемся, однако к КГБ. На его счет распространен миф о преемственности в отношении царского Охранного отделения. В этом нет ни грамма действительности. Пресловутая охранка принадлежала как раз к маргинальным (по мировым меркам) учреждениям, обреченным на поражение, так же как впоследствии службы аналогичного калибра (португальская ПИДЕ в 1974, иранский АВАК в 1979) Не- и недопрофессионалов всегда уничтожают всерьез, профессионалы же не тонут никогда! Создателями “карающего меча революции” были инструкторы “Интеллидженс сервис”. У английских спецслужб имелись прочные связи в петербургском высшем свете, в гвардии. С началом мировой войны англичане сотрудничают с разведкой российского Генерального штаба. Не только десятки тысяч офицеров, впоследствии перешедших к Троцкому, но и часть высшей аристократии империи была задействована в тайных механизмах революции. (В этом аспекте особенно привлекает деятельность великого князя Кирилла, отца нынешнего претендента на Российский престол[17].)

Но, разумеется, наиболее многочисленную часть инструкторов составляли вернувшиеся с революцией в Россию сионистские эмигранты, традиционно сотрудничавшие с “Интеллидженс сервис”[18]. Так что знаменитый английский разведчик Сидней Рейлли вряд ли был расстрелян, потому что шпионил за большевиками. Скорее всего, он работал в самом центре взаимодействия ЧК и “Интеллидженс сервис” и представлял опасность. С Савинковым тоже далеко не все ясно. Имея хотя бы некоторые представления о чекистских методах работы, естественнее предположить, что с операцией “Трест” дело обстояло обратным от общеизвестной версии образом: Савинков был агентом ЧК, концентрировавшим вокруг себя реальную оппозицию. “Трест” представляется подлинным антибольшевистским подпольем, выявленным через авторитет и престиж Савинкова. Заодно Савинков сдал в ЧК (а через него и мондиалистской спецслужбе) достаточно подробную картину настоящей оппозиции мондиализму в Европе: ведь он был близок ко многим нонконформистским тенденциям своего времени, в том числе консервативным революционерам Италии. Если так, то уход Савинкова к белым оказывается глубоко продуманным ходом[19] (о котором Сидней Рейлли должен был знать). Возможно, дело Азефа, так таинственно ускользнувшего от преданных им эсеров, может предстать в другом свете.

Создание ЧК — НКВД — ГПУ — КГБ в геополитическом плане явилось событием первостепенной, даже глобальной значимости. Оно одно уже полностью оправдывает все издержки и усилия по осуществлению большевистской революции. До 1917 года гигантская (1/6 суши) территория Северной Евразии была белым (относительно) пятном на карте мондиализма. Япония уже тогда вошла в Мировой Порядок, Индийский субконтинент был частью Британской империи, Передняя Азия, юридически независимая благодаря Османскому государству, не могла эффективно противостоять тотальной субверсии англичан, использовавших арабский национализм и кое-какие другие факторы. Через большевистскую революцию и создание евразийской спецслужбы мондиализм установил прямой контроль над землями бывшей Российской империи (одновременно империи Чингисхана, Александра Великого, а в легендарной древности — империи Рам). Это означало вовлечение в глобальные политические стратагемы новых бесчисленных

ресурсов, людских резервов, возникновение новых возможностей[20]. КГБ, бесспорно, — член “джентльменского клуба” мировых разведок, пользующийся в силу этого историческим иммунитетом. Он контролирует Евразию, специализируясь по исламскому миру[21]. Он создал свои филиалы в виде “Штази”, “Z-Z” и насеровской “Мухабарат”, компании с ограниченной ответственностью и возможностями, которые по необходимости приносятся в жертву. Комитет государственной безопасности, как и “Интеллидженс сервис”, как и ЦРУ — организации, с которыми он тесно сотрудничает — является мондиалистским учреждением, представляет и защищает в СССР интересы мондиализма, обеспечивает посвящение в мондиализм потенциальных лидеров партии и государства. Это система, в которой с самого начала не было ничего автохтонного.

7. Образ КГБ в народе

На первый взгляд эта тема не имеет прямого отношения к “аспектам перестройки”. В действительности анализ мифических представлений, связанных с КГБ и распространенных в самых широких слоях, может помочь в решении критической проблемы: каковы психоидеологичесие корни мондиализма в низовом автохтонном слое евразийского населения? Иными словами, насколько народ (народы) Северной Евразии может стать не невольным, как до сих пор[22], а сознательным орудием нового мирового порядка на равных правах с англоязычным население планеты?[23]

Первый вопрос, который мы должны сформулировать в этой связи, таков: ощущает ли народ в какой бы то ни было (пусть совершенно бессознательной) форме мондиалистскую природу КГБ? Ответить на этот вопрос далеко не просто. Дело в том, что комитет в массовом сознании подвергся фетишизации и превратился в один из важнейших объектов квазирелигиозного поклонения. Он стал неким воплощением мужского полюса народной души, взяв на себя в значительной мере “отеческие”, авторитарно-патерналистские функции. (Этому не мешает и чекистская ответственность за кровь миллионов, память о расправах над самим же народом: мазохизм только подогревает патерналистский аспект культа.)

Не нужно думать, что в данном случае речь идет о безобидной идеализации: “обожествление” КГБ носит вполне серьезный буквальный характер. Так для многих носителей великодержавной ориентации Комитет стал последней надеждой на национальное и государственное спасение от хаоса, неким “deus ex machina”, который вмешается в историю в последний момент...

Такая идеализация уже сама по себе неизбежно амбивалентна: КГБ, с одной стороны, не может быть чем-то чуждым, внешним, противостоящим; с ним народ должен ощущать ту степень родства, которая обеспечивает патерналистскую связь, уверенность, что сила Комитета — это его, народа, сила! С другой стороны, этот же Комитет не допускает панибратства, свойскости, повседневной близости, в отличие, скажем, от милиции: КГБ загадочен, но его тайна позитивна, противоположна негативной тайне масонства, Запада. Это экстериоризированная тайна самого народа в том смысле, что сам народ религиозно ощущает собственную загадочность для себя самого; это ощущение и есть то, что раньше называлось “богоносностью”.

Любопытно, что некоторые аспекты народных представлений о КГБ разделяются (а может быть, сознательно поддерживаются) демократами. В частности, идея об отсутствии коррупции, неподкупности органов (тоже в противовес МВД). В контексте левой пропаганды это парадоксальным образом усиливает отрицательный имидж: дополнительный штрих к портрету этакого нечеловеческого монстра. Но важным, с нашей

точки зрения, представляется следующее. Выше мы говорили, что коррупция в схеме мондиалистской морали прочно ассоциируется с автохтонностью, местной "заскорузлостью"[24], она превращается чуть ли не в фольклорно-этнографическую черту. Коррумпированность локальна, дремуча, нецивилизованна, неподкупность — рациональна, культурна и типизирует общечеловеческое.

Убеждение в неподкупности КГБ реально свидетельствует об открытости массовой эмоционально-инстинктивной сферы для мондиалистской суггестии.

8. "Народ и партия едины"

У огромного большинства советских людей на протяжении всей советской истории существовало стойкое убеждение в своем социально-политическом противостоянии миру. Концепции "одной отдельно взятой страны", "враждебного окружения", "крепости социализма", эффективная и ясная идеологема "вызова, брошенного старому миру", все это укрепляло комплекс своей особости, противопоставленности "всеобщему", существовавший и до революции. 1917 год усилил этот комплекс тысячекратно, сделал его практически религиозным стержнем советизма. Дело, однако, в том, что если до 17-го года комплекс имел под собой какое-то основание (Российская империя не была однозначно интегрирована в мировой порядок), то это основание исчезло после 17-ого — большевистская революция явилась сугубо мондиалистским феноменом, и одной из ее задач было устранение недостаточного универсализма, недостаточной "открытости" царской России[25]. Это кажется парадоксальным в свете пресловутой закрытости советского общества, "железного занавеса" и т.д., тем не менее это вопрос лишь акцентов, ярлыков, привыкания к штампам. Американское общество является не менее закрытым и "занавешенным", будучи бесспорно мондиалистским. Весь вопрос в том, что считать "занавесом": невозможность обывателя уехать за границу? Это несерьезно, к тому же в таком случае мондиалистский Запад сегодняшнего дня гораздо менее открыт, чем 100 лет назад. Главное вот что: может ли в данную страну прибыть эмигрант (тем более многочисленная группа эмигрантов) с установкой принципиально сохранять свою самобытность, не становиться частью коллективного сознания? Стоит лишь представить себе перебирающихся в США эмигрантов, уверенных, что они никогда не станут американцами, и при этом американское общество, спокойно позволяющее им не быть таковыми... Общество, которое внешнему-то миру не желает позволить отличаться от Америки! В то время как в Европе настаивают, чтобы живущие там турки всегда оставались именно турками, индийцы — индийцами, арабы — арабами, в то время как для традиционного Востока немыслима какая либо митисация, подгонка под шаблон, molting pot, Америка требует от всего своего населения американизма, СССР — советизма. Тотальный конформизм независимо от правил въезда — выезда есть единственный "железный занавес", притом не только не противостоящий мондиализму, но функционально обслуживающий его.

Советское общество характеризуется фатальным непониманием своей роли, своей миссии в истории. Между тем призывы к мировой революции, идея "всемирной советской республики" типологически ничем не отличаются от установки на новый мировой порядок, новое мышление и общечеловеческие ценности, все эти пароли — позывные современного мондиализма. В феномене ленинизма язык реальной политики впервые совпал с эсхатологическим языком визионеров, еще раз доказав, что политика есть функциональное производное от сакральной истории.

Тогда что же такое, наконец, ленинская партия большевиков? Каков ее реальный статус в контексте, скажем, всемирного правительства, не того, которое хотел учредить Ленин

после победы мировой революции, а реального, постоянно контролирующего демифологизированную перспективу? Почему именно она пришла к власти, будучи в гамме революционных сил далеко не самой перспективной организацией?[26] И, может быть, самый центральный вопрос: как партия смогла в середине тридцатых из космополитической стать великодержавной?

Ответ может быть только один: эта партия, единственная из всех, выражала нечто фундаментально евразийское, некий архетип, присущий глубинам имперской коллективной души, то, что парадоксальным образом одновременно апеллировало к самым несовместимым типам: еврейскому банкиру и петербургскому аристократу, патриотическому офицеру и люмпену, Рериху и Максиму Горькому (последнему, по крайней мере, до 1918 года). То-есть было в этой партии что-то столь попадающее “в десятку”, что ее вызвали из политического небытия, посадили в красный угол, отогнали тех, кто варил кашу с самого начала, и пестовали 70 лет, ибо слепому должно быть ясно, что ее историческое выживание обеспечивалось мировым порядком с самого начала[27].

Секрет этой партии, бесспорно известный мондиализму, грандиозен и вместе с тем прост, он лежит на поверхности, более того, он был предметом пропаганды, раскрывался и интерпретировался в бесчисленных лозунгах, так что прочно вошел в “пятно незрячести” всеобщего интеллектуального внимания: эта партия была глубиннейшим, последовательннейшим образом антиэлитарна, предельно антиэлитарна в каждом шаге, в каждом мельчайшем проявлении. Здесь мы не имеем в виду демократизм, популизм и т.п.: это все интеллигентские мелочи. Ленинский большевизм антиэлитарен метафизически, тотально, он гносеологически делает выбор в пользу объекта против субъекта, в пользу субстанции против сущности, в пользу чистого движения против формы... Диалектика против понятия, общее против особенного, количество против качества, масса против единичного. Можно ли вслед за Шафаревичем подвести итог этому ряду противопоставлений, сказав, что это был однозначный выбор в пользу смерти против жизни? Тогда большевизм не обладал бы тем бесспорным жизнеутверждающим соблазном, который существовал параллельно с пространством “Чевенгура” и “Котлована”... В большевизме, действительно, ничто сосуществовало и, более того, диалектически взаимодействовало с пафосом силы, присутствия, перспективы... Короче говоря, с пафосом наглядного позитива. В этом разгадка, почему большевиком мог стать аристократ, интеллектуал, поэт — не в меньшей мере чем матрос или рабочий. Человеческое сознание к XX веку “исчерпало ресурс доверия” к персонализму в самом широком смысле. А персональное, а субъектное стало гарантом правды, некоей неотразимой бесспорностью. Большевизм гносеологически явился последней апелляцией к “объективной истине”, перед тем, как человечество, вступая в нынешний миропорядок, окончательно сделает выбор в пользу субъективного идеализма[28]. Мондиализм дал шанс этой уникальной — а вместе с тем судьбоносной, универсальной, долженствующей быть партии, чтобы она этот шанс исчерпала, чтобы выработать до дна еще и эту мифологему коллективного чаяния.

Партия с ее культом субстанции, материи, массы (и что самое удивительное, реальным, магически действенным культом! Вот почему Ленин боролся с интеллигентскими версиями “массолюбивости”: эти версии неоперативны, неискренни, ненародны) неизбежно должна была вступить в подлинный симбиоз с народом, для которого этот культ органичен. Народ фактически обрел в партии “церковь” своей органики. И если это “воцерковление” стоило самому народу огромных жертв, это означает, что живые люди не тождественны в своем реальном быту глубинным архитепическим пластам собственной коллективной души.

Именно поэтому в один момент партия из космополитической организации профессиональных революционеров стала массовой великодержавной партией. Это осуществилось под незримым метафизическим напором судьбы, которая лишь маскируется изощренными политическими интригами конкретных людей. Логика истории партии имперсональна, как логика химической реакции: она предопределена природой вовлеченных веществ и исключает волюнтаризм[29].

9. Особенности партии нового типа

Чтобы не потерять связь с реальностью, надо ни на один момент не упускать из виду, что партия с самого начала была инструментом мондиализма, потенциальным механизмом непосредственного мондиалистского контроля в Евразии. Ееособость заключается в том, что в целой гамме таких же инструментов, столь же преданных мондиализму партий (эсеров, кадетов, назовем любую! в том числе и меньшевиков...) она была единственной фундаментально антиинтеллигентской, единственной, всерьез плюющей на всякий индивидуалистический психологизм, на любой личностный аспект как на буржуазную пошлость. Иными словами, она была механизмом в буквальном смысле слова (эсеры могли развалиться оттого, что в их рядах оказался Азеф; большевикам было в принципе наплевать, что в их рядах оказался Родион Малиновский). Стало быть, объединяла в своей природе три аспекта: она была мондиалистской, безусловно управляемой, и одновременно абсолютно народной (именно в том принципиальном, а не наивно-буквальном смысле, который только и важен). Именно такого (или очень близкого типа) организации — т.е. имеющие в себе единство этих трех условий — обречены на успех.

Что стала делать партия, придя к власти? Она стала прежде всего реализовывать свою собственную изначальную природу, развивать три своих главных составляющих и их единство как гарант политического выживания. Очевидно, что все процессы (в политическом, социальном и судебном смыслах), затеянные партией — от коллективизации и индустриализации до чисток себя самой, — порождены логикой и потребностями этого триединства. В этом контексте следует понимать и уничтожение "ленинской гвардии" — их уровень антиперсонализма не соответствовал масштабу страны и ее геополитической миссии, нуждающейся в подлинно анонимном механизме управления.

Нельзя не отметить здесь к месту следующий момент. Можно быть яркой личностью в маргинализме, но нельзя быть яркой личностью в истеблишменте. Сам принцип истеблишмента утвержден на том, что экзистенциальное (т.е. сопряженное с живым присутствием конкретного свидетеля "здесь и теперь") — это неправда. Правда только в легальном порядке, чей авторитет исходит из анонимного безличного консенсуса. Легализм исключает свободу, исключает вертикальную ответственность, исключает личную власть. Но он вынужден считаться с тем, что ниже истеблишментского уровня бродит экзистенциальный хаос. Поэтому легализм допускает (только в репрезентативную среду) личностный фактор, но обязательно в рамках социального балагана. Иными словами, личность на посту обязана быть шутом, коверным на политической арене. Вообще, все персонализированное на мондиалистском уровне допускается лишь в качестве буффонады, фундаментальной самодискредитации. Идеальной властной структурой на Западе является шут, воплощающий "личное начало" для толпы, чья деятельность обеспечивается аппаратом роботов. Сколько ни есть имен, на которых фиксируется массовое сознание, все это шуты, и за каждым — четкий внимательный мертвый механизм "обеспечения". Шуты берут взятки, механизм — никогда; шуты постоянно разоблачаются как подкаблучники, импотенты, наркоманы или, на худой конец, придурки с нелепыми причудами; с них снимают штаны и порют всенародно; если

— не дай Бог — завелось подозрение на харизматичность, немедленно — импичмент и солидное выволакивание в грязи. Что же, вы думаете, порют и валяют в перьях? Да этот самый личностный фактор, пока еще не вполне устраненный из “человеческих ценностей”! Культ личности, на который большевики вынуждены были пойти[30], (хотя мыслили вполне мондиалистски: роль личности ничтожна, все определяется “объективными законами”, каковые суть просто модификация современной западной концепции легелизма), оказался “ахиллесовой пятой” их бытийной позиции; он привязывал партию к автохтонности, местной архаике (хотя надо подчеркнуть еще раз: Сталин был — не мог не быть по своей сути — вполне мондиалистским лидером в контексте современного понимания этой роли); это же, собственно, и было направлением перестроечной коррекции социализма — культу личности противостоит идеал правового государства! После Сталина последующие лидеры все больше соответствовали западной истеблишментской модели, описанной выше[31].

10. Народность и партийная “евгеника”

Многое в текущей истории перестало бы казаться непонятным или, наоборот, само собой разумеющимся, если отбросить определенные табу, ограничивающие контакт исследователя с жизнью и охраняемые фатальной склонностью общества к банальному. Эти табу, в частности, касаются генетических мотиваций политической борьбы, иными словами сферы, в которой измерение власти пересекается с измерением расовой и кастовой наследственности. Бесспорно, в умолчаниях подобного рода играют роль комплексы, возникшие в итоге II-й мировой войны. Это не избавляет нас тем не менее от факта, что в мировоззрении всех международно известных политических сил, окончательно сформировавшихся к XIX веку, имплицитно заложены элементы расизма и социал-биологизма, представляющего собой, по сути, некий “социальный расизм”[32].

Борьба каст действительно является намного более древним, серьезным и далеко идущим явлением, нежели борьба рас. Социал-дарвинисты и эпигоны Гобино чрезмерно раздули историческую значимость последней, в то время как эпоха сугубо межрасовых столкновений практически совпадает с новой историей, началом образований колониальных империй и сознательного похода против духовного традиционализма. Иными словами, расизм в современном общепринятом смысле исторически связан с окончательным проявлением современных же мондиалистских тенденций.

Традиционное общество в большинстве примеров было многорасовым, но линии конфронтации внутри него не проходили через сугубую биологию. Ориентация на принципиальное знание, исходящее из внечеловеческого источника, дает возможность игнорировать чисто имманентные различия.

Однако различия человеческой природы, обусловленные врожденными кастовыми модальностями, имеют прямое отношение к тому, как само это знание используется обществом, к судьбе откровения в истории. Поэтому конфликт между кастами входит в жизнь традиционной цивилизации. С крушением “вертикальной” перспективы духовные типы людей, соответствующие кастам, не перестают воспроизводиться, но искажаются и вырождаются, и их противоборство приобретает черты той политизированности, отчужденности и механицизма, которые позволяют маскировать его под борьбу классов. За столкновением экономических интересов кроется драма генотипов, стремящихся обеспечить свой приоритет или, по крайней мере, выживание в политическом пространстве. Генотип, а не его носитель на самом деле стремится выступать как подлинный субъект полиса. Это отчетливо видно на примере парламентов кризисного периода, еще не нивелированных “новоделов” интегральной “истеблишментизации”.

Известно, что один из наиболее болезненных и вместе с тем табуированных упреков в адрес большевиков является упрек в генетической неавтохтонности, проще говоря, в том, что значительную часть кадровых революционеров составляли выходцы из черты оседлости. Парадоксально, по крайней мере на первый взгляд, что при таком солидном космополитическом параметре, заложенном как бы в саму субстанцию партии с самого начала, она тем не менее оставалась органически народным учреждением. Весь этот космополитизм не помешал партии сразу же после прихода к власти начать осуществлять с железной последовательностью программу “пролетарской евгеники”, отсеивающей всех, имеющих отношение к “бывшим”, от сколько-нибудь значимых социальных перспектив и дающей зеленый свет в первую очередь наиболее обездоленным интеллектуально и образовательно элементам. Разумеется, принципом этой “контревгеники” был изначальный фундаментальный антиэстетизм, в конечном счете все та же ненависть к личностному и фетишизация количества. Однако в результате партия, оставаясь мондиалистским инструментом, одновременно становилась еще и орудием евразийского порядка, своего рода инструментом евразийской судьбы. Этот момент выступает еще острее, если учесть, что пораженные в правах “бывшие”, как всякий правящий класс с давней историей, в той или иной степени космополитичны по самой своей природе, стало быть, если не генетически, то, по крайней мере, структурно и даже психологически имеют по сравнению с народными низами больше общего с еврейской диаспорой (включая и наиболее обездоленные ее элементы).

Выполняя контревгеническую программу антиэлитизма, (а не выполнять ее этот идеальный механизм контроля не мог), партия неизбежно должна была на каком-то этапе освободиться и от космополитического элемента в своих аппаратных структурах. Это было частью ее самореализации, частью той специфической евразийской судьбы, которую она активизировала[33]. Механизм партии как института судьбы устроен так, что все новые слои должны вовлекаться в статус “бывших”, по мере того как к политическому солнцу поднимаются все более донные слои социального субстрата: происходит актуализация в виде нормы тех планов ментализации, коллективной души, которые еще вчера были грезой утописта или судебного психиатра. Так, сначала вполне естественно “бывшими” являются низвергнутые правящие классы, затем вчерашние красноармейцы из крестьян, потом партийцы из еврейских интеллигентов, наконец, сталинисты из батраков и пролетариев, далее хрущевцы из советской неоинтеллигенции, потом опять-таки из общенародного симбиоза постинтеллигентов и постпролетариев...

По мере углубляющейся актуализаии антиэлитного, антиличностного (процесс, идущий неровно, где-то по спирали, и, конечно, отнюдь не с тотальной эффективностью) растет выпадающий в осадок слой разнообразных “бывших”, между которыми идут интенсивные процессы взаимодействия, отбора, слияния... Вчерашние политические враги становятся историческими союзниками. Это органический процесс формирования диссидентуры в самом широком смысле демдвижения, ибо суть демдвижения в вынужденной обусловленной[34] солидарности весьма пестрых элементов, которых объединят прежде всего то, что все они “бывшие”. Таким образом, они являют собой как бы негативый слепок реализуемой партией судьбы. Партия, осуществляя заданную в своей структуре народность, творит из бывших некий параллельный “теневой народ”. Этот “теневой народ” плюралистичен и находится в оппозиции тому институту, который курирует автохтонную судьбу. Стало быть, этот народ неизбежно промондиален в своих ориентациях и даже бессознательных симпатиях.

Важнейшим моментом контревгенической практики оказалось то, что она очень быстро превратилась в средство социально-расовой самозащиты евразийских низов, тех людей, которые вне партийной протекции проиграли бы в конкурентной борьбе. Благодаря

антиэлитной избирательности режима именно наиболее обедненные от природы элементы получили возможность не только выжить, но и сделать карьеру. Народу в целом это нанесло колоссальный ущерб, ибо протежируемое "дно" закрепилось в качестве этнической доминанты[35]. Евразийское имперское начало в итоге оказалось импотентным при сколько-нибудь длительной конфронтации с мондиализмом. Кроме того, сама партия с роковой неизбежностью исчерпала ресурсы дальнейшей дегуманизации и впала в зависимость от своих же "клерков", "белых воротничков", партийной интеллигенции. Трудно точно оценить ту роль, которую технический аппарат (референтура) сыграл в политическом кризисе властных структур. Можно лишь отметить, что партийная интеллигенция в отличие от выборных функционеров всегда связана с: а) "бывшими", б) КГБ, в) международными инстанциями, без чего она не могла бы профессионально действовать; и, во-вторых, что "клерки" (аппарат) всегда и всюду были источником кризиса и поражения своих патронов. Возвращаясь к началу этой главы, повторим: многие веши проясняются в свете той борьбы, которую носители конфликтующих генотипов ведут за то, чтобы обеспечить себе историческую преемственность, дать своей наследственной модальности социальный шанс... Скажем, полемика вокруг 6-й статьи конституции. Для одних ее сохранение — это гарантия социально-расовой защиты, ее отмена — их уход в историческое небытие. Для других, наоборот, упразднение 6-й статьи — долгожданный реванш, та неизбежная драматическая развязка, когда партия, обратив в "бывших" кого только возможно, в итоге делает "бывшей" сама себя и клепсидра исторического равновесия переворачивается.

Не может быть никакого сомнения в том, что эта социальная мясорубка, кончающаяся самоубийством главного действующего лица — партии, является фундаментальной частью сознательной стратегии мондиализма. Он действует всегда в теснейшей, почти симбиозной связке с автохтонным началом, использует его как инструмент, подводит к кризису и конфликту с собой и затем побеждает. "Общее" математически предопределено выигрывать у "частного".

11. Посткоммунистическая Евразия в планах мондиализма

В сегодняшней жизни, к сожалению, практически не происходит ничего непредвиденного. неуправляемого, самопроизвольного. К сожалению — потому что квазитотальная законтролированность человеческого существования сводит к минимуму духовное измерение истории, превращает ее в часовой механизм рока. Естественно, с метафизической точки зрения этот контроль не более чем самообольщение; духовная реальность может в любой момент перечеркнуть, отменить весь механизм "общечеловеческой" мондиалистской цивилизации, налаженные с такой дьявольской тщательностью ("увести это творение и привести другое" — Коран)... Тщета контроля время от времени проявляется в сбоях, накладках, просчетах, ярчайший пример чего дает рождение Исламской Республики Иран.

Надо признать, однако, что в повседневной политике этот пример исключителен. Во всяком случае, ничего непредсказуемого и неконтролируемого не происходит в процессе перестройки в СССР, при том что она — математически выверенное и заданное еще в начале советского режима событие. Естественно, люди, погруженные в поток непосредственной жизни, воспринимают происходящее как хаос, возникший вследствие ошибок управления, или злонамеренный подрыв самих собой разумеющихся ориентиров, ценностей; люди, в той или иной мере приверженные идолопоклонству, никак не могут взять в толк: все, что только может быть в принципе разрушено, обязательно будет разрушено, ибо что-что, а негативная возможность должна реализовываться сполна. И дело, естественно, не в пессимизме, не в "субъективном подходе", дело в осуществлении

фундаментального принципа метафизики: “У Абсолюта нет ничего равного Ему”. Надо просто иметь в виду, что свойства неуничтожимости, неувядаемости, самодостаточности присущи только Абсолюту.

Империи рушатся, величайшие из них стали прахом, и об их историческом существовании осведомлены далеко не все ныне живущие потомки их былых подданых. Вопрос в том, рушится ли в данный момент советская империя, присутствуем ли мы при ее конце? Быть ей или не быть — сегодня, как и в 1917 году, решают не населяющие ее народы, а правящие круги мира.

Заинтересованны ли они в окончательном распаде государственного образования, занимающего шестую часть суши? Будем логичными: нельзя отменить конкретные структуры региональной власти, не поставив на их место всемирную структуру, которая немедленно и повсюду взяла бы на себя функции упраздненных “суверенитетов” Ни ООН, ни Бильдербергский клуб, ни трехсторонняя комиссия технически не приспособлены играть роль исполнительной власти. Кроме того, нельзя отменить одну региональную силу, сохранив другую. Иными словами, нельзя упразднить в качестве империи СССР и не упразднить при этом в том же качестве США. Разумеется, и до этого дело дойдет, и, возможно, скоро, ибо было бы ошибкой отождествлять американский (как и любой другой) империализм с мондиализмом: США — лишь инструмент последнего, обреченный, как и всякий инструмент. Но именно сегодня о демонтаже американской государственности вопрос не стоит. Значит, он не может стоять и в отношении советской, ибо это два неразрывно связанные, взаимодополняющие компонента мирового контроля.

Существует еще немало политологов, которые мыслят в категориях именно империализма, империалистических интересов, считая их последней инстанцией в определении геополитики. С этой точки зрения расчленение, захват, физическая оккупация, прямое администрирование контролируемых пространств выглядят как вполне адекватные цели, которые могут ставить перед собой хищнически ориентированные государства, в том числе и в отношении России. Но дело в том, что реальные интересы международного истеблишмента (настоящей последней инстанции в принятии глобальных решений) не только транснациональны, они трансимпериалистичны, эти интересы не совпадают с хищническими интересами кого бы то ни было. А как же, можно спросить, интересы тех самых транснациональных монополий, гораздых грабить сырье и контролировать рынки сбыта? Увы, эта ситуация тоже в значительной мере уходит в прошлое. Сейчас мир стоит на пороге того, что сам рынок в его привычном понимании превратится в экономический архаизм. Господствующий капитал (а господствующим сейчас является только ростовщический) все меньше заинтересован не только в том, чтобы скупать, но даже и в том, чтобы продавать. Приоритеты политэкономии недавнего прошлого теряют силы.

Можно быть уверенным в том, что громадные пространства Северной Евразии по-прежнему предпочтительнее сохранять под эгидой автохтонного суверенитета: это чрезвычайно сберегает силы и средства и — что намного важнее — гарантирует стабильность. Кроме того, нельзя забывать о такой пусть второстепенной, но все же имеющей свой вес детали: на территории, подлежащей непосредственному контролю, приходится создавать соответствующую инфраструктуру (которая далеко не сводится к своему материальному воплощению!). Это означает делегировать данной территории ряд очень специфических возможностей, даже некоторых полномочий. Так, Индия не смогла бы сегодня стать региональной минисверхдержавой, если бы не получила определенную инфраструктуру от английской администрации. Но полномочия, связанные с этой инфраструктурой, англичане смогли доверить только Индийскому национальному

конгрессу, партии, созданной британской “Интеллидженс сервис” в 1881 году в перспективе независимости, полученной три поколения спустя! Кажется невероятным? А разве в конструкцию Союза 70 лет назад не закладывались параметры, функциональный смысл которых становится ясен только теперь?

Статус, отводимый мировым контролем России ближайшего будущего, в чем-то напоминает бразильский (не случайно во время перестройки резко активизировались советско-бразильские контакты). Бразилия является ведущей державой южноамериканского континента, России отводится место ведущей державы азиатского. У России есть Сибирь, у Бразилии — нечто аналогичное, так сказать “Сибирь Южного полушария”. И то и другое — Сибирь и Амазонская сельва — регионы хищнической эксплуатации и экологического бедствия. Кроме того, этнический автохтонный субстрат Северной Евразии и Южной Америки родствен. Россию мондиализм принуждает разоружиться, — Бразилия только что под давлением мирового контроля отказалась от собственной ядерной программы. И та и другая получают в свое ведение полицейское курирование регионов, объявленных “второстепенными”. В прошлом у обеих стран — свержение монархии, гражданские войны, крестьянская партизанщина, жестокие диктаторские режимы в одно и то же время (Варгас, президент в 1930—45 и 1950—54 гг., покончил самоубийством перед лицом растущего кризиса в стране). Даже перестройки в России и Бразилии начались одновременно: в 1985 г. завершилось 20-летнее правление военной хунты, начавшееся, кстати, одновременно с брежневской эпохой.

Конечно, до недавнего времени СССР сравнивался с США, представляя собой как бы их альтернативный аналог, но это время прошло. Все же сравнение с Бразилией условно: существенно большая значимость России заложена, во-первых, в ее центральной географической позиции в Восточном полушарии, во-вторых — в исторической миссии.

[1] “Измена” разведчиков, переходящих на сторону противника, на самом деле является одной из старейших форм делового сотрудничества между соперничающими разведцентрами, составляющими интернациональный “джентльменский клуб”. Но это отдельная тема.

[2] В 1990 году СССР вывез товаров на общую сумму $102 млрд (примерно четверть американского и германского экспортов).

[3] Таким образом, мир 60—80-х гг. был остроумно организованным механизмом, где Запад сбывал остаточный продукт соцлагерю, а тот, в свою очередь, уже свой остаточный продукт “третьему миру”. Такая система сознательно поддерживалась заинтересованными сторонами через искусственное завышение цен на западную продукцию и занижение на советскую. В начале 80-х за стоимость одного американского танка можно было приобрести три советских.

[4] Даже андроповские массовые облавы на граждан в банях и кинотеатрах были встречены либо с циничным безразличием, либо с одобрением. Конформизм не имел границ.

[5] Le fameux adage gorbatchenen, prononce en patois de son region natale dont l’imitation est devenu le “gag” tres repandu.

[6] Заместитель Председателя Верховного Совета Белоруссии предложил Горбачеву признаться, что он не знает, как быть дальше.

[7] При массивной поддержке СССР и Запада.

[8] “Из рукава иракского правительства высовывается американистский кулак” (аятолла Хомейни).

[9] В этом ряду стоит загадочный захват аргентинцами Фолклендов, очень напоминающий кувейтскую операцию Ирака. Антисионистский режим был явно поощрен из “хорошо дезинформирующих источников”. Разгром Аргентины политически ставил регион “на место”; он бесспорно проявился в отказе Бразилии от собственной ядерной программы... Кажется, что всех “зайцев”, убиваемых в такого рода акциях, и не сосчитать. Достаточно сказать, что до Фолклендов Латинская Америка, в том числе ее промышленный авангард, могла быть союзником в противостоянии мировому истеблишменту, после Фолклендов эта возможность была хирургически устранена.

[10] Получается, что вроде бы только ныне благополучно перемершие “геронтократы”. Сама идея, что не ворочавший языком, едва живой Брежнев может быть лично автором акции в принципе эсхатологического значения, работающей на создание нового мирового порядка, показывает, что банальность не стыдится быть абсурдной.

[11] От французского mondial — мировой мондиализм подразумевает установление единой планетарной цивилизации с универсальной системой социального, политического и полицейского контроля.

[12] В этом один из секретов парадоксальной популярности Сталина у мировой левой общественности: само превращение очевидной автохтоннсти в фактор классического мондиализма воспринималось, как поразительное чудо с огромным положительным потенциалом на будущее.

[13] Когда Генеральным секретарем стал Андропов, реакция Запада, несмотря на правозащитную критику этой креатуры, была в целом благожелательной и в чем-то напоминала реакцию на Горбачева. Диссиденты тогда возмущались: “В каком еще государстве возможно, чтобы начальник секретной полиции стал главой государства?!” Да в Америке, где директор ЦРУ Буш, мондиалист и член трехсторонней комиссии, стал президентом!

[14] Как известно, “охранка” в значительной степени руководила террористической деятельностью революционеров; многие видные террористы были ее агентами, включая, например, Богрова, убийцу Столыпина. Вообще, нет такой революционной конспирации, которая не была бы на ладони у полиции; стало быть, любой удавшийся переворот предполагает соучастие правоохранительных органов, что блестяще продемонстрировано в Чехословакии, ГДР и нагляднее всего в Румынии.

[15] Та самая “организация профессиональных революционеров”. Вообще, субверсия не может не иметь цеховую, “кастовую” в ремесленно-профессиональном смысле природу. В ряде случаев — наследственную преемственность. Если подумать, кастовая, династическая преемственность революции неизмеримо фундаментальнее, чем бесспорный “цеховизм” спецслужб. См. поучительный, хотя и тяжеловесный труд К. Каутского “История социализма”: Т. 1. От Платона до анабаптистов; т. 2. От анабаптистов до современного рабочего движения. Пг., 1918.

[16] В контексте изучения мондиализма очевидно, что субверсия в самом широком смысле есть особая форма социального контроля. Сюда кроме политической борьбы следует относить и разнообразный мир организованной преступности.

[17] Совершенно тот же сценарий разыгрывался в 1789 году. Тогдашний Кирилл — Филипп Эгалитэ.

[18] В 1917 г. в ЧК было 500 сотрудников, в 1918 — 120 тысяч! Не будь за ними профессиональных организаторов с опытом оперативной работы, эти 120 тысяч были бы сами источником дезорганизации и нестабильности для режима. Для ясности представим 120 тысяч дилетантов, принявшихся за террор!

[19] Тогда понятна и мгновенная моральная капитуляция Савинкова перед чекистами, раскаяние, призыв "разоружаться" к соратникам, поразительно легкий (по бльшевистским меркам) приговор со ссылкой на прошлые революционные (эсеровские!) заслуги. Ну а в конце, конечно, самоубийство... И художественная, весьма назойливая (через роман и телефильм) популяризация версии, строго противоположной действительно имевшему место.

[20] Одной из таких возможностей следует считать деколонизацию и создание "третьего мира", в отношении чего планы разрабатывались с 80-х годов прошлого века.

[21] За арабским национализмом стоят англо-американцы; за арабским коммунизмом — выходцы из России. Иорданскую, сирийскую, иракскую, ливанскую партии организовали лица, родившиеся в Виленской, Ровенской и тому подобных губерниях Привислянского края!

[22] "Быть невольным орудием" не означает, что у данного народа нет мондиалистских претензий. Мессианство, скажем, всемирно-революционного пролетарского толка, это самый что ни на есть мондиализм, только в его "иллюзорной" эсхатологически-несостоятельной версии. Стать добровольным сознательным мондиалистом — это отказаться от явно религиозного аспекта мирового мифа, перейти на позицию общечеловеческого, в котором исключается мистика конкретных сущностей, конкретных "коллективных бессознательных". Отказаться от своего человеческого в пользу общечеловеческого — это и значит, с точки зрения мондиалиста, цивилизоваться. Мондиализм требует психологического разоружения всех автохтонов, подчеркнуто не делая разницы между профанами и традиционалистами.

[23] Ленин считал, что в будущем сохранятся два планетарных языка: английский и, возможно, русский.

[24] "Заскорузлость", "медвежий угол" — выражения, часто использовавшиеся Лениным, который являет пример врожденного органического мондиалиста "снизу" (пролетарский мондиализм).

[25] Война с Германией парадоксально подкрепила тезис о "противостоянии" и "окружении". При этом как-то прошло мимо внимания то, что СССР участвовал в мировом фронте против континентальной Европы и что в действительности как раз Германия была "в окружении".

[26] Не будем упускать из виду, что до самого конца Романовых большевики были далеко не в гуще событий, проще говоря не в курсе происходящего (пресловутое узнавание

Лениным о Февральской революции из газет). Историю как бы делали большие (не большевики!). Внезапно “большие” полетели на свалку этой истории, и в центре оказались вчерашние маргиналы, клянчившие сотню франков на никому не известные эмигрантские листки. Даже у диссидентов хрущевского времени было несравненно больше размаха, средств, известности, политического веса!

[27] Возьмем, к примеру, знаменитую интервенцию 14-ти держав. Против 5 млн штыков Троцкого батальон англичан в Архангельске и 3000 французов в Одессе? Кому не ясно, что 14 держав курировали ход гражданской войны, чтобы она, не дай Бог, не повела к какому-то непредсказуемому исходу. А притом всю гражданскую войну американцы содержали партию большевиков, ЧК и Красную Армию вместе с их семьями (6 млн взрослых и 4 млн детей кормила АРА с 1918 по 1922 г.).

[28] Мы здесь, естественно, касаемся лишь судеб профанизма, тех масс, что вовлечены в динамику кризиса “общечеловеческого”. Этот кризис — лишь эпизод в метафизическом сценарии традиции.

[29] Якобинцы интеллигентствовали, апеллировали не к субстанции или, к примеру, сразу к ничто как к последней правде, а к всеобщему разуму, великому существу (коллективному человечеству). За это их и вышвырнули с исторической сцены очень быстро, хотя они интеллектуально гораздо ближе к Бушу и Горбачеву, чем к Ленину. Не помогло им даже то, что они убили 10% французского народа, совсем неплохо даже по большевистским меркам.

[30] Причины, вынудившие партию избрать форму культа личности для реализации своих исторических задач, будут затронуты в следующей главе.

[31] Наивны попытки защитить руководителей от издевательств: функции, которые они принимают на себя, заведомо исключают “гражданское достоинство”. К тому же закон, карающий “оскорбление величества” (Lese Majeste), связанный со священным таинством миропомазания, в применении к выборному главе профанического государства вносит лишь дополнительный абсурд в политическую жизнь.

[32] Действительно, социал-дарвинистские и расистские представления были характерны для европейской социал-демократии в веке. Многие виднейшие деятели рабочего движения во Франции были антидрейфусарами, то есть, попросту говоря, юдофобами. Шведские социал-демократы отказались от некоторых расистских тезисов своей программы только в сороковые годы, после поражения Третьего рейха. Да и национал-социализм, первоначально связанный с консервативной революцией и так называемыми “немецкими большевиками”, вырос из совершенно реального рабочего движения.

[33] То, что мы здесь называем евразийской судьбой, — определенный потенциал низов, субстанциональный полюс человеческого коллектива — дремало в санкт-петербургский период империи. Эсхатологически мондиализм не может реализоваться, не разбудив и не исчерпав до дна все возможности региональной автохтонности; она должна выявиться как инструмент глобальной стратегии, вступить с этой стратегией в конфликт и проиграть. Евразийская автохтонность была запечатана, как джинн в имперской бутылке, Соломоновой печатью самодержавия. Это стало основной причиной, почему мондиализм приговорил к исторической свалке царский режим, который не только ему не противостоял, но даже служил верой и правдой.

[34] Вынужденная обусловленность в данном случае не означает, что эта солидарность внешняя и малоэффективная. Особенно мощный глубокий процесс взаимодействия прошел между советизированным дворянством и “деклассированными” бывшими партийцами из евреев. В результате возник подлинный еврейско-дворянский симбиоз как стержень диссидентской психоидеологии.

[35] Любопытно, что в Средней Азии потомки ходжей и баев, образовавшие поначалу верхушку республиканских компартий, опирающиеся на часть старой элиты, (“компрадорские партократии”, типичные для коммунистической интервенции в “третьем мире”), вернулись в власти после почти тридцатилетнего перерыва (с середины тридцатых по конец пятидесятых), “краснопалочники”, активные помощники советской власти из беднейших декхан, так и не смогли образовать правящую группу с наследственной преемственностью. Судя по некоторым наблюдениям, генетическая основа по крайней мере части этих “люмпен-декхан” восходит к древнейшему доиндоевропейскому населению региона, возможно родственному эламитам (дравидам).

ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ - ПОСЛЕДНИЙ?

Самой удивительной чертой страны, в которой никто никогда не придавал значения закону, является долгий въедливый утомительный диспут о правовых вопросах. Быть России федеральной или унитарной? На первый взгляд — какая разница: в нашей стране все равно конституцию никто не читает, что то и дело обнаруживается при анализе вновь “сотворенных” законов. Что бы там ни было написано, как скажут — так и будет. В стране действует право неформальное, телефонное, существует масса подзаконных актов, практически в любом законе, если постараться, можно отыскать противоречия с федеральной конституцией… И вдруг возникает проблема: как так, оказывается, региональные конституции не приведены в соответствие с федеральной, понимаешь!

В действительности вопрос не сводится к византийским играм внутри госаппарата, хотя и они играют немалую роль в процессе выстраивания пресловутой “вертикали власти”. У людей, которым, во-первых, по-настоящему дорого единство и целостность своей страны, а во-вторых, сохраняется хотя бы короткая историческая память, критика федерализма должна вызывать острую настороженность. Вспомним, что в последние годы перестройки демократы, планировавшие развал Союза, выступали с резкими нападками на якобы нелепое устройство Советской империи. Коммунисты-де превратили великую Россию в собрание республик, нарезали по национальному принципу псевдогосударство… Все эти разговоры нужны были для того, чтобы психологически подготовить распад единой территории. Сегодняшний возврат критики многоукладности российского государственного устройства кажется не менее подозрительным.

Федерализм никогда никакому великому государству не мешал быть единым и вести наступательную политику. Суть в том, что многоукладность — наилучшая правовая конструкция для страны, решающей некие масштабные задачи и нуждающейся в мобилизации своих ресурсов. История это подтверждает: древнейшая федералистская структура была присуща ахменитскому Ирану — империи в высшей степени многоукладной. Несмотря на федерализм, Кир сумел мобилизовать почти полуторамиллионную армию для похода на Балканы. В новейшие времена критикуемый унитаристами СССР явился страной, способной на беспрецедентную мобилизацию, продемонстрировав колоссальный запас внутренней прочности. Кстати, главным критиком его федерального устройства — тогдашним унитаристом, так сказать, — был

Адольф Гитлер, считавший, что многонациональное политико-правовое устройство сталинской державы делает ее колоссом на глиняных ногах.

С другой стороны, известные унитаристские образования отличались исторической пассивностью и мобилизационной слабостью. Образцовым унитаристским государством был императорский Китай — крайне забюрократизированное государство, выстроенное с максимальным единообразием на всех своих территориях. Эта страна жила тысячелетиями от катастрофы к катастрофе, проходя через агонии чудовищных гражданских войн.

Впрочем, современных адептов унитаризма не интересует историческая правда о реальных преимуществах той или иной модели. Не интересует их и оптимизация политического потенциала России. Правда состоит в том, что существующая сегодня власть не нуждается в мобилизационных моделях: ей не для чего проводить мобилизацию, у нее нет ни проекта, ни цели, что особенно хорошо видно не столько по официальному Кремлю с его уже не смешными поисками национальной идеи, сколько по критикам и оппонентам этого Кремля. Когда безыдейной власти противостоят не менее безыдейные коммунисты и националисты, это уже не правовой, а цивилизационный кризис!

Именно поэтому власти нужна вся эта истерическая демагогия об укреплении "вертикали власти". Унитаризм — гениальная находка проходимцев, называющая себя "политтехнологами", новых распутиных и бадмаевых от интеллектуализма. Дело в том, что именно этот унитаристский "дискурс", ведя страну в бездну слабости, конфликтов и противостояний, одновременно создает видимость заботы об укреплении государства, имеет внешне стимулирующий допинговый эффект. Слово-то какое — унитаризм!

Сорвем маски: унитаризм — политтехнология олигархов, которые хотят окончательно устранить последнее препятствие к разделу обескровленной, обездвиженной страны между своими хищническими компрадорскими кланами. В чем их претензии к федеральному устройству? Да в том, что существуют еще некие национальные автономные законодательства, которые объявляют недра автономий собственностью проживающих на этих территориях суверенных народов; в том, что есть у этих народов харизматические лидеры, которые плохо ли, хорошо ли должны отстаивать исторические права своих подопечных перед центральной властью; в том, что есть правовое обеспечение представительных субъектов федерации, о которых даже с точки зрения мирового общественного мнения так просто не вытрешь ноги. Вот это и мешает. Мешает то, что есть еще какие-то чертовы границы, затрудняющие передвижение рабочей силы, товаров, денег. Эти границы, эти "не приведенные в соответствие" конституции мешают грабить.

Олигархи хотят ввести унитаризм, чтобы уничтожить остаток человеческой укорененности на своей земле, последнюю тень самоуправления, полисы в классическом смысле слова. Когда тираны в Древней Греции наступали на права общин, городов-полисов, они тоже делали это под флагом унитаризма, как Филипп Македонский.

Конечно, сегодняшняя Россия — не Древняя Греция. Политтехнологи, придумавшие "вертикаль власти" и "унитаризм", натравившие на региональные администрации прокуратуры, уполномоченных и прочих цепных псов компрадорского капитала, закулисно подсказывают некоторым руководителям, как потянуть время и замотать некоторые особо назойливые домогательства центра. Иными словами, федеральные бюрократы, одной рукой разрабатывая стратегию правового наступления на периферию,

другой рукой используют эту стратегию для шантажа региональных баронов в личных целях.

Россия, поделенная олигархами под политкорректным прикрытием унитаристской демагогии, окажется перед лицом последнего распада. Олигархи-компрадоры — это даже не региональные бароны, это просто сырьевики, у которых нет иных интересов, кроме абсолютно количественной жадности. Поэтому с исчезновением федерального измерения исчезнут и последние ростки политической воли, которые сейчас выживают в автономиях за счет фактора традиционной специфичности. Будет стерт этот человеческий фактор — и беззащитная страна окончательно станет политически равна нулю.

БАНАЛЬНОСТЬ КАК РОССИЙСКАЯ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЯ

Обрушение идеологического марксистско-советского пространства в России произошло не вдруг. Первоначально жесткая классовая догматика, подвергаясь критике, заменялась «общечеловеческими ценностями». Пока этот лозунг был актуален, его никто не хотел расшифровывать. Однако после расстрела в 93-м году Верховного Совета либеральные ориентиры утратили всякий смысл и наступил идеологический вакуум. В этих условиях оказалось, что Запад давно уже живет в новом замечательном методологическом пространстве — постмодернизме.

Постмодернистами в нашей стране сразу оказались практически все. В первую очередь те, кто отвечал за работу с общественным мнением и, шире, состоянием умов в России: политтехнологи. Анализ того, что называется в нашей стране постмодернизмом, приводит к двум несколько неожиданным выводам. Во-первых, этот термин, которым на Западе квалифицируют образ мысли профессиональных интеллектуалов и критиков искусства, у нас служит для обозначения умонастроения как богемной интеллигенции, так и массовых «образованцев». Во-вторых, если на Западе постмодернизм есть концентрированное выражение недоверия ко всему, что хотя бы отдаленно напоминает посягательство на человеческие свободы, то в России под вывеской постмодернизма проходит вызывающе циничное и наплевательское отношение к этим самым свободам, правам и вообще любым социальным ценностям. Этот термин у нас стал обозначать нечто эквивалентное пресловутой «карнавальности», заведомо несерьезное, подчас издевательское восприятие практически любых культурных реалий. Наконец, российский постмодернизм — это лицензия на возведенную в ранг идеологии безответственность в искусстве, жизни и политике.

Великий русский культуролог Михаил Бахтин в свое время недаром рассмотрел «карнавальность» как смеховой ответ низов на принудительную серьезность элиты. Россия в этом плане создала свою версию карнавальности-постмодернизма гораздо раньше, чем его изобрели во Франции и США высоколобые умники — критики литературы. Первым проявлением этого феномена стал имажинизм — литературное течение, оформившееся в 1919-м, к которому недолго был близок Сергей Есенин. В программных текстах Анатолия Мариенгофа, Вадима Шершеневича («содержание — часть формы») можно было уже тогда обнаружить то, что впоследствии было осуждено как формализм: поиски эффектного стиля, пренебрежение к смыслу, разорванный конгломерат образов. Этот «метод» мировидения идеально подходил стоявшей за имажинистским кружком мелкобуржуазной богеме. В конце концов, мелкая буржуазия, составлявшая с учетом крестьянства подавляющее большинство населения России, тоже имела свой элитарный слой, который расцвел в первые годы после революции. Однако

огромное большинство стремительно люмпенизировавшейся мелкой буржуазии под влиянием сталинских реформ обрело себя в создании совершенно новой социальной корпорации, имя которой — советская бюрократия.

Традиционно во всех странах и эпохах этот слой в основном комплектовался из безродных разночинцев и образованных люмпенов, но только в СССР бюрократия стала социальным классом, овладевшим собственностью на средства производства. В конечном счете это неизбежно привело к давно предсказанному Львом Троцким еще в 1935 году феномену приватизации.

Приватизация заставила правящий класс, избавившийся от бремени марксистской демагогии, искать новые инструменты интеллектуального контроля масс. Имажинизм вернулся с другой стороны — из 1919-го в 1991-й — в виде политтехнологий (по крайней мере так, как их понимают в Москве), которые являются чисто российским изобретением.

Имажинизм — теперь уже политический — вошел в наше культурное пространство с Приговым и куртуазными маньеристами, Пелевиным и Сорокиным и радостно объявил себя тем самым «постмодернизмом», на котором-де стоит весь «продвинутый» Запад.

Парадокс России, однако, в том, что, ссылаясь на цивилизованный пример, она всегда забегает вперед и становится лабораторией, в которой отрабатывают ужасы будущего. Так и здесь: то, что стало принципом новой российской культуры и, соответственно, новых способов влияния на толпу, — это чисто наше открытие, которое бесспорно вот-вот станет достоянием завтрашней всемирной тирании.

Мы имеем в виду феномен «банального сознания», который лежит в основе основ российского постмодернизма (включая послереволюционный имажинизм). Что такое «банальное сознание»? Каждому известен синдром старого фотоальбома: хозяйка, чтобы занять гостя, раскладывает перед ним ворох фотографий, на которых запечатлены родственники, друзья, случайные люди в хаотичных, не связанных между собой ситуациях. Часто тот, кто показывает эти фотографии, не помнит, кто есть кто. В ворохе моментальных клише отражена как бы сама жизнь, как ее понимают люди, не способные к рефлексии: хаос спонтанных моментов, не соединенных между собой внутренней логикой.

На самом деле банальное сознание есть способ, которым обычный человек защищается от страха смерти. Хаос образов без связи и внутренней иерархии создает иллюзию непрерывности. Постоянство, сохранение status quo, надежда на будущее — это психологические пароли, которыми открывается доступ в кладовые доверия как низов, так и верхов. Для того чтобы выйти к этим паролям, сознанию мало быть просто хаотичным, ему надо превратить свою бессвязность в способ истолкования мира.

Банальное сознание — это разорванное мировосприятие, объявившее свою изначальную бессвязность подлинной правдой жизни. Нетрудно понять, что банальное сознание идеально адаптировано для будущего информационного общества, прообраз которого был уже дан в гениальной антиутопии Джорджа Оруэлла «1984».

Тайна управления людьми — в их небывалой по сравнению с прошлыми временами зависимости от информации, которая раскладывается на знаки, квантуется, перетасовывается, подчищается… Однако для того, чтобы быть эффективными, основанные на информации политтехнологии должны овладеть неким фундаментальным приемом, без которого они — только мечта политтехнолога о настоящей власти.

Этот прием также открыт и освоен в России: «ложное узнавание», оно же «ложное различение». Без этого открытия толпу невозможно убедить, что она живет не в «совке», а в стране, приобщившейся к «цивилизованному мировому сообществу». Невозможно внушить избирателю, что Зюганов несет угрозу не только для его имущества, но и для его физического существования. Невозможно заставить обывателя поверить, что Чечня представляет собой такой же вызов геополитическому существованию России, как в свое время Третий рейх. Все эти вещи достижимы, только если банальное сознание стоит на двух могучих китах «ложного узнавания» и «ложного различения». По сути, современные российские политтехнологии есть своего рода итог карнавально-смеховой «традиции». Но самый, так сказать, «смех» состоит в том, что пафос этих технологий — обеспечение политической преемственности, проще говоря бессрочного выживания узкой узурпационной группы, в которой воплощена мелкобуржуазная бюрократическая диктатура, когда-то установленная Сталиным и продолжающаяся при Ельцине и Путине.

Гейдар Джемаль. Банальность как российская политтехнология / Журнал “СМЫСЛ”. № 5.

ПСИХОАНАЛИЗ КАК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЯ

Главная проблема сегодняшней общественной жизни в России — тотальная апатия населения, отсутствие в людях внутреннего стимула к политической жизни. Народ как будто «размонтирован» изнутри. Любая активность представляется бессмысленной, возможные риски, а тем более жертвы — дурацкими, любые идеи — виртуальными. Все проекты партий, движений, все идеологии существуют в этом состоянии духа словно «понарошку». На этом психически крайне тревожном фоне тем не менее идет какой-то вялый поиск некой «национальной идеи» (о котором временами забывают).

Чтобы понять суть происходящего, представляющего собою поистине духовную катастрофу всенародного масштаба, нелишне заглянуть в научные методики, позволяющие так или иначе оценить глубинную психологию больших коллективов, разобраться, если так можно выразиться, в психическом подполье, без которого не обходится ни одна цивилизация. В последние годы в культурно-идеологическом обиходе российской читающей публики появились книги классиков психоанализа, причем не только Зигмунда Фрейда, но и менее известного в России, в какой-то степени «эзотерического» идеолога другого направления этой школы Карла Юнга. Юнг явился создателем глубоко разработанного им представления о «коллективном бессознательном», в которое погружены отдельные группы людей, целые народы и в конечном счете все человечество.

«Коллективное бессознательное» конкретного народа представляет собой своеобразный слоеный пирог, в котором существуют компоненты принципиально разных порядков. Наиболее близким к бодрствующему сознанию коллектива оказывается память об исторических травмах, вокруг которой объединяется человеческая общность — этнос или суперэтническое образование. Так, для народов СССР исторической травмой, формирующей советскую общность, была революция 1917-го года, а потом — и даже в гораздо большей степени — Великая Отечественная война. Именно травма трагического четырехлетнего напряжения всех народных сил с огромными жертвами, которое привело к победе 1945 года, стала той «точкой сборки», вокруг которой строилось наднациональная «новая историческая общность» — советский народ.

Помимо истории, «коллективное бессознательное» формируют также и минувшие, сданные в архив духовные традиции и идеологии. Так, например, после крещения Руси старая языческая религия уходит как бы «вниз», в психическое придонное отложение, давая о себе знать фольклором, предрассудками, народными обрядами и т.д. Но дело на этом не кончается. После раскола те православные, которые приняли реформу Никона на обыденном уровне, стали нести прежнее христианство как некий дополнительный слой «коллективного бессознательного». После революции, когда весь народ был отправлен в единую образовательную систему, где его стали учить диалектическому материализму, и никонианское христианство отправилось туда же вниз, в «придонное отложение» народной души.

Эти слои потерявших актуальную силу и приоритетность традиций ведут себя «внизу» очень активно. Они сложным образом перемешиваются, оказывают давление на обыденное сознание, на повседневные идеи… «Коллективное бессознательное» является источником энергии для того, что на данный момент выступает как сознательный идеал — «сверх-Я». В сущности, именно этой схемой руководствовались наши доморощенные психоаналитики, когда в практике советских церемоний имитировали ритуалы старых традиций: ленинские комнаты и красные уголки вместо былых красных углов с божницами, манифестации с портретами вождей вместо крестного хода, парторги вместо попов с исповедью и т.д.

«Сверх-Я» (или, в западной терминологической версии, «супер-эго») является безусловной духовной доминантой любой цивилизационной общности во все времена. Это тот принципиальный идеал, который мотивирует альтруизм, законопослушность, претерпевание невзгод и, наконец, самопожертвование. Характерной чертой «сверх-Я» является его недосформулированность, сверхрациональность. Если речь идет о действительно религиозной традиции, такая сверхрациональность совершенно естественна. Мировоззрение верующего человека опирается на сознательно принятые догмы. Если же мы имеем дело с современными агностикоми (а они в не меньшей степени руководятся «сверх-Я», чем традиционные верующие), то их представление о благе, о высших ценностях, по необходимости рациональные, должны специально оставаться в состоянии недоговоренности, чтобы быть действенными. Современный европеец-агностик никогда не признается на сознательном уровне, что личность папы Римского или далай-ламы воплощает для него чудесное измерение блага, предъявленное воочию. Однако на бессознательном уровне это именно так.

Для советских людей их квазирелигиозный идеал («сверх-Я») выражало слово «коммунизм». Интеллигенты и простые люди, говоря о коммунизме, прибегали к самым разным, в том числе и фантастическим соображениям. «Голубые города» Алексея Толстого и титанические чаяния героев Платонова, ноосфера Вернадского, «Туманность Андромеды» и «сады на Марсе» — все это входило в обобщенный недосформулированный, но необычайно притягательный образ великого блага, одновременно «трансцендентного» и вещественного. Именно оно — это благо — заставляло молодых людей жертвовать здоровьем и молодостью на строительстве городов в тайге, БАМа, разнообразных ГЭС… Это то, что Александр Проханов в своих текстах неоднократно называет «красным смыслом». Один из сильнейших ударов по этому «красному смыслу» был нанесен хрущевской «Программой партии», принятой на 22 съезде КПССС в 1961-м. И дело не в том, что Хрущев обещал построить коммунизм (воплотить намеренно недосформулированный «красный смысл») при жизни одного поколения — за двадцать лет, гораздо более тяжким психологическим проступком Хрущева было то, что он этот «красный смысл» четко определил… как изобилие продуктов питания!

До Хрущева было понятно, что при коммунизме «колбасы будет навалом», но никому в голову не приходило, что именно в этом и будет состоять суть коммунизма. Хрущев, а за ним профессиональные идеологи и комментаторы однозначно заявили: да, именно в этом. Те, кто рассуждали о ноосфере, прекращении действия второго начала термодинамики в масштабах Вселенной как космической сверх задачи человечества, и другие «красные» космисты-мечтатели были осуждены как завиральные фантазеры, занимающиеся «богостроительством». Вот это и подготовило второй, окончательный удар по «сверх-Я» советского народа, который был нанесен в годы горбачевской перестройки.

Что произошло тогда? Бесчисленные популяризаторы нового демократического концепта стали подробно описывать, формулировать, раскладывать по косточкам большой советский миф. Этот квазирелигиозный «красный смысл» в течение нескольких поколений получал огромный энергетический поток снизу из донных слоев общенародной психики. Его питало восходящее тепло от переведенного в статус бессознательного христианского слоя, хранившихся там же около него слоев христианского сектантства и даже наиболее темный и старый фольклорно-языческий слой.

Психоаналитики перестройки взорвали и осквернили «тайну». А она была не слишком-то объемна, не слишком-то сложна. В квазирелигиозном поле советского «суперэго» не было пространства для маневра, отступать было некуда. Битый на вещественно-космическом фронте советский визионер-коммунист не мог отступить в трансцендентное, потому что был привязан к рациональному как к догме. Неразвитость оперативно-мыслительного инструмента в СССР привела к тому, что критика коротичей, шахназаровых, гайдаров оказалась убийственной (хотя случись «наезд» такого же масштаба на «суперэго» в любой другой стране, он бы, во всяком случае, не вылился в духовную катастрофу).

В США уже многие десятилетия либеральная интеллигенция анализирует (и оплевывает) национал-патриотическое великодержавное «суперэго» простых американцев. И ничего! Даже накал антивоенного движения в годы вьетнамской войны не сломал хребет «американской мечте», которая продолжает бодро лягаться даже сегодня. Дело в том, что советский народ слишком верил своей интеллигенции, слишком любил ее. У нас же была самая читающая публика, в любом колхозе коротичевский «Огонек» зачитывали до дыр. В свое время газета «День» писала, что страшный удар ножом в спину советской власти нанес артист Михаил Ульянов: он ассоциировался у народа с образом маршала Жукова и вдруг пошел к режиссеру Сергею Соловьеву играть роль профессора-антисоветчика в диссидентском фильме. Для людей это было почти так же, как если бы сам маршал Жуков отрекся от «красного смысла»!

При аналитическом рационализировании, формулировании и тем самым убийстве идеала-«суперэго», которое получало энергию из коллективного бессознательного, во внутреннем психическом «небе» народа образовалась своего рода черная дыра, через которую внезапно ушла энергия психической «земли». То, что наслаивалось в черноземе бессознательного столетиями — язычество, христианство, секты, космизм, — вылетело в трубу в одночасье. Приметой этого — и доказательством! — может служить то, что концепции-архетипы, ранее существовавшие как бы во внутренней тьме, в невысказанности, сегодня выходят на поверхность и постмодернистски обыгрываются как ни к чему не обязывающие элементы повседневного сознания. То же язычество, немыслимое как публичный дискурс в еще не тронутое разложением советское время, сегодня становится площадкой для «ультракультурных» игр скучающих идиотов. Христианство, два поколения назад гревшее людей своей запретностью и гонимостью (при этом парадоксально трансформируясь в чаемую правду коммунизма), сегодня стало

демонстративно носимым нательным крестиком и руганью в адрес кавказцев. Соль потеряла силу. Все дискурсы стали виртуальными.

Как ни странно, это означает полный крах всяких поползновений имитировать религию в имманентно-вещественном «пространстве». Все, что было квазирелигиозным и методологически материалистическим в XX веке — национал-социализм, коммунизм, «мировая деревня против мирового города» и тому подобные проекты, — разгромлены и больше не вернутся. В значительной мере этот разгром стал возможным еще и потому, что само существование «суперэго» есть уже отчуждение «чаемой правды» от того, кто ее чает. Нельзя передоверять свой идеал институтам, цели которых не есть твои подлинные внутренние цели! Восстановление политической воли придет только с политизацией религии и возвратом к тем методикам сознания, которые Запад практиковал последний раз в эпоху Возрождения. Ведь сейчас мы тоже выходим из своеобразного средневековья…

РОССИЯ: РАЗГРОМ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО СТАРОГО СВЕТА

«Старый Свет», а не «Евразия»!

Крах национал-патриотического баасистского режима в Ираке под ударами американской военной машины — независимо от того, было ли это итогом военного поражения или сговора Саддама с Бушем, — открыл новую главу в современной истории. Эта глава называется «финальная конфронтация сверхэлит». На одной стороне находятся силы, которые правят гигантским евразийским материком, имея свою инфраструктуру, представителей и агентов влияния практически повсюду; на другой стороне — силы, управляющие Новым Светом, американским материком. И те и другие сформировались не сегодня и даже не вчера — их кристаллизация шла в течение по крайней мере последних трех столетий (а для Старого Света — и побольше).

Особый смысл эта конфронтация, вошедшая сегодня в активную проявленную фазу, имеет для России. Наша великая страна, занимающая практически весь север Евразийского материка, с начала XX века находится в особых отношениях с США. Америка помогала подготовить и осуществить переворот 1917-го. Она была противовесом, не позволившим Европе ликвидировать новое политическое образование на карте — СССР, она сама вышла в сверхдержавы благодаря тому, что традиционный европейских империализм был скован советским фактором. Во многом Россия и Америка связаны между собою тандемным «контрактом». “Холодная война” явилась своеобразным проявлением этого партнерства-соперничества. Поэтому сегодня судьба России является своеобразным контрапунктом негативной производной от судьбы США.

Почему мы употребляем термины «Старый» и «Новый Свет”, а не ставшие для современного читателя привычные термины «Евразия», «морская и сухопутная цивилизации», «римланд» и «хартланд» и т.п.? Геополитика, оперирующая географическими категориями, которые она возводит в ранг метафизических и историософских, — это тупиковый метод, «буржуазная лженаука» по оценке недавнего прошлого. Под Евразией принято понимать пространство Российской империи, в то время как нас интересует интегральное единство всего материка, которое включает в себя и Европу, и Китай, и Индию, и исламский мир, а среди них, конечно же, и Россию. Как

принадлежащие к целому компоненты, эти разнородные цивилизации сведены в единый Старый Свет одной общей основой: традиционное единство тех политических корней, из которых выросло все нынешнее человеческое «пространство» на нашем материке. Это значит, между прочим, что Конфуций гораздо ближе Джону Стюарту Миллю или Вольтеру, чем любой из них — классическому представителю американской цивилизации. Вся культура и менталитет Старого Света объединены через Вавилон, павший сегодня под нашествием американцев, несущих совершенно иную формулу бытия.

Россия — Старый Свет с черного хода

В 1917-м году в Российской империи произошло событие беспрецедентное: в ней в лице династии Романовых была уничтожена часть материковой сверхэлиты, которой доверялось управление этой одной шестой суши. Это нельзя сравнить ни с казнью английского короля Карла I, ни с гильотинированием французского монарха Людовика XVI. Тогда не наносился удар по самому биологическому корпусу тех элит, которые позднее преемственно образовали нынешнюю правящую верхушку мира. В России же реальная верхушка была сведена фактически к формату Зимнего дворца. Именно поэтому с точки зрения мировой олигархии на территории России возникла «черная дыра», которую невозможно заполнить, ибо допуск свежих кадров в круг сверхэлиты закрыт после революции Мэйдзи в Японии и подавления сипайского восстания в Британской Индии. Те, кто мечтают образовать новую династию на российском троне в постсоветскую эпоху, просто не понимают традиционного происхождения ныне правящей миром корпорации знати, чьи корни уходят в генеалогические недра Старого Света.

Итак, на месте России возник СССР — мощнейший вызов империализму. Мы давно разучились думать политически и забыли, что это такое — империализм. Это слово, происходящее от латинского корня «impero», подразумевает несокрушимый сплав финансового могущества, победоносных легионов, и — самое главное — неотъемлемого божественного права *традиционной* знати на безграничную власть. Империализм — это патриции. Поэтому либеральное представление о «советском империализме» грешит той же виртуальностью и приблизительностью, как и все наши политические метафоры.

Суть же в том, что, проиграв в “холодной войне”, Советский Союз исчез как живой субъект реального политического пространства, но остался в виде разлагающегося трупа — номенклатуры и присоединившихся к ней люмпенов, которые приватизировали имущественное и политическое наследство СССР и эксплуатируют его в личных целях. «Советская власть» кончилась в качестве политического явления, но она еще пока существует как фантом, в котором сконцентрированы худшие черты «советизма», приведшие эту власть к историческому поражению: засилье коррумпированной безыдейной бюрократии, отстаивающей свои шкурно-корпоративные интересы и готовой продаться любому подходящему хозяину.

В этом смысле эпоха Путина есть последняя логическая фаза «загробного существования» этого советского фантома. Сдача Средней Азии американцам, уход флота со всех баз за границей, организация гражданской войны с собственным населением на Северном Кавказе, превращение бывших союзников в Восточной Европе во врагов, полное отсутствие стратегической перспективы и даже воли иметь таковую — все это ставит нас перед перспективой конца самой страны и, вероятно, всех нас вместе с ней. Дело не в Путине или каком-то другом отдельно взятом администраторе. Это объективный процесс обрушения проигравшей системы. Следует понять, что в логике этого процесса не может быть места договоренностям, а тем более партнерству или дружбе с оппонентом, который это поражение нанес, т.е. США. Выиграв в “холодной войне”, они обязательно должны

добить противника, вплоть до демонтажа его политической инфраструктуры и ликвидации его как самостоятельного субъекта международного права. Так было с Японией и Германией, так же США обязаны поступить и с Россией.

Состояние российской обороны делает эту развязку крайне близкой. Уже сейчас эффективность стратегического ядерного щита России под большим вопросом. К 2007-му году у нас останется несколько десятков «Тополь-М» — моноблочных ракет с характеристиками, уступающими по точности наведения разделяющимся боеголовкам тех систем, которые за выработкой ресурса будут сняты с вооружения. Останется 1—2 стратегических подлодки, отслеживаемых от баз до района патрулирования мощнейшей системой космического и морского наблюдения США. Иными словами, Россия перейдет на уровень ядерной оснащенности, сравнимый с сегодняшним КНР. Такой уровень уже сейчас пятикратно перекрывается противоракетной обороной США. В таких условиях у России остается не больше шансов на «шантаж» оппонента, чем, например, было у Саддама с его мифическим «оружием массового поражения». Однако есть основания полагать, что США не будут ждать 2007 года. Фактически они уже начали проводить активные операции по демонтажу России как суверенного государства.

Американская стратегическая мечта

В глобальной исторической перспективе поражает сходство религиозной модели, по которой возникли Северо-Американские Штаты, с исходом евреев из Египта под руководством Моисея и хиджрой (переселением) мусульман от мекканских язычников. Во всех случаях в итоге исхода создается независимая община, позднее превращающаяся в новое государственно-цивилизационное образование, которое возвращается к своим истокам, «наказывает» тех, от кого был совершен исход, и устанавливает общий контроль над политическим пространством как прежнего мира, так и нового. Несомненно, в сознании переселенцев, откочевавших за океан от тирании британской короны, четко присутствовала модель, по крайней мере, Моисеева исхода. Однако и ветхозаветный вызов евреев власти фараона, и исламская община, превратившаяся на протяжении одного поколения в общеевразийский халифат, были мировыми религиозными революциями, которые в своем протестном потенциале так или иначе актуальны до сегодняшнего дня. Политическое рождение США сами американцы также любят называть «американской революцией». Однако она не стала по-настоящему ни религиозной революцией, ни тем более революцией мировой. Причина этого в том, что протестантские общины, образовавшие ядро будущего американского общества, практически немедленно приступили к созданию аналога тех «старосветских» элит, от которых они убежали. Идеология экономического либерализма и утилитаризма, которая превращает человечество в машину по потреблению «счастья» и всевозможных материальных благ, а свободного от внешнего принуждения индивидуума делает конечной, самодостаточной целью мироздания, — это то, что объединяет правителей как Америки, так и Европы в новое время. Бесспорно, внутренняя подоплека американской и европейской элит разная: они схожи не более чем печать и оттиск. Именно это делает их и партнерами, и — в конечном счете — непримиримыми врагами в условиях глобального кризиса.

Популярна иллюзия, будто ориентированные на монетаризм США стремятся превратить весь мир в потребительский рынок для своих товаров. Те, кто так думают, смешивают понятия «американский гегемонизм» и «экономический глобализм». На самом деле американские правящие круги уже выбросили за борт как несостоятельную для их целей стратегию мирового рынка. Этой стратегии в наши дни придерживаются транснациональные корпорации. Американская администрация рассматривает ТНК как помеху для своего непосредственного военно-политического контроля над миром и как

ресурс правящей верхушки Старого Света, которая на самом деле сегодня стоит гораздо ближе к технологиям глобализма, чем Америка.

Американская «англосаксонская» протестантская элита, опирающаяся на поддержку посреднического финансового капитала, связанного с политическим сионизмом, должна теперь пойти «ва-банк» и в кратчайшие сроки разгромить основы политического могущества сверхэлиты Старого Света, потому что иначе Америка будет задушена внутренним кризисом, который периодически вызревает в ее недрах и разрешается только за счет планетарных потрясений — мировых войн. Америка не способна существовать в изоляции, но по своей изначальной природе «цивилизации исхода», государства-изгоя она не может быть встроена как подчиненный компонент в мировую систему. Это ее общая черта с Россией: она должна либо лидировать, либо исчезнуть.

Объявив войну верхушке Старого Света, США вынуждены замалчивать на нынешнем этапе свою конечную стратегическую цель: они переплетены хотя и поверхностными, но влиятельными узами совместных проектов, обязательств, договоров с Западной Европой. Поэтому удар должен наноситься не по сильнейшему и ближайшему к США, а по наиболее удаленному и слабейшему звену Старого Света. Таких звеньев на самом деле два: Россия и исламский мир. Их слабость заключается в том, что и русское, и мусульманское политические пространства управляются сверхэлитой Старого Света через посредников, верхушечных выскочек, не имеющих живых корней в почве. В России это бюрократы-временщики, в мусульманском мире — постколониальные псевдоэлиты, глубоко враждебные исламской общине, «мусульманской умме». Это делает как «ислам», так и Россию слабо структурированными, плохо управляемыми образованиями. Но это же является их наиболее опасной чертой с точки зрения США: они могут стать площадкой для развития новой альтернативной тенденции, которая окажется способной придать Старому Свету неожиданное, далеко идущее измерение. С другой стороны, именно фактор неопределенности, связанный как с Россией, так и с мусульманским геополитическим пространством, дает Старому Свету своеобразную глубину и устойчивость, является особым надысторическим ресурсом. Именно поэтому по сравнению со Старым Светом Америка выглядит плоской двумерной проекцией, комиксовой пародией на настоящую «объемную цивилизацию».

В силу этих причин США вынуждены в кратчайшие сроки взорвать силовым путем сначала мусульманское, а потом и российское политические пространства, чтобы «оголить» фланги правящей верхушки Старого Света и лишить ее маневра на этапе финальной конфронтации.

Накануне «бури в Сибири»

С учетом развала оборонной системы России ее распад практически неизбежен независимо от конкретного сценария. Как только на месте Российской Федерации возникнут несколько относительно крупных территориальных образований, претендующих на «суверенитет» под покровительством США, советский период российской истории окончательно завершится. При этом впервые возникнут условия для фундаментальной трансформации менталитета и психологии нашего народа, который привык всю свою энергию вкладывать в строительство централизованного бюрократического аппарата, неизбежно превращавшегося в худшего врага великой российской цивилизации. Именно тогда возникнет настоящая революционная ситуация, и социалистический потенциал народа, проведенного через унижения и мытарства «постпартийной» олигархической эпохи, будет преобразован в конкретное революционное силовое действие. На месте России появится два типа образований: одни

— связанные с административным прошлым централизованной системы, такие как московский и петербургский регионы, другие же — связанные с наличием сырьевых ресурсов — Урал, Западная и Восточная Сибирь. «Государственное» образование с центром в Москве окажется периферией, поскольку Москва ныне сосредотачивает 90% общероссийских ресурсов как столица олигархии, мегаполис-посредник, производящий в качестве своего продукта администрирование. Как только от Москвы отпадут в «независимость» сырьевые регионы, люди и деньги побегут из бывшей столицы туда — в Красноярск, Екатеринбург, Кемерово. Именно поэтому олигархи сегодня вводят в свои структуры транснациональные корпорации в качестве акционеров — чтобы глобалистским фактором скрепить Россию как единое поле эксплуатации и ограбления. Однако после распада сепаратистские князьки под прикрытием Америки обязательно бросят вызов ТНК, вплоть до «национализации» недр. США пойдут на то, чтобы поощрить даже брутальный «национал-социализм» в нововозникших образованиях — лишь бы отнять сырьевой ресурс у Европы, которая опирается именно на Россию как на источник нефти и газа.

В центре циклона

Распад общероссийского политического пространства приведет к масштабной миграции людей, которая во много раз превысит миграционные процессы после распада СССР. Не только толпы людей двинутся из административных центров, утративших в новой ситуации всякий смысл, но и громадная волна мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья двинется с юга на север: из Средней Азии, Пакистана, Бангладеш и арабского Востока на Волгу и в Сибирь. (При «сепаратизации» ныне существующая система охраны границ, естественно, рухнет.) В условиях развала политического и экономического пространства, многократного ухудшения и без того крайне низкого уровня жизни нынешнего российского населения, катастрофического изменения общественного сознания и т.п. огромное значение приобретут любые факторы, значение и действие которых будет выходить за узко региональные рамки и носить общеевразийский характер. Первым из этих факторов является ныне существующая мусульманская диаспора России с ее жестким кавказским стержнем. В условиях, когда в построссийское пространство хлынут с юга волны свежих мигрантов, именно всеевразийская кавказская диаспора станет наиболее действенным средством контроля и регулирования этого человеческого поля, связанного через ислам с нынешними традиционными мусульманами России.

Не следует забывать, что описанные события приведут к резкому ухудшению экономической и политической обстановки в самой Европе, поскольку она прежде всего лишится российского сырья. Параллельно тому, что будет происходить на просторах Евразии, деструктивные процессы, запущенные США, будут развиваться на Ближнем и Среднем Востоке. Именно благодаря этим параметрам возникнет действенный треугольник политической воли к освобождению Старого Света от американского диктата, а заодно — и собственной традиционной олигархии. Этот треугольник будет состоять из революционных радикальных сил Европы, России и исламского мира, но политическую базу он обретет в первую очередь на бурных и непредсказуемых великорусских просторах, где воздушно-космический контроль США и их способность к электронно-дезинформационной войне против организованного противника ничего не будут стоить.

Самое интересное в данной ситуации то, что в зеркальном отражении к 1917 году теперь не США будут поощрять русскую революцию против Европы, а, наоборот, Европа станет спонсором и партнером русской революции как единственного шанса на избавление от гегемонии вашингтонского «мирового правительства».

Гейдар Джемаль. Россия: разгром и возрождение великого Старого Света /Завтра. № 21(496).

АНТИЭЛИТАРНАЯ СУДЬБА РОССИИ

В современной России после 1991 года одна из излюбленных тем в журналистике — рассуждения о новейшей российской элите. Начиналось все как бы с юмором: “новые русские”. Но после 1993 года — критической даты в историческом календаре как Франции, так и России — юмор куда-то пропал, и о “элитах” стали говорить с придыханием. Появилось понятие “региональные элиты”, включающие в себя наиболее преуспевающую часть братвы, наиболее политизированную верхушку местного ФСБ и наиболее “бизнесменистую” часть УВД… “Элиты” особенно густо стали попадаться журналистам в казино и ночных клубах. И т.д.

Совершенно понятно, что социальное пространство нашей великой родины погружено сегодня в беспросветный хаос, посреди которого журналист — в сущности, пишущий обыватель со смешными представлениями о мире — потерянно блуждает, пытаясь подкормиться у сильных мира сего. Катастрофически деградирует социологическая понятийная система: рассуждают о “высшем” и о “среднем” классах, имея в виду критерий дохода, в то время как эти понятия являются сугубо культурными. В Англии представитель upper class может жить на скромную зарплату преподавателя, а пресловутый middle ворочать миллионами фунтов стерлингов.

Суть в том, что в России в течение последних 85 лет не существует элиты. Элита — не относительное понятие, это вполне определенная перманентная часть человечества, имеющая на протяжении последних четырехсот лет ядро, состоящее из одних и тех же фамилий, кланов, воспроизводящая один и тот же человеческий тип, преследующая одни и те же, не меняющиеся на протяжении как новой, так и новейшей истории, задачи. В эту элиту нельзя войти, украв миллиард долларов на сибирской нефти, избравшись на деньги братвы губернатором и даже став харизматическим президентом. В эту элиту практически вообще нельзя войти, потому что ее главная характеристика — отсутствие ротации “кадров” и персональная субъектная определенность на планетарном уровне.

В 1917 году в Российской империи, которая управлялась одним из сегментов мировой элиты, произошел уникальный для новой истории сбой, и этот сегмент был отстранен от власти в масштабах одной шестой суши. Видимо это произошло потому, что российская часть мировой элиты (мы подчеркиваем: не “российская элита”, а российский сегмент!) была не самой влиятельной, не самой успешной. Петр I провел политическую реформу в своей стране по британскому образцу: самостоятельно возглавил церковь, одновременно добив наследственных олигархов-бояр. Разница лишь в том, что в Англии то была католическая церковь, которая потерпев поражение там, тем не менее осталась как таковая в мире. В России упразднение патриарха и подчинение церкви чиновничьему синоду фактически лишило российскую монархию “небесного измерения”. Именно поэтому в России и смогло произойти политическое чудо: повторение судьбы английского Карла I и французского Людовика XVI — судеб, заложивших основу новой истории — с Николаем II уже в XX веке в условиях, когда архаическое цареубийство уже не должно было больше иметь места.

К власти в России в 1917 году пришла определенная группировка контрэлиты. “Контрэлита”, так же как и элита, является безусловно международным всемирным космополитическим феноменом. Однако в отличие от реально властвующего полюса его оппонент обладает гораздо меньшей персональной определенностью. Контрэлита — не стабильная корпорация одних и тех же кланов. Это живое, подвижное, меняющееся скопление личностей, каждая из которых не вписана в династическую преемственность. Единственно стабильным аспектом контрэлиты сквозь все исторические поколения остается ее генотип: одинокий герой, представитель касты воинов, выпавший из классовых и родоплеменных парадигм и вставший на позиции сознательного бунта против установленной иерархии.

Россия в XVIII и особенно в XIX столетиях была местом интенсивного формирования контрэлиты как доминирующей общественной группы. Наиболее острым контрэлитным документом в этом плане стал роман Ф.М. Достоевского “Бесы”. Характерным атрибутом социальной атмосферы “Бесов” является радикальное смешение разноклассовых элементов, сплавленных воедино общей ненавистью к существующему и готовность к беспорядкам, смерти и крови. “Смерть” вообще выступает руководящим принципом внутренней мистики контрэлиты, так же как “жизнь” (не в пошлом буржуазном, конечно, смысле) стоит в центре корпоративного мировидения элиты.

Здесь же необходимо отметить и традиционную роль еврейства в судьбах противостояния элит и контрэлит, по крайней мере на Западе и по меньшей мере со времен позднего средневековья. Особая роль евреев в западной политике связана с тем, что феодалы, противостоящие церкви, обращались к ним как к союзникам, имеющим международную финансовую оргструктуру и связи. Именно благодаря этому была преодолена изолированность и маргинальность еврейского конфессионального анклава в Европе. В России выход радикальной части беднейшего еврейства за рамки гетто стал возможным благодаря союзу с контрэлитой — ставрогиными и верховенскими, в типологии Достоевского. Вряд ли, даже несмотря на особую слабость романовского режима, контрэлита смогла бы прорваться к политической власти без поддержки беднейшего радикального еврейства — исторических наследников зелотов, сражавшихся против римского господства. Однако не следует и всерьез относиться к излюбленным монархо-патриотическим тезисам о “еврейском” характере большевистской революции. В последнем счете ее ударной силой был сплав балтийских братишек с деклассированным дворянством при широкой опоре на вооруженного сектанта.

Этот уникальный прорыв контрэлиты к власти был нейтрализован Сталиным и его деидеологизированной неоимперской бюрократией с начала 30-х годов. Те, кого Сталин поднимал на руководящие посты, а также их физическое и социально-генотипическое потомство не становились элитой; как мы сказали в самом начале, элиту можно уничтожить, но ее нельзя создать. После разгрома контрэлиты, которая до этого уничтожила элиту, Россия стала страной, вообще лишенной этого фактора как в позитивном так и в негативном аспектах. Бюрократический контрреволюционный режим, возобладавший благодаря Сталину в СССР и продолжающийся в агонизирующей форме сегодня, систематически преследовал, бросал на пулеметы в Отечественной войне, травил в ГУЛАГе, выбивал в “горячих точках” все те ресурсы, которые могли бы быть мобилизованы в “пассионарном луче”. В итоге, Бжезинский имеет в виду именно это, говоря о России как о черной дыре. Это техническое выражение, описывающее территорию, которую не контролирует соответствующий сегмент мировой элиты. Тем самым это особо опасная территория, ибо теоретически остается шанс, что контрэлита может повторить в ней опыт 17-го года. Поэтому для мирового правящего класса крайне важным является то, чтобы в России действовала четко отработанная система

предотвращения пассионарных социально-политических инициатив, чтобы эта “черная дыра” охранялась качественными “сталкерами”.

Смысл политического режима, действующего сегодня в нашей стране, именно в этом. Кремль — не элита, бандиты — не элита, олигархи — не элита. Это сброд, которому настоящая элита поручила быть смотрящими на зоне под названием “Россия” и не допускать того, чтобы новое поколение контрэлиты начало бы “резать актив и сук”. Этим же объясняется и особая контрреволюционная роль еврейского фактора в современных российских условиях, так же как 85 лет назад у этого же фактора была особая революционная роль. Помятуя о социальной мобильности евреев, мировая элита, в которую евреи в действительности никогда не входили и не входят, просто подкупает их, чтобы не допустить их смычки с радикальными революционными силами. И здесь на первый план выступает организация российско-исламского противостояния. Ведь сегодня именно ислам становится громадной цивилизационной базой, на которую может опереться современное поколение международной контрэлиты, никогда не упускавшей из виду нашу страну.

КОНЕЦ РОССИИ И АМЕРИКАНСКАЯ НОЧЬ НАД МИРОМ

Современный этап истории характеризуется специфическим противоречием, парадоксальность которого до сих пор еще не оценена глубоко. С одной стороны, существует феномен глобализма, который опирается (что бы там ни говорили оптимистические сторонники глобализации, видящие в ней исключительно благоприятную экономическую сторону) на сращивание не зависящей от национальных государств международной бюрократии с транснациональными корпорациями и мировой мафией. С другой стороны, тот же самый период характеризуется беспрецедентной за всю историю человечества концентрацией политической, военной и экономической мощи в руках одного национального правительства — США. Некоторые аналитики пытаются обойти это противоречие, рассматривая глобализм как главное направление американской стратегии. В действительности есть попытка со стороны США “оседлать” глобализм, превратить его в свой ресурс. Тем не менее американский истеблишмент остро ощущает это противоречие.

Глобализм как система политических, финансовых и мафиозных связей, опутывающая весь мир и не зависимая от каких бы то ни было национальных интересов, в том числе и американских, бесспорно, представляет собой главную угрозу для национальной государственности США. Дело в том, что совокупный ресурс международных сил, заинтересованных в глобализации, сравним, а возможно, и превышает соответствующие параметры США. Единственное, чем не обладает интернациональный глобалистский истеблишмент, — это самостоятельный силовой ресурс. Поэтому США, сделавшие своим макропроектом превращение собственной национальной администрации в правительство земного шара, рассматривают любой крупный силовой ресурс в мире как возможное орудие в руках глобализма, являющегося сегодня единственным оппонентом Вашингтону.

Главным в списке таких ресурсов остается российский ядерный потенциал. Россия сегодня — единственная страна, которая благодаря еще не до конца растраченному военному наследию СССР способна уничтожить Соединенные Штаты. С точки зрения основной заботы США русская политическая элита представляет собой источник

повышенной опасности, в некотором роде, может быть, даже более значительный чем бывшее советское руководство в эпоху “холодной войны”. Речь идет о пресловутых связях российских олигархов и политиков с международным криминалом, который входит составной частью в глобалистский новый истеблишмент. *(В этой перспективе особый интерес представляет активность Ватикана на российском направлении. В последнее время вновь созданные при резких возражениях со стороны РПЦ католические структуры России стали активно заниматься формированием русской национальной идеи. Появилось Русская католическая церковь (РКЦ), занявшая отчетливо патриотическую национальную позицию. С учетом антиамериканской позиции Ватикана и традиционных связей экуменического клерикализма с глобалистскими структурами можно предположить, что один из наихудших для США сценариев может реализоваться с неожиданной стороны.)* С этой точки зрения никакие уверения российских политиков в своей лояльности США не могут перевесить того факта, что финансовые интересы коррумпированной российской бюрократии и бизнеса тесно переплетены со структурами, которые США либо недостаточно контролируют, либо рассматривают как подлежащие преследованию. Создается довольно парадоксальная ситуация: политический класс России начиная с президента Путина всячески провозглашает новую эру партнерства между Россией и США, в особенности напирая на сотрудничество в сфере антитеррористической кампании, инициированной Вашингтоном после 11 сентября 2001 года. Такую декларацию, особенно в свете реальной уступчивости Москвы по отношению к американским притязаниям на военное господство в постсоветском пространстве, трудно дезавуировать в открытой форме. Вместе с тем американские политики и влиятельные аналитики неоднократно указывали с той или иной степенью откровенности, что США отныне не нуждаются ни в консенсусе мирового сообщества, ни в какой-либо поддержке со стороны союзников для оправдания своих действий. В ряде документов, таких, например, как исследования Национального разведывательного совета США “Глобальные тенденции 2015”, отчетливо проходит мысль, что Россия вообще не может быть союзником США в силу своей обреченности как государства. Иными словами, на фоне добровольно избранного стратегического одиночества США (при предполагающейся автоматической поддержке со стороны всех режимов, пока еще не объявленных “в розыск”), Россия не только не является другом, но, напротив, представляет собой источник единственной по-настоящему серьезной военной угрозы, которую необходимо устранить. Это означает, что главным направлением, в котором американцы видят развитие России как страны, является ее распад и уход с мировой сцены при взятии под контроль того, что останется от ее нынешних ядерных сил и высоких технологий, имеющих военное применение. Такая перспектива упоминается в аналитических документах лишь как один из возможных сценариев российского будущего, однако нет сомнения, что в действительности вся американская стратегия сегодня направлена на окончательный демонтаж России. В сущности, именно к этому сводилось содержание бесед Збигнева Бжезинского, которые он проводил в Москве в ходе своего недавнего визита, в том числе и с ведущими представителями российской военной мысли. Бжезинский оценил, что у России нет внутренних ресурсов для того, чтобы переломить нисходящую тенденцию в своей политической судьбе. При этом он сослался на опубликованную в одной из болгарских газет карту предстоящего распада России, где были очерчены возникшие на ее месте три новых образования: Европейская Россия до Волги, Сибирско-Уральский регион и Дальний Восток. По словам американского стратега, это один из наиболее мягких вариантов дезинтеграции евразийского пространства, соответствующий американскому видению. Каким же образом предполагается осуществить распад России в достаточно близкие сроки, поскольку затягивание нынешней неопределенной ситуации на фоне пробуксовки антитеррористической кампании может привести к масштабному геополитическому кризису самих США (напряженность отношений с Западной Европой, формирование

нежелательных альянсов, в частности Москва — Пекин и т.п.)? Очевидно, что радикальным решением, которое устроило бы американскую администрацию, мог бы оказаться конфликт между Россией и Китаем, в ходе которого обе стороны перестали бы существовать как суверенные государственные образования. Однако спровоцировать этот конфликт не так просто. Несмотря на то что в Кремле, по многим свидетельствам, существует синдром синофобии, вряд ли можно подтолкнуть нынешний московский режим к отчетливому антикитайскому курсу. В еще меньшей степени реально спровоцировать на антироссийскую позицию сверхосторожный Пекин. Единственным выходом в такой ситуации остается оперировать самой российской политической элитой как ведущей дезинтеграционной силой, поощряя то, что американские аналитики считают "кризисом пространства" в России. Согласно уже упоминавшемуся документу, "Глобальные тенденции…", главной проблемой, которая станет перед Россией в ее попытках выйти из кризиса, будет противоречие между сверхцентрализмом Москвы и неуправляемостью ее огромных слабоструктурированных территорий. Решающим моментом в провоцировании "кризиса пространства" должно стать стремительное наращивание американского военного присутствия в Средней Азии и Казахстане. (Астана сегодня получила уже формально более привилегированный статус, чем Россия, поскольку Казахстан объявлен Белым домом "государством с рыночной экономикой". Военное же сотрудничество между Казахстаном и США началось задолго до 11 сентября.)

В условиях превращения Казахстана и Центральной Азии в зону активного американского военного присутствия, понятно, что США получают колоссальный рычаг прямого воздействия на внутренние дела России. Ведь в случае явного поощрения Вашингтоном сепаратистских тенденций одного из российских губернаторов (или их коалиции) Москва будет вынуждена, защищая целостность России, бросать вызов США. Это немыслимо уже сегодня и становится все более немыслимым с каждым днем параллельно с драматическим ухудшением военно-стратегического положения России. Речь идет не только о потере зарубежных баз, не только об американских базах в центре Евразии, но и о военно-космическом контроле всей российской территории, информационной прозрачности для американцев деятельности всего оборонного комплекса России, мощном присутствии агентов влияния на всех уровнях, короче говоря, всего того комплекса реального американского превосходства, которого современный российский обыватель пока еще не может себе даже представить. В условиях превращения бывших республик теперь уже бывшего СНГ в военных союзников Америки, Москва просто не сможет противостоять сепаратизму окраин, которые будут поддержаны консолидированным проамериканским лобби изнутри и извне! Вот после этого, когда на месте бывшей России возникнет Европейская Московия, Урало-Сибирская Республика и Дальневосточная Федерация, Китай, с учетом прямой угрозы своей безопасности со стороны центрально-азиатских государств, поддерживающих вместе с США уйгурское национально-освободительное движение, будет вынужден вступить в конфликт по крайней мере с Сибирью и Дальним Востоком, чтобы радикально изменить баланс сил на азиатском материке в свою пользу. Это и будет долгожданным часом "Ч", знаменующим начало большой евразийской войны, которая, по мысли американских стратегов, должна лишить глобализм всякого консолидированного силового ресурса.

Сегодня невозможно рассматривать, не впадая в утопию, образование стратегического союза государств, способных бросить вызов США или, по крайней мере, оказать сдерживающее влияние на их гегемонистский курс. Национальные политики всех без исключения стран, с одной стороны, слишком напуганы возможными последствиями перед лицом явно неконтролируемой агрессивности Белого дома (этот страх включает в себя и память о судьбе панамского президента Норьеги), с другой стороны — слишком опутаны системой обязательств, контролируемых в конечном счете США. Однако, изучая

американские документы по внешней политике, бросается в глаза несколько “фигур умолчания”, когда речь заходит о всевозможных сценариях будущих угроз. Американские аналитики никогда не говорят о Западной Европе как источнике нового вызова американскому гегемонизму. Они не упоминают исламский мир как некое единое целое, противостоящее Соединенным Штатам Америки и способное стать фактором давления на них. И, наконец, в американские расчеты совершенно не входит возникновение новой всемирной идеологии протеста, способной в постмарксистский период объединить человечество против олигархического империализма. Во всех трех случаях речь идет либо о цензуре, наложенной на совершенно неприемлемый “кошмарный сценарий”, либо же о фундаментальном дефиците исторического понимания. С нашей точки зрения, стратегия всех тех сил в мире, которые стремятся отстоять свободу от империалистического диктата США, должна заключаться в реализации взаимодействия между этими тремя блоками политической реальности, которые естественным образом несут в себе иммунитет от американизма. Это означает сложное, возможно, парадоксальное взаимодействие между Европой, исламской цивилизацией и кристаллизующимся сегодня потенциалом контрглобализма как основы для нового политического интернационала.

ИСЛАМ И РОССИЯ НАКАНУНЕ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нынешнее руководство России ведет страну к политическому и военному краху, поскольку не желает понять, что для США разгром и ликвидация России как независимого субъекта международного права есть необходимый этап в установлении полного контроля над Старым Светом. (Под «Старым Светом» мы понимаем не просто Евразию, а сумму традиционных цивилизаций — европейской, североафриканской, китайской, индийской и т.д. на территории евразийского и африканского материков.) Для Соединенных Штатов сегодня существование России с ее ядерным потенциалом, даже превращающимся в миф, — неприемлимо. Вместе с тем Россия есть то слабейшее звено, ликвидация которого открывает путь к нанесению поражения Китаю, Индии и Западной Европе.

Глобальная ситуация в мире складывается следующим образом. Есть социальная сторона — это поражение СССР и социалистического лагеря в холодной войне и их распад, который дезориентировал широчайшие народные массы в мире, оставив их в состоянии апатии, угнетенности и разброда. На фоне этой дезориентации налицо признаки масштабного социального и политического контрнаступления власть имущих на интересы низов, проявляющиеся в свертывании социальных программ, отмене конституционных гарантий по поводу политических свобод и т.п. Мир стремительно становится полицейским, олигархическим, враждебным простому человеку.

Есть у нынешней ситуации также и внутренняя интеллектуальная сторона — это сопряженный с ранее упомянутым поражением СССР демонтаж марксизма как интеллектуальной системы. Дискредитация марксистского способа описывать общество и его проблемы привела к тому, что громадный потенциал мирового протеста остался без адекватного языка и тем самым без оперативного политического метода. Это дает силам угнетения и эксплуатации широчайшие возможности в плане произвола, оставляя человечество практически беззащитным.

Третья сторона, характеризующая современность, — это спровоцированный уходом с политической сцены советского блока конфликт между суперэлитами Нового Света (США) и Старого Света, штаб-квартирой которого является сегодня Западная Европа. Для США открывается уникальный шанс одним ударом решить теорему мирового господства, которая оказывалась не по зубам всем тираническим империям прошлого.

Однако по стратегическим соображениям США не могут в лоб атаковать Старый Свет как единое целое или повести штурм его наиболее укрепленной части — Европы. Ислам выбран американской администрацией как образ врага, поскольку он на символическом уровне является синонимом Старого Света и вместе с тем его, по мнению вашингтонских стратегов, слабейшим звеном.

Американская сосредоточенность на исламе как цивилизационном противнике совпадает и с другим гораздо более глубоким моментом. Исламская теолого-политическая доктрина, подобно предыдущим откровениям пророков той же монотеистической традиции, пришел в мир как идеология непринятия идолопоклонства, угнетения человека человеком, ростовщичества, лжи в отношениях между людьми, отчуждения в общественных и экономических отношениях. Поэтому ислам (так же как и религия первых христиан) есть религия сопротивления мировой тирании. В значительной мере марксизм неявно цитирует монотеистическую традицию, формулируя свою концепцию исторической («провиденциальной») закономерности.

Марксизм объявил пролетариат мессианским классом, несущим освобождение человечеству через отмену буржуазно-капиталистических отношений в экономической и социальной сферах. В постмарксистский период новым «пролетариатом» становится всемирная мусульманская община — умма, на которой сосредотачивается ярость и ненависть международных олигархов, и в особенности тех империалистических сил, которые стоят за вашингтонской администрацией.

В свете сказанного перед исламом стоят сегодня две задачи:

— освободиться от «пятой колонны» в лице национальных администраций, торгашей и наиболее конформистской части корпоративного духовенства, которые вступили в сговор с планирующими центрами США и транснациональных корпораций;

— установить контакты с мировым протестным движением, выйдя таким образом из конфессионального гетто и реализуя свой духовный потенциал в качестве авангарда борьбы за интересы простых людей на Земле.

Для этого необходимо, чтобы мировая исламская община консолидировалась как единый теолого-политический субъект исторического процесса, высказывающийся на языке политической теологии. Именно политическая теология должна стать базой новой интеллектуальной программы освобождения человечества, которую не смог по ряду причин внятно сформулировать марксизм.

В условиях наступающего геополитического кризиса, захватившего Ближний Восток и подкатившегося вплотную к сердцу России, — американцами захвачены ключевые территории бывшего СССР в Закавказье и Средней Азии — ислам должен стать третьим компонентом в стратегическом альянсе российских патриотов и европейских левых. Именно этот треугольник станет тем поворотным рычагом, который сумеет реорганизовать инфраструктуру Старого Света и выиграть приближающуюся мировую войну у сил объединенной реакции.

Аллах акбар!

МИР В ОГНЕ, ИСЛАМСКИЙ ПРОЕКТ В ОПАСНОСТИ

Выступление в институте имени Пушкина по случаю празднования дня “Аль-Кодс” (февраль 1997 г).

Тема, которую мы сейчас формулируем — это критическая, можно сказать, узловая тема для политических и духовных судеб ислама в мире. Чего мы хотим как мусульмане, как мусульманские политики? Не в плане общих фундаментальных определений, а в плане конкретной политической и исторической программы. Главная проблема мусульман сегодня заключается в том, что у нас налицо дефицит политической идеологии, политического исторического проекта, на базе которого мы могли бы объединиться и под каждым пунктом которого мы все могли бы подписаться.

Ислам рассматривает историю как борьбу за реализацию того предначертания, которое поставил перед Адамом в момент его сотворения Всевышний Аллах (СТ). Среди многих мусульман существует такое представление, что ислам — это некая религиозная перспектива, нацеленная вверх, связанная исключительно с личным спасением, которая освобождает человека от проблемы принципиальной заботы о судьбе власти, о судьбе социума. Это, конечно, неправильно, потому что Аллах “поставил человека на земле наместником”. В слове “халифа”, которое, может, не совсем точно переводится на русский язык как “наместник”, подразумевается, что Аллах наделил человека исторической задачей, исторической перспективой. Как вы помните, ангелы, возражая против такого назначения, ссылались на то, что деятельность человека будет носить бурный и даже кровопролитный характер, на что Всевышний Аллах ответил: “Я знаю то, чего вы не знаете”. Действие этого наместника в исторической развертке предполагает наличие *исламского проекта.* С перспективой исламского проекта непосредственно связан Яум уль- Кыяма” (Судный день), То, к чему мы придем в этот день, — это не только вопрос личной борьбы, личных усилий, личного джихада, но еще и вопрос коллективной реализации, того, что Всевышний Аллах ждет от нас. Мы не можем назвать наместником Аллаха человечество, находящееся в состоянии ширка, языческих традиций, а именно такое состояние сейчас доминирует среди большинства людей. Наместником является только то человечество, которое находится под эгидой исламского правления. Начиная с обозримой истории, которую мы можем документировано изучать, исламское правление всегда вызывало жесточайшее противоборство. Оно продолжается и по сей день, и борьба за Святой Иерусалим — его часть.

Седьмого февраля мы будем отмечать “Аль-Кодс” — День Иерусалима. Существует довольно слабое представление о том, что такое Иерусалим не только в масштабе исламской истории, но в масштабе трех тысячелетий. Как его оценивает “ахль уль-Китаб” (люди Писания)? Ведь существует еще и деформированная оценка со стороны христиан и иудеев. Почему для нас так важен Иерусалим? Почему это “яум уль-вахда” (День единства)? Прежде всего потому, что Иерусалим является первой политической столицей единобожия в мире, она была учреждена Даудом, который был одновременно пророком, царем, воином, т.е. совмещал в себе все аспекты высшей личности. И примерно в этот же обозримый промежуток времени проявилась антитеза этой столице — Вечный город Рим, который стал столицей противоположного проекта, чистого ширка, человекобожия,

поклонения государству. И сегодня мы живем, как и две тысячи лет назад, в условиях борьбы Рима и Иерусалима, в условиях борьбы языческой имперской государственности против воли к исламскому правлению. Смысл и содержание исторического процесса с нашей точки зрения является не чем иным, как борьбой за наследие Ибрахима (АС). Сегодня есть две стороны, которые оспаривают это наследие: те, кто претендуют на него через ложную историографию и истинные мусульмане, миллят Мухаммада (АС), миллят Ибрахима (АС), которые имеют реальное истинное историческое право на это наследие, на его смысл.

Сегодня ситуация складывается не в пользу мусульман (которых сегодня насчитывается один миллиард человек и которые проживают как большинство в пятидесяти странах, и практически нет ни одной страны, где бы не было исламской общины). Мы располагаем единой Книгой, единым духовным и политическим уставом — Священным Кораном, мы располагаем достаточно четкими традициями, четкими ориентирами, и тем не менее не существует ни единства, ни сплоченности, не существует самого главного — конкретных, фундаментальных задач. А наш противник такими проектами, таким видением располагает. Недавно вышла книга некоего Самюэля Хантингтона, которая легла в основу всей современной американской политологии. Она изучается всеми аналитиками в Белом доме и в Пентагоне, эта книга называется “The crash of civilisation and remake of the world” (“Столкновение цивилизаций и перекройка мира”). Книга посвящена конфронтации Запада и ислама и обозначает прямую задачу выйти на рубеж конфронтации с исламским миром таким образом, чтобы на века сломить тот политический и духовный потенциал, который содержится в исламе, дабы мировой порядок не имел никакой альтернативы, никакой угрозы в виде какой бы то ни было человеческой воли к сопротивлению. Нужно, говорится в книге, военным путем, путем прямого насилия подрубить реальные корни ислама в мире, так чтобы остались только разрозненные массы, которые в лучшем случае имеют ислам как частную домашнюю религию и которые на социальном, политическом и духовном уровне принимают мировой порядок. Задача современных западных политиков сегодня — подвести мир к началу Третьей мировой войны, которая должна быть организована таким образом, чтобы у мусульман заведомо не было никаких шансов, чтобы исход ее был предрешен. В контексте этой подготовки, которая началась уже с 1979 года, идет малая скрытая мировая война против мусульман, которая унесла на сегодняшний день около десяти миллионов шахидов во всех горячих точках мира, т.е. количество мусульман, погибших за свою веру под американскими бомбами или под бомбами инспирированных ими структур и держав, приближается к числу потерь Первой мировой войны. И это только приближение к самой войне.

Какова же роль России в этом проекте? С точки зрения Запада, Россия в этой перспективе должна играть очень серьезную роль. На протяжении последних двухсот лет Запад использует Россию как свой инструмент, как военную силу для военного контроля над глубинами Евразии. Российская политика начиная по крайней мере с Петра, а на самом деле и раньше связана с обслуживанием интересов атлантического Запада. Мы даже не имеем в виду здесь создание великой России, которая включает в себя Урал и Сибирь. Мы имеем в виду бесплодные затратные колониальные войны России на Кавказе и серию русско-турецких войн, которые имели своей задачей создать оптимальные условия для англо-французского, а в XX веке и для англо-франко-американского империализма. Да, в какой-то момент многим показалось, что Россия изменила облик империалистической державы. В 1917 году она провозгласила себя лидером колониальных и угнетенных народов, и ей удалось создать тот специфический потенциал доверия, прежде всего среди широких масс мусульман. (Тогда, после Первой мировой войны, это были еще колониальные или подмандатные страны.) В течение первых десяти лет после революции действительно имело место определенное движение к пробуждению мусульманских масс,

конечно не внутри России, а за ее пределами. Но послевоенный Советский Союз фактически полностью порвал с этой попыткой создать такой революционно-освободительный задел. Советский Союз после 1945 года стал на чисто колониальные позиции, и на самом деле именно этим объясняется его поражение в “холодной войне”. В сущности, ситуация складывалась очень просто. Для тех, кто занимался внешней политэкономией, не секрет, что затратная часть капитала в капиталистических странах практически совпадает с валовым продуктом, т.е. эти страны тратят на свою жизнь столько же, сколько и производят. Но если некая страна произвела миллион долларов и потратила миллион долларов, то это означает, что в следующий год она физически не сможет существовать, воспроизводить свою экономику. А это означает, что часть произведенного ею продукта грабительски обменивается на диспропорциональное количество товаров и услуг, производимых в “третьем мире”. Сущность капитуляции Советского Союза перед Западом заключалась в том, что советской элите было предложено присоединиться к этому ограблению, не пытаться имитировать это ограбление в своем лагере, что сужало общую базу для Запада, а объединить эту базу, войти в число наиболее развитых государств, которые экспортируют некие технологии, лицензии, а взамен получают огромное количество реального сырья, услуг, рабочей силы и т.д. Советская элита на это согласилась и была, естественно, обманута. Сущность политического кризиса во взаимоотношениях между Россией и Западом заключается именно в этом обмане. Кроме того, для того чтобы понять пространство, в котором мы сегодня действуем как за рубежом, так и в самой России, мы должны отчетливо представить этот треугольник — Запад — Россия — ислам.

Сегодня финансовый капитал, который правит Россией, вошел в определенное противоречие с интересами Запада, интересами атлантического сообщества, потому что финансовый капитал России является капиталом криминальным. И как криминальный капитал он оказывает деструктивное влияние на западную систему. Сегодня начинается новый этап изоляции России от Запада. Начинается новый этап окружения России. В этих условиях представители финансового капитала России, которые первоначально хотели бы сделать его космополитическим капиталом, чтобы открыть двери России, понимают, что в условиях полного исчезновения барьера между Россией и Западом у них нет ни политического, ни социального места, фактически у них нет будущего как у индивидов. Когда мы говорим о представителях “финансового капитала”, то имеем в виду несколько сотен людей, у которых есть своя судьба, карьера, свой круг влияния. И каждый из них является объектом внимания Интерпола. Сегодня предпринимаются определенные шаги к тому, чтобы превратить Россию в достаточно замкнутый организм, который играет по своим правилам, и в этих целях разыгрывается так называемая мусульманская карта.

Следует отдельно отметить так называемый проект “Великая Хазария”. Сегодня перед Россией стоит реальная угроза политического перерождения, превращения в некую структуру, которая технологически с некоторых сторон напоминает государство, существовавшее в VII—X веках на территории России, где, как вы знаете, иудейская элита правила тюркскими массами. Сегодня существует проект создать аналогичное государство, где иудейская элита, замкнув эту империю на себя, будет управлять ею под национал-патриотическими великодержавными лозунгами. Для реализации этого проекта необходимо прежде всего исключить мусульман из политического поля России, физически вывести их за рубежи России. И не только вывести, ведь если они будут выведены за рубежи России и превратятся там в новые центры силы, в новые центры инициативы, это никак не впишется в данный проект. Значит, существует задача создать на территории всего южного полюса России нечто подобное современному Афганистану, т.е. сферу нестабильности, сферу межпартийных, межродовых, межгрупповых столкновений, таким образом, чтобы зона была парализована и сама бы уничтожала свой

пассионарный духовный потенциал в бесплодном кровопролитии. То же, что происходит в Афганистане, что удалось сделать в Таджикистане, планируется организовать на всем протяжении южного полюса. Можно сказать, что сегодня уже складывается определенная технология создания и использования горячих точек.

Существует философия горячих точек. Если мы посмотрим на все горячие точки, а их не менее 20, а может быть, и больше, мы увидим, что во всех этих точках конфликт практически был навязан мусульманам более активной куфрской стороной (стороной неверия), которая проявляла инициативу обострения ситуации до конфронтации, идя путем провокаций, путем прямого выманивания политически активной части мусульман на сцену и потом нанося четко отработанные технологические удары. Это и Босния, и Кашмир, это Индонезия, это и Южные Филиппины. Это Таджикистан, и это Чечня. В этом ряду можно перечислить и другие забытые горячие точки, где продолжается геноцид мусульман. В их числе Бирма, Индия и другие, не говоря уже о Магрибе, о юге Судана, где идет война на дестабилизацию хартумского правительства. Мир пылает в постоянном огне. Но главная проблема в том, что процесс, который идет в этих горячих точках, навязан аналитиками и планировщиками Запада, что не существует реального международного исламского центра, который не на уровне конференций, а фактически мог бы осуществить настоящее руководство. Потому что нет реального понимания, куда мы хотим идти, что мы хотим сделать с политической картой мира.

В этой связи можно отметить фундаментальные ошибки таджикского исламского движения сопротивления, которое начиналось еще в 70-х годах. Казалось бы, к 1991 году, когда сложились условия для того, чтобы взять власть и создать суверенную исламскую республику, за плечами уже были 10—15 (лет?? — корр) борьбы, определенного политического и аналитического опыта. Но, увы, к моменту начала гражданской войны в Таджикистане Исламская партия Возрождения пришла фактически беспомощной как в интеллектуально-психологическом, так и в политическом плане. Это было выражено и в том, что таджикские активисты, которые планировали реализацию суверенитета республики, мыслили это в терминах недавно прошедшего ГКЧП (они так и говорили: “Мы сейчас будем делать наше ГКЧП”). Главной задачей они полагали изгнание коммунистов и реализацию демократического суверенитета. Они играли в игры, которые были отработаны в масонских западных клубах и преподнесены Исламской партии Возрождения как рабочая модель действия. Я хорошо помню, как на площади Азади, площади Свободы, на ноги памятника Ленину, сваленному бульдозером и покрытому брезентом, были прикреплены портреты Горбачева и Ельцина, стояло трехцветное знамя России. И люди совершали коллективную молитву, обращаясь в сторону этих двух портретов, т.к. кыбла была как раз в направлении этого памятника. Демократы, которые вошли в союз с Исламской партией Возрождения, фактически руководили этим митингом. На вторые сутки митинга мусульманам, приехавшим из районов, уже запрещалось начинать свое выступление со слов “Бисми-лляхи-ррахмани-ррахим”!

Когда я через пять лет после описываемых событий присутствовал на межтаджикских переговорах, я убедился в том, что руководство таджикской оппозиции за пять лет пребывания в эмиграции не вынесло никаких уроков из тех страшных, можно сказать, преступных ошибок, которые были сделаны за то время. А ведь тогда уже существовали условия добиться того, чего добилась сегодня Чеченская республика Ичкерия в двухлетней кровопролитной борьбе, которая могла бы быть не двухлетней и не столь кровопролитной, если бы таджикские братья смогли пройти этот путь в 92 году. Сегодня в Таджикистане идет борьба, но как правильно сказал второй президент Чеченской республики Ичкерии Зелимхан Яндарбиев: “О какой победе можно говорить, если лидеры таджикской оппозиции не находятся на той территории, за которую сражаются и умирают

муджахиды", если они сидят в Тегеране или в Пешаваре, а муджахиды ведут битву в Гармском районе на подступах к Душанбе, если таджикские лидеры прибывают сюда в Москву, в "Президент-отель", чтобы вести беседу на равных с руководителями российского "куфра", и считают, что они достигли огромных политических высот? Этот визит в "Президент-отель" был оплачен кровью наших братьев, которые сражаются и умирают в горах Таджикистана. В Чечне, слава Аллаху, процесс пошел иначе. Многие говорят, что война в Чечне не является джихадом, что это война группировок, столкновение кланов и т.д., такой вопрос обсуждался на конференции по Чечне в 1995 году в Саудовской Аравии. Надо однозначно сказать, что все эти разговоры являются бессмысленными, провокационными, основанными на неведении, на полном незнании истории. К сожалению, даже отдельные чеченцы позволяют себе говорить о какой-то мафиозной, криминальной, экономической сущности этой войны. Нужно сказать, что еще в 80-х гг. была сформирована группа, которая шаг за шагом вела борьбу за реализацию чеченского суверенитета как части исламского проекта и как продолжения всей чечено-дагестанской войны против России, длящейся уже 300 лет. То, что делали руководители Чечни сегодня, является продолжением позиции имама Шамиля, шейха Мансура, всех тех великих руководителей, которые заповедовали эту борьбу именно в таких формах. Но вряд ли все эти интеллигентские усилия были бы успешны, если бы ни личность первого президента Ичкерии Джохара Дудаева, очень глубокого тактика, но более чем тактика, носителя страшной энергии свободы, страшного пассинарного заряда. Этот одновременно необычайно гибкий и хитрый человек сумел выиграть для Чечни несколько лет затишья, сумев убедить определенную часть политической элиты Москвы в том, что Чечня является сторонницей возрождения Союза и статуса союзной республики. Играя одновременно и с демократами, он дал понять в 1992 году ряду влиятельных генералов и политиков Москвы, что Чечня имеет некие красные симпатии, даже распространял слухи, что он втайне хранит где-то партбилет.

Итак, пока исламский мир выясняет внутренние отношения и тешит себя надеждой мирного сосуществования с Западом, работа по его уничтожению уже идет полным ходом. Выработка единого исламского проекта, который смог бы объединить всю умму — нелегкая задача, но это наш единственный шанс выжить.

Выработка и реализация этого проекта, преодоление разногласий на основе принятия соглашений, под которыми могли бы подписаться все мусульмане, невозможно без привлечения России, потому что большая часть России — это историческая исламская территория, и мы не можем говорить об исламском проекте, не включая ее в качестве ключевого звена, тем более что ислам в России переживает фазу бурного возрождения.

К 50-летию со дня смерти И.В. Сталина

СТАЛИНИЗМ КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАКЦИИ

Для большинства наших современников сталинизм предстает в образе людей «вчерашнего дня» — пожилых людей из малообеспеченных слоев общества или же юных маргиналов, плохо понимающих о чем речь. Скажи таким «оптимистам», что реальный сталинизм окружает нас сегодня со всех сторон, в первую очередь в так называемых «реформах», — не поверят! Но правда еще невероятнее — возможно, мы стоим на пороге возврата сталинизма в мировом масштабе…

В 1917 году произошло беспрецедентное событие: на территории российской империи одним ударом была уничтожена элитарная система, входившая составной частью во всемирную структуру господства и эксплуатации. Попытка подобного масштаба осуществлялась до этого только в Великой французской революции 1789 года, однако она была не завершена, ибо закончилась монархической реставрацией всего через двадцать пять лет после своего начала. Массовые казни аристократов на гильотине в действительности коснулись только наиболее пассивной либеральной части знати, не готовой вооруженным путем отстаивать свои классовые привилегии. В итоге после реставрации французский правящий класс только укрепился и расширился за счет наполеоновских выдвиженцев и крупнейшей буржуазии, пройдя своего рода модернизационную перестройку.

В России разгром традиционного правящего класса принял необратимый характер. Именно это имеют в виду противники русского большевистского проекта (типа Збигнева Бжезинского), называя Россию «черной дырой»: огромная страна выпала из системы и ее хозяева после 1917-го (кто бы они ни были) уже не входят и никогда не смогут вернуться в правящий миром истеблишмент, формировавшийся на протяжении последних нескольких столетий.

Удар, нанесенный Системе был настолько силен, что в течение, по крайней мере, пятнадцати лет после краха Романовых (до 1933 года) сохранялась перспектива выхода революции за пределы СССР и падения капиталистических режимов, по крайней мере в континентальной Европе. Однако этого не произошло, поскольку буквально через несколько лет после прихода к власти партии большевиков (своего рода неоякобинцев) революционный ленинизм был побежден в жестокой внутренней борьбе контрреволюционным сталинизмом. Это название, связанное с именем Сталина, наиболее точно отражает суть явления, хотя современники пользовались для его описания понятиями, заимствованными из французской революционной истории: жирондизм, термидор, бонапартизм и т.п. Сталинизм, обобщая в себе все черты упадка пассионарности и реакции, типичные для минувших революционных попыток, вместе с тем представляет собой фундаментально новое явление. Под лозунгами диктатуры пролетариата к власти в России прорвалась люмпенизированная мелкая буржуазия, предвещая глобальные изменения в расстановке мировых социальных сил.

«Нет более практичных и более циничных людей, более склонных все решать через убийство, чем привилегированные плебеи, которые всплывают на исходе революций, когда над огнем затвердевает лава, когда революция всех оборачивается контрреволюцией немногих против всех» — так характеризовал известный франко-русский писатель Виктор Серж в своем романе «Полночь века» то, что произошло в России в конце 20-х — начале 30-х годов. В самой советской литературе противостоящие друг другу силы ленинизма и сталинизма нашли воплощение в двух предельно концентрированных образах Павки Корчагина, созданного Н. Островским, и Пьера Присыпкина у Маяковского. Как отмечает один из современных исследователей советской истории, Сталин внутренне стоял на позициях, близких к мироощущению Присыпкина, но понимал, что с таким «ресурсом» власть перед лицом внутренних и внешних угроз сохранить невозможно. Именно поэтому он был вынужден опираться на риторику и политтехнологии, которые вводили в заблуждение «корчагиных», использовали их как мобилизационный потенциал. Эта риторика долгое время обманывала и мировое левое движение, даже те лидеры сопротивления западному капитализму, которые воочию убеждались в перерождении советской власти в СССР, считали необходимым молчать об этом и участвовать в сталинском обмане, ибо полагали, что другой политической базы у мировой революции нет. На этих позициях в известной мере стоял даже Троцкий, считавший, что

существование СССР надо отстаивать любой ценой, поскольку, несмотря на сталинский режим, он все же является государством рабочих и крестьян. Даже он, будучи наиболее глубоким критиком «термидорианско-бонапартистской контрреволюции» Сталина, не понял до конца, что речь идет не просто об откате, энергетическом спаде или злокачественной опухоли в рамках базового марксистско-ленинского проекта, но о подготовке нового мирового порядка, очертания которого мы начинаем угадывать только теперь: глобальный постдемократической эры. Эры, в которой лозунг о диктатуре пролетариата лишь предвещает «железную пяту мировой олигархии».

Чем руководствовался лично Сталин, уничтожая своих бывших политических соратников и приводя к власти деидеологизированного люмпена, превращавшегося в его структуре в циничного и наглого бюрократа, озабоченного лишь расширением рамок собственного материального потребления? На наш взгляд, внутренней психологической доминантой Сталина было стремление войти в мировую систему, которая имеет гарантию существования завтра, послезавтра и т.д. Войти ее полноправным членом, что можно сделать только силой. Сталина характеризует своеобразный проектный консерватизм — он строит модель отношений между социальными слоями в своей стране и между государствами на политической карте мира таким образом, чтобы из этих схем невозможно было вырваться. Такова структура режима полномасштабного сталинизма, сложившегося к 1949 году. Таков «ялтинский» мировой порядок, образованный при участии Рузвельта и Черчилля. Именно Ялта раскрывает внутренний пафос сталинского проекта — триумвират, правящий миром, опираясь на неисчерпаемые человеческие и материальные ресурсы. Некий коллегиальный всемирный фараон.

Сталинизм (а не военный коммунизм!) создал контуры постпотребительской экономики, главным мотором которой является осуществление суперпроектов космического размаха. Индустриализация, великие стройки, атомная бомба, космос — сталинские пирамиды, меняющие природу мира. Именно таковы характеристики глобальной олигархической экономики завтрашнего дня в представлении ряда футурологов. Сталин не верил в наследственную передачу власти, не готовил Василия или Светлану в свои политические преемники, как это делают нынешние эпигоны, растрясшиеся из его шинели по просторам СНГ. Он считал, что преемственность — не в родственниках, а в аппарате, который для него имел мистический, даже фетишистский смысл. Аппарат должен был стать той самовоспроизводящейся моделью, которая отбирает из поколения в поколение нужные кадры.

В рамках России, как и предсказывал Троцкий, это привело к концу идеологической партократии и восстановлению капитализма в его ущербной колониальной форме. Однако в масштабе мирового процесса сталинизм обозначил не столько завершение марксистской оппозиции буржуазии, сколько наступление постбуржуазного общества, в котором традиционное отношение к средствам производства (пролетарий, предприниматель) теряет смысл и власть во всемирном масштабе оказывается в руках международной бюрократии и транснациональной мафии, вербуемых из все того же вездесущего люмпена.

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ

Борьба с мировым капитализмом переместилась из-под красных знамен под зеленые

Ислам — это понятие неформальное. Его политическая база — это исламская улица, миллиард обывателей, так или иначе они включены в этот проект. Включены уже потому, что они осознают себя мусульманами, включены потому, что они совершают намаз, потому, что в Коране исламская община поставлена в центр мира, потому, что Аллах так говорит. Это неформальная сила, которая сегодня, после политической смерти марксизма, является главной интернационалистской политической доктриной и продолжает, как это делалось в течение четырнадцати веков, настаивать на принципе справедливости, на защите униженных и обездоленных, на противостоянии тирании.

"Кто был ничем, тот станет всем", — пели большевики. "Последние станут первыми", — гласит Коран. 7 ноября, в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, собравшиеся у памятника Карлу Марксу в Москве остаточные российские большевики выражали солидарность с борьбой мусульман против американского империализма, и эта солидарность — все, на что они теперь способны. В эти же дни в Бейруте проходил Мировой антиглобалистский форум, и подавляющее большинство его делегатов представляли исламские страны и организации.

Духовные лидеры ислама являются сегодня главными наследниками дела Октября, а бен Ладен — это уже как бы Ленин. Вот мы и решили в дни октябрьской годовщины предоставить слово председателю российского Исламского комитета **Гейдару Джемалю** — пожалуй, самой яркой личности в среде российских идеологов ислама и антиглобализма.

Дабы не очень навредить собственному хрупкому мировоззрению, корреспондент "Эксперта" пригласил поучаствовать в беседе с Джемалем одного из ведущих в стране специалистов по исламу. Тот отказался: "Я аналитик, а Гейдар — проповедник, и диалог у нас вряд ли получится". Корреспондент пошел один и убедился, что да, действительно, харизмы и красноречия у Гейдара Джемаля, пожалуй, побольше, чем у всей Госдумы вместе с Советом Федерации. Что касается концептуальности и логики — судить читателю. Замечу только, что после четырехчасовой двухраундовой беседы расстались мы каждый при своем мировоззрении. Никто не пострадал.

Элита и улица

— *Что, по-вашему, сейчас вообще происходит на свете: глобальная борьба с терроризмом, война цивилизаций, война богатых с бедными или ни то, ни другое, ни третье?*

— Прошло два месяца с событий 11 сентября, и все большему числу людей становится ясно, что это не был акт войны, организованный исламским миром против США. Это не означает, что исламский мир не находится в состоянии глубокой конфронтации с Западом и с США, но совершенно понятно, что исламский мир сегодня еще не вырос до той степени интеграции, когда о нем можно говорить как о взрослом субъекте, который имеет единую, сконцентрированную в кулак политическую волю для объявления такой масштабной войны.

Когда в России говорят об исламском мире, предъявляют к нему претензии или, наоборот, хвалят, то имеют в виду Мубарака, Мушаррафа, Хатами, алжирскую хунту и все такое. Однако все эти люди на самом деле являются просто ставленниками и смотрящими от лица международного истеблишмента на этой территории. А ислам — это джамааты, это общины вокруг мечетей, это политические структуры, большинство из которых

объявлены вот этими смотрящими, носящими титулы шейхов, президентов, премьеров, вне закона. На самом деле ислам — это понятие неформальное. Его политическая база — это так называемая исламская улица, миллиард обывателей, которые заняты своим делом — прокормом семей, поиском средств к существованию, но так или иначе они включены в этот проект. Включены уже потому, что они осознают себя мусульманами и у них есть, скажем так, несколько проблесков в течение дня, хотя бы когда они совершают намаз и вспоминают, что они участвуют в великом проекте и что в Коране исламская община поставлена в центр мира, потому что Аллах так говорит. Это неформальная сила, которая сегодня, после политической смерти марксизма, является главной интернационалистской политической доктриной и продолжает, как это делалось в течение четырнадцати веков, настаивать на принципе справедливости, на защите униженных и обездоленных, на противостоянии тирании.

— Но этих утверждений недостаточно, чтобы опровергнуть “исламскую” версию взрывов 11 сентября.

— Я только начал. Прежде всего, арабские элиты вплоть до 11 сентября были остро не заинтересованы в конфронтации с США, потому что дело шло к сближению, к коррекции американской позиции по палестинскому вопросу. За несколько дней до этого (в начале сентября) был телефонный разговор Арафата с Бушем, в котором Буш гарантировал полное содействие Америки в создании независимого палестинского государства и то, что он продавит позицию израильтян до согласия на суверенитет, полномасштабный суверенитет Палестины.

— Высказываются предположения, что нефтяные шейхи могли организовать удары по Америке для повышения цен на нефть и вообще для усиления своего влияния.

— Такие спекуляции предельно абсурдны, и это уже доказано падением цен. Нынешняя война парадоксальным образом помогает только неформальному исламу, исламской улице, потому что ее бьют и тем самым консолидируют. Одновременно наносится сильный удар по позиции арабского истеблишмента. Он дестабилизируется.

— Улица консолидируется, элита дестабилизируется. Как это?

— Улица — антиамериканская, истеблишмент — проамериканский, виляющий хвостом. Возникает зазор. И уже зашатались режимы. В Пакистане это очевидно, но та же тема не менее очевидно существует и в других странах. В Египте, например, в Саудовской Аравии. Что касается малых государств, то они просто являются функцией от стабильности саудовской династии.

— Разве что-нибудь угрожает саудовскому режиму?

— Конечно. Там сейчас около семисот ученых церковников содержится в заключении. И существует мощнейшая оппозиция со штаб-квартирой в Лондоне. Мусульмане-фундаменталисты рассматривают династию как предательский режим. Кроме того, существует давление всего исламского мира, который недоволен тем, что династия узурпировала контроль над двумя святынями — Меккой и Мединой, которые посещаются во время хаджа миллионами мусульман ежегодно. В принципе, саудовцы выживают за счет массивной американской помощи, за счет непрерывной массивной поддержки ЦРУ, за счет военных гарантий США. Не будь этого, уже давно был бы поставлен вопрос об их существовании. Теперь смотрите, что происходит: американцы резко обостряют тон взаимоотношений со всеми мусульманскими и арабскими режимами. Резко ужесточается

американская позиция по Палестине, отчего Израиль ликует. Арафат вынужден публично кровь сдавать. То есть это большое несчастье для арабских режимов.

Тем более что все их деньги находятся в американских банках. Саудовские нефтедоллары (более триллиона) связаны в гигантских инвестициях, которые могут быть заморожены. Вот где деньги иранского шаха? Они заморожены. Где счета Саддама Хусейна? Они заморожены. США просто отнимают средства, которые им доверены. Это вообще глупость — говорить, что арабские режимы могли рисковать своими кровными. А что касается цен, то их можно поднять, когда ты в политическом смысле на коне (как это было в 73-м году после успешной атаки арабами Израиля), а не как сейчас, когда на тебя все орут и бьют, как нашкодившего кота, мокрой половой тряпкой, когда тебе говорят: сукин ты сын, да мы завтра оккупируем твои вышки. У нас там по батальону морской пехоты будет у каждого нефтяного колодца.

— *А вдруг они скажут: только попробуйте. Может быть, и улица к ним тогда подтянется?*

— Дело в том, что за шейхами не стоит народ. Народ только и думает о том, чтобы снести свои режимы. Положение в арабском и вообще в исламском мире соответствует 1916 году в России. Причем перманентно. Примерно как народ стоял за Николаем Романовым тогда, так же он стоит и за всеми этими нефтяными шейхами. Поэтому у них такая же свобода маневра, как у Николая Романова.

Интереснее другое. Ведь американцы сознательно идут на дестабилизацию политической ситуации в арабских странах, на прижатие этих режимов к стенке.

— *Это же их ставленники и смотрящие, по вашим словам. Зачем их к стенке?*

— Потому что американцы считают, что в рамках глобального конфликта лучше пусть обрушатся в конечном счете все юридические субъекты международного права, и готовы остаться один на один с улицей. Потому что улица не владеет ни силовым ресурсом, ни дипломатическим. Улица не командует вооруженными силами. А кланы, которые могли бы взять на себя власть, не могут договориться ни между собой, ни с соседними странами. Ведь в исламе нет жесткого надпартийного структурирования, которое явило бы образ общего правительства, халифата. Нету его. То есть субъект ислама виртуален. Это прекрасно знают политтехнологи Запада, поэтому они не боятся исламских революций. Вот сейчас, допустим, Первез Мушарраф будет сметен в Пакистане, а как пакистанские мусульмане будут действовать дальше?

Имеющиеся оппозиционные группировки (там их три) в силу разных причин не способны сыграть роль якобинского клуба или партии большевиков, которые могли бы распорядиться властью и оприходовать результат революции. Тут и потребуется стороннее вмешательство. Вмешается Индия. У нее будут веские основания: дестабилизация в соседней ядерной стране, угроза собственной безопасности и так далее.

Исчезновение с политической карты союзнического Пакистана станет страшным ударом для Китая, будет означать его полное окружение враждебными силами. Заваруха, таким образом, примет евразийский масштаб, и Америка будет выступать арбитром. Все политические дивиденды пойдут в ее копилку. То же самое касается любой ситуации в любой стране. Мушарраф — извивающийся, приспосабливающийся — все-таки может что-то отсрочить, что-то решить, на какие-то весы кинуть свой дипломатический авторитет, вступить в договоренность с Россией или с Китаем, чуть-чуть ослабить

давление Америки. Улица этого ничего не может. Это просто такой же хаос, какой Антанта в 18-м году приняла в России за окончательный и начала интервенцию четырнадцати держав. Но в России оказался Ленин, который наладил круговую оборону. А если бы Ленина не было, понятно, что и греки из Одессы, и англичане из Архангельска за несколько недель дошли бы до Москвы.

Хаос — удобный объект управления

— Все-таки, по-моему, надо с ума сойти, чтобы пытаться взять под прямой контроль миллиардную “улицу”.

— Когда разъяренная улица впадает в хаос, то при всем своем броуновском движении он тем не менее очень хорошо контролируем. Почему германский Генеральный штаб в 17-м году пошел на то, чтобы большевики провели октябрьскую операцию? Они всерьез думали, что большевики спровоцируют броуновский хаос, который для них будет гораздо лучше, чем слабое, неэффективное правление Керенского. Но большевики оказались осью, стабилизирующей этот хаос вокруг себя. И это сорвало германские планы, то есть в результате брест-литовский проект (договор) и все ставки, связанные с большевиками, оказались пшиком. А вот если бы возник броуновский хаос — Керенского смели бы, а взять власть не сумели, — тогда было бы идеально. Суперконтролируемо. Даже контролировать не надо. Афганистан — это великолепный пример. Вот то, в чем пребывал Афганистан многие годы, это великолепный пример контроля над хаосом. Почему талибов возненавидели? Потому что они стали большевиками, прекратили хаос.

— И все-таки: зачем им этот хаос и этот контроль?

— Когда Самуэль Хантингтон писал о столкновении цивилизаций, он ведь имел в виду не войну между исламским и западным миром, он писал о противостоянии Запада и Китая, в котором ислам является только союзником Китая, да и в этих отношениях не все однозначно. Так вот, в результате начатой войны Афганистан и Пакистан должны стать плацдармом для консолидированной индийско-западной политики против Китая. Там есть два очень эффективных направления, которые могут быть разыграны против Пекина, — это Тибет, конечно, и это Синцзянь-Уйгурская автономная область, которая тем более интересна, что именно там сосредоточены значительные ресурсы влияния Китая. Там есть ядерные силы, полигоны, там очень крупный сегмент ВПК. Дестабилизация в этом районе была бы ударом в солнечное сплетение китайской военной машины. Не говоря уже о том, что любой административный кризис в Китае всегда вызывает неконтролируемые лавинообразные последствия. Китай — это страна, очень склонная к затяжным гражданским конфликтам. И стоит только поколебать авторитет центральной власти, как все накопленные противоречия вырвутся наружу. Это гражданская война лет на пятьдесят, как много раз в истории этой страны бывало. В результате чего Китай как единица может исчезнуть с политической карты. И разговоры о том, что кто-то там бросает вызов Соединенным Штатам в каком-то обозримом будущем, будет снят.

Поэтому Китай просто вынужден будет помогать талибам — сначала тайно, через какие-то скрытые каналы, но это все равно проявится. Если же Россия станет продолжать безоглядную поддержку Америки в этом регионе и тем более пошлет сюда свои войска, то рано или поздно она вернется к конфронтации с Китаем.

— Я думаю, что это очень маловероятно.

— Дело в том, что очень маловероятным был удар 11 сентября по Манхэттену. Двадцать лет назад было невероятно, чтобы американский солдат марошировал по Ташкенту, а сегодня это происходит.

Придуманный бен Ладен

— Кстати, давайте вернемся к одиннадцатому сентября и поговорим о бен Ладене...

— Это человек, который принадлежит саудовскому истеблишменту, что бы он ни говорил по этому поводу. А это уже ставит большой вопрос о его реальных целях. В создании образа бен Ладена и его раскрутке главную роль сыграла западная пропаганда...

— О да. Бен Ладен уже стал великолепным товарным брэндом. Ярлык Bin Laden зарегистрирован швейцарской фирмой модной одежды, во многих странах открываются магазины и рестораны с его именем, не говоря уже о сотнях миллионов маек с ликом “террориста номер один”.

— Второе: бен Ладен еще не сказал ничего о своей политической философии, о своей политической программе. Он орудует абстрактными тезисами. Насчет конфликта между миром неверия и миром ислама — это любой мусульманин и так знает. Его абстрактные благопожелания ни к чему не ведут, но под это дело можно получать дивиденды у эмоциональной и политически малограмотной улицы. Но ты не можешь стать лидером, вождем исламского интернационала, не можешь стать руководителем какой-то серьезной партии без политической философии. Вот поэтому его “Аль-Каида” не является партией по существу, а является, как нам говорят, организацией международного терроризма. Все же международные террористы — это порождение спецслужб. Потому что спецслужбы от имени власти ведут диалог с населением через постановку провокации, манипулируют населением. В то время как реальные революционеры ведут диалог с властью, добиваясь политических целей. Вот палестинцы убили израильского министра — это акция политического террора, она конкретная. У них есть политическая философия, совершенно внятная цель — уход израильтян из незаконных поселений на арабской территории. Этот израильский министр говорил, что надо выгнать арабов с палестинской территории. Все очень конкретно — убивают лично его. Но вот когда речь идет о каком-то абстрактном взрыве каких-то домов, прохожих — это не политика. Это спецслужбы.

Вот взять взрывы американских посольств, которые приписывают “Аль-Каиде”. Там не погибли американцы, несколько человек было ранено из персонала посольства, зато было убито несколько тысяч прохожих — местных жителей. Эта акция может быть выгодна только американцам, ведущим антиисламскую деятельность. Если поверить, что все это действительно “Аль-Каида” (хотя бен Ладен заявляет, что он и его организация непричастны), тогда придется признать, что бен Ладен и “Аль-Каида” — это просто подразделение ЦРУ, которое выполняет задачи по изоляции исламского движения и исламской цивилизации в мире. Или это просто фигура, которая разыгрывается втемную, помимо его воли, спецслужбами, которые делают из него злодея.

— Но кого-то он готовит в своих лагерях?

— В лагерях готовят людей для поддержки тех же талибов. Это не более чем курс молодого бойца. Настоящих террористов, способных провести операцию уровня 11 сентября, готовят в других местах.

— Ну вот Арафат побежал кровь сдавать, и ему поверили, а этот ведет себя вполне дерзко и уверенно, всем угрожает.

— Ну давайте забомбим целую страну, потому что он кровь не сдает. Реально мы знаем, что он не взял на себя ответственность — раз, что его причастность ничем не подтверждается — два. Даже на Шанхайском саммите АТЭС американцы не сумели доказать, что бен Ладен и талибы к чему-то имеют отношение, не смогли провести соответствующую резолюцию. То есть мы видим, что это некая фигура, которая удобна и давно готовилась для того, чтобы на нее взвалить ответственность. Ведь бен Ладен был назван практически через полчаса после этих взрывов. Причем в абсолютно императивном ключе. Это явно была домашняя заготовка. Мы уже не говорим о том, что технически, сидя в пещере в Афганистане, невозможно организовать такую сложную акцию. Хотя обывателю тут же стали внушать, что это очень просто: собрались какие-то люди в аэропортах, быстренько все обсудили, ударили по рукам и захватили самолеты...

— Но эта фигура с удовольствием играет свою роль.

— Да не знаю я его удовольствия. Мы знаем, что он отказывается встать на колени и “разоружиться перед партией”, как говорили в 37-м году, заплакать горькими слезами, пойти и сдаться американцам. Хотя он был готов предстать перед международным судом в Пакистане. Но американцам не это нужно.

С рынком покончено

— Словом, вы считаете, что инициатива этих взрывов и этой войны исходит с Запада?

— Когда сегодня говорят о противостоянии цивилизаций, на самом деле это, конечно, глубокая натяжка и подмена. Запад сегодня не является единой целостной цивилизацией, которая по модели крестовых походов противостоит исламу. И понятие “золотой миллиард” — ложное. Я приведу цифры из американских университетских источников. В 1920 году один процент населения планеты владел 40 процентами мировых богатств. В 1970 году, когда Советский Союз находился на вершине своего влияния, этот один процент владел 20 процентами. В этот период ему пришлось чем-то пожертвовать, провести какие-то социальные мероприятия, повышающие стабильность, безопасность, социальный мир и так далее. Но к сегодняшнему дню он опять вернул свои сорок процентов. СССР был определенным гарантом, политическим гарантом прав низших классов во всем мире, хотя бы просто по своему знаковому статусу.

А сегодня такого гаранта нет, и международному финансовому капиталу надоело платить пенсии, надоело платить пособия по безработице, надоело гарантировать рабочие места. Они хотят развязать себе руки. А что такое глобализм? Глобализм не предполагает никакого золотого миллиарда. Глобализм в финальной стадии своего развития предполагает международную олигархию, которая будет совершенно одинаково попирать индонезийцев и французов. Потому что исчезнет смысл поддерживать разницу в уровне жизни французов и индонезийцев. Многие ошибочно считают, что глобализм — это торгово-экономическое понятие, то есть дешево произвести в Индонезии и дорого продать во Франции, и поэтому надо поддерживать низкий уровень жизни в Индонезии, чтобы там была дешевая рабочая сила. Но это только первая фаза глобализма. А вторая фаза — чисто политическая. Сначала через экономические рычаги осуществляется интеграция инфраструктуры. Когда она достигнута, эта инфраструктура уже не нуждается в рыночных механизмах. Олигархи — это политическое понятие, олигархам не нужны рыночные механизмы.

Сегодня рынок уже уходит. Потому что сегодняшний масштаб финансовых потоков в мире не зависит от потребительского спроса. Вот в девятнадцатом веке было важно, чтобы миллионы людей повышали свой социальный статус, чтобы мелкие фермеры становились городскими мещанами, буржуа, вырастали их запросы, они создавали бы рынок, а это влечет за собой возможность новых кредитов. И все это вырастет в десятки раз. И финансовым институтам очень важно было получить такую кредитную перспективу. Сегодня, когда финансовые механизмы являются радикально другими, когда они опираются на электронные деньги, на воздушные кредиты, которые связаны с глобальными макропроектами (например, триллионы долларов для закрытия озоновой дыры, полета на Марс или создания противоракетной обороны), то никакие потребительские рынки роли уже не играют.

— Ну, не совсем рынок исчезает. Просто фирмы научились создавать спрос, а политики — манипулировать электоратом.

— Это мелочь. Просто деньги, задействованные в обеспечении товарных потоков для этого спроса, — это очень небольшие деньги по сравнению с гигантскими кредитами, выделенными на непотребительские проекты. А самое главное сегодня в управлении миром — это проекты, которые связаны с существованием международной бюрократии: борьба со СПИДом, борьба за чистоту воздуха, против фреона, за леса Амазонки. И, между прочим, Советский Союз был первопроходцем в повороте рек с юга на север и так далее.

— Значит, вы считаете, эти проекты от лукавого, а самих этих проблем не существует?

— Эти проекты существуют только для того, чтобы сформировать новый класс международной бюрократии. Потому что ТНК нуждаются в двух вещах. У них нет пока административного и силового ресурсов, которые принадлежат национальным правительствам. Поэтому повсюду идет борьба против суверенитетов за мировое правительство. Для этого нужно создать что? Во-первых, международную бюрократию — она создается с сорок пятого года стремительными темпами. Не ООН я имею в виду, ООН — это, так сказать, просто отстой, а именно вот такие мощные проекты, которые ставят перед собой решение глобальных задач космических пропорций. Это все хорошо описано в книжке ныне покойного председателя Римского клуба Аурелио Печчеи, которая у нас вышла еще в советское время с предисловием академика Гелована.

А вот сейчас “большая восьмерка” придумала новый проект — борьба с бедностью. Все страны в принудительном порядке сбрасываются из бюджета в фонд борьбы с бедностью. Что это такое? Это основа для сверхкоррупции. Потому что создается новый класс, который не отвечает ни перед какими национальными законами.

Виноваты ТНК

— Именно транснациональные структуры организовали провокационный сверхакт одиннадцатого сентября, чтобы поставить национальное правительство США в нынешнюю очень трудную ситуацию. Вообще, у транснациональных корпораций и у национальных администраций очень напряженные отношения. ТНК не хотят платить налоги, допускать в свою внутреннюю структуру налоговые инспекции и так далее, то есть менеджмент ТНК стремится быть полностью лишенным ответственности перед национальной администрацией. А национальная администрация по рукам и ногам связана тем, что она избирается электоратом. Она бы тоже хотела быть мировым правительством,

которое ни перед кем не отвечает, но она пока еще приходит к власти через электоральный процесс. И здесь вот возникает некий конфликт.

Решить задачу ТНК под силам. Есть средства, есть связи со спецслужбами разных стран, в том числе и бывшего Варшавского договора, те прочно связаны с тоталитарными сектами, которые владеют технологиями зомбирования людей, есть свои люди и в силовых структурах.

Естественно, что для осуществления проекта необходимо было иметь пятую колонну внутри республиканской администрации, группу поддержки, которая немедленно должна использовать сложившуюся ситуацию для решения одного из главных вопросов, которые давно уже мучат Америку. Америка хотела бы, имея национальное правительство, одновременно сделать его и правительством мировым, решить вот такую квадратуру круга. Каким образом национальное правительство может быть и мировым правительством?

— Да зачем? США и сегодня имеют возможности навязывать свою волю остальному миру. У них есть все неформальные рычаги. Зачем все эти заговоры и ужасы?

— А неформальное лидерство порождает массу вызовов, на которые слишком сложно отвечать, и количество их возрастает. Потому что вызовы будут бросать, как мы уже говорили, Китай, исламский мир, будут и другие. Китай с Россией могут вдруг объединить ресурсы. Разные возможны варианты. Словом, гораздо проще попытаться установить открытую диктатуру и сразу снять все вызовы, чем отвечать на них в таком неформальном режиме по мере их прихода.

Идея такая: столкнуть между собой Индию, Китай и Россию, для того чтобы афганизация захватила вообще всю Евразию. И потом прийти на разбомбленные просторы с дезинтегрированными государствами. Явиться на последней стадии как глобальный арбитр — после того как три великие державы исчезнут. С помощью вот такого механизма они рассчитывают сегодня решить проблему противоречия между своим статусом национального государства и мировой державы, мирового полюса.

Но это только часть интриги. Другая часть — то, что Соединенными Штатами, как дубинкой, пользуется то самое международное сообщество, состоящее из коррумпированной новой международной бюрократии и ТНК, которое хочет взрыхлить почву, используя США как некий плуг. После чего они его выбросят и унаследуют его силовой ресурс. Есть и структура — НАТО, которая как некая супернациональная структура в принципе может освоить и силовой ресурс Соединенных Штатов, оставшийся после политического краха. А политический крах при том курсе, который ведет нынешнее руководство, постигнет Соединенные Штаты неизбежно. Они убьют еще десятки тысяч и миллионы мусульман, но это только ускорит внутренний кризис.

— Как он будет выглядеть, этот крах?

— Нарастающий конфликт в американском обществе, потеря социальной поддержки. Они должны будут идти на все более и более жесткие меры. То, что сейчас происходит в США, есть фашистский переворот. Уже ограничиваются полномочия конституционных структур. Комитет по безопасности национальной территории — это фактически альтернативное правительство. Это не чем иным, как переворотом, назвать нельзя.

Сегодня США живут в состоянии тщательно поддерживаемого шока — белый порошок, сибирская язва, обещания новых терактов, жесткое давление на редакторов крупнейших СМИ. Но такой процесс не может продолжаться бесконечно. Американское общество, изначально будучи полиэтническим, поликонфессиональным, с резко обостренными противоречиями между всеми этими группами, начнет сыпаться. Кроме того, приход к власти диктатуры автоматически означает снижение жизненного уровня. Администрирование начинает заменять рыночный механизм, значит, снижается эффективность экономики.

Ну и поскольку обычные выходы недовольства, выпускание пара в виде свободы слова, свободы собраний ограничены, то будет нарастать насилие, уличное насилие. Его и так в США было очень много, но оно начнет по экспоненте расти. Будет расти федеральный ответ, а американцы отвечают очень жестко. То есть маятник внутреннего насилия между федералами и обществом будет раскачиваться.

Это, кстати говоря, только одно из измерений. Есть и другие: растущее отчуждение ближайших союзников, не говоря уже о тех, кого они силой и шантажом заставили построиться. А это приведет к тому, что сократится и та квота, которую мир должен платить США за их функцию лидера.

С демократией тоже покончено

— *В вашем захватывающем сценарии вообще как-то принимается в расчет существование демократии? Ну то есть как метода управления?*

— Демократия сегодня закрывается как тема. Потому что, повторяю, сами демократические институты в значительной мере базировались на том, что потребитель одновременно был единицей электората, который оказывал влияние на избирательный процесс. И угодить его позиции было важно, потому что они голосовали кошельками. Сумма кошельков электората — это был важный финансовый фактор. А сегодня потребительский рынок становится все менее значимым адресом мировых финансовых потоков, которые зацикливаются, замыкаются на гиперпроекты, а гиперпроекты обслуживаются кредитами, которые относятся к реальным авуарам банковской системы как один к ста. Если Маркс, говоря о Капитале с большой буквы, имел в виду принцип, то сейчас этот принцип уже состоялся как факт. Все капиталы замкнулись в единый капитал, и мировой кредит превышает его в сто раз. После этого зачем они вообще нужны, эти люди, которые голосуют? Ими можно управлять, но не обязательно полицейской дубинкой, лучше и эффективнее — информационным потоком. Моделирование внутреннего состояния людей решает все проблемы, снимает муниципальные, региональные и прочие ненужные выходы общественной озабоченности в создание комитетов каких-то озабоченных граждан — это все решается за счет превращения всего человеческого потенциала в субстрат информационного общества.

Информационное общество — это та база, на которой утверждается железная пята мировой олигархии. Мировая олигархия закрывает всю эту бодягу с парламентскими выборами, с представительными институтами, с земствами, с какими-то там округами, с четвертой властью, с местным самоуправлением — это все не нужно. Это все становится вчерашним днем, потому что это была пляска сильных мира сего — для того чтобы существовал человеческий фактор. Информационное общество — нужно выделить как раз этот тезис — информационное общество является синонимом смерти человеческого фактора в истории.

— *Пожалуй, на этой жизнеутверждающей ноте нам следует закончить.*

Искандер Хисамов. Первые и последние // Эксперт. № 42 (302). 12.11.2001.

НЕОЛЕНИНИЗМ КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДОКТРИНА НАСТУПИВШЕГО СТОЛЕТИЯ

Политическое пространство постсоветской России тщательно очищено от идеологии. Вместо систем и методов исследования существуют «политтехнологии», построенные на довольно примитивных техниках психологической и информационной интриги. В итоге современный образованный россиянин находится в плену стандартных убогих мнений по поводу того, что произошло с его страной, с миром и с ним самим.

В частности, предметом такой идеологической заштампованности стала в российской политической культуре сегодняшнего дня фигура Владимира Ленина.

Обыватель полагает, что в 1991 произошел разрыв России с тем, что принято было уныло называть «ленинским наследием»: дескать, реформы возвращают теперь Россию в мировой либеральный мейнстрим после трех поколений «большевистского помрачения».

Осталось вынести только самого Ленина из Мавзолея и поставить на этом точку.

Иными словами, для общественного сознания между ленинизмом и советским историческим феноменом нет никакой разницы: конец одного есть конец и другого.

За подобным пониманием существует гораздо более обширный фон исторического поражения марксизма в целом. Бесспорно, в сегодняшнем мире весь спектр протестных сил так или иначе переживает травму обрушения идеологического языка и системного подхода к общественной реальности, который еще пару десятилетий назад был универсальным и господствующим. Выживающие еще сегодня тут и там группы протестных «неформалов», упорно цепляющихся за марксизм, никого не могут обмануть: доказательство банкротства этого недавно всесильного учения — в его нынешней дозволенности и легитимности. Правящие классы официально признали марксизм беззубым, поскольку он не способен сегодня вскрыть их политические тайны, мистерию их экономического и политического господства в начале XXI века.

Привычное наименование «марксизм-ленинизм» превратило первую часть слогана в своего рода чугунное ядро, которое утягивает на дно вторую его составляющую. Однако стратегическое поражение марксизма не распространяется на наследие Ленина. Дело в том, что ленинизм постигла лишь тактическая неудача, причем это произошло не при Горбачеве и Ельцине, а на шестьдесят лет раньше, в судьбоносное пятилетие 1928—33 гг. Тактический срыв произошел как внутри самого СССР — это было отмечено высылкой Троцкого — так и в международном плане, что выразилось в окончательном провале перспективы мировой революции, которая все же брезжила в Европе вплоть до прихода к власти в Германии национал-социалистов. (Немного дольше революционная ситуация сохранялась во Франции, где в 1936 поднялась невиданная по размаху волна антиправительственных выступлений рабочих; но Сталин провалил и этот последний шанс.) С 34-го года, после съезда «победителей», убийства Кирова и начавшихся после

этого знаменитых судебных постановок против «ленинской гвардии», ленинизм в СССР был оттеснен в виртуальную область народного сознания как некое квазирелигиозное чаяние правды, а в реальной жизни восторжествовала организованная в партию по форме и люмпенская по существу бюрократия. Именно она и осуществила «переворот» 1991-го года, который был экономическим, но не политическим. Сегодняшнее господство коррумпированного чиновничества и криминал-олигархов есть, по сути, продолжение, завершение и агония сталинизма, когда внуки-последыши «сталинских победителей» жируют на догнивающем трупе социализма. Однако уход ленинизма в коллективное чаяние угнетенных масс предопределил его постсоветское выживание: сегодня две трети населения так или иначе являются пассивной базой потенциального возрождения политической воли ленинского образца. Стратегическое поражение марксизма, досадным образом дающее фон контрреволюционно-реставраторской карусели в странах бывшего соцлагеря, стало неизбежным из-за своей связи с менталитетом XIX века. Марксизм опирается на догматическое представление о четко определенных социально-экономических классах. Это не только отношение к средствам производства и способу распределения прибавочной стоимости, но, что гораздо важнее, это «надстройка» в виде классового сознания, морали, исторических задач. Вне контекста рассуждений о расчищающей дорогу для человечества прогрессивной деятельности буржуазии и освободительной миссии пролетариата марксизм лишается своего главного пафоса, а стало быть, и смысла. Помимо этого, марксистскому сознанию присущ специфический для эпохи его зарождения миф о «научности» — наукопоклонство, порождающее тупиковую антирелигиозность и неприемлемый сегодня догматизм в способах описания живой человеческой действительности. Несостоятельность марксизма проявилась в том, что его тайная мысль носит метафизический историософский характер, но маскируется в одежды материалистического детерминизма. В итоге с методологической точки зрения философские предшественники Маркса — прежде всего Гегель — сегодня звучат гораздо более актуально!

Ленинизм принято считать русской интерпретацией марксизма. Действительно, ленинский контекст связан с острым психологизмом, экзистенциальной пафосностью и одновременно доходящим до цинизма прагматизмом — чертами, характерными для традиции русского протеста. Однако методологические корни Ленина как политического интеллектуала — в бланкизме. Огюст Бланки был подлинным гением революционного нонконформизма, непонятым в свое время. Сквозь неимоверные страдания, тюрьмы и болезни Бланки вынес открывшуюся ему истину о необходимости партии профессиональных революционеров. На последнем этапе своей жизни, ближе к Парижской коммуне, он довел это понимание до финальной теоретической стадии: революционная партия должна возглавить восставшие массы в точно выбранный исторический момент. Суть бланкизма не в заговоре пассионарных одиночек, как некоторые думали на его счет, а в том, что революционер — соль земли, без которого не существует ни истории, ни собственно человечества. Ленин поднял бланкизм на новую высоту. Ленинская идея состояла в переносе марксистского акцента с пролетариата как класса, наделенного освободительной миссией, на революционеров как самостоятельную касту, особый духовный человеческий тип, который в конечном счете независим от того, какими социальными классами или группами он должен пользоваться в качестве инструментов своего дела — революции. При этом Ленин видел свою задачу в том, чтобы дать революционеру независимость от конкретно складывающихся на «данный момент» социально-экономических условий. Революционер должен быть снабжен аналитическим методом, который позволяет до самых корней вскрывать природу и анатомическое устройство любого конкретного врага. Этот метод называется «срывание всех и всяческих масок». Мало кто понял в свое время, что эта брошенная Лениным хлесткая идиома ознаменовала революцию внутри революции — освобождение от целого культурного

пласта, обременяющего догматический марксизм. «Срывание масок» по Ленину есть, говоря языком психоанализа, разоблачение коллективного «сверх-Я», свойственного данному обществу. Другими словами, интеллектуальный прием ленинизма — скальпельный удар, вскрывающий анатомию господствующего над психикой и сознанием людей духовного авторитета, развенчивающий его харизматический пафос и уничтожающий его моральный гипноз. Речь идет о новом этапе метафизического нигилизма, обращенного на то, что с точки зрения высшей правды и впрямь должно быть уничтожено. В ленинском прищуре короли не только голы, они изначально лишены возможности «одеться».

Марксизм, вышедший из гегелевского и фейербаховского антропоцентризма с его буржуазно-протестантской моральной подоплекой, так и остался, несмотря на весь имидж радикального учения, филистерским гуманизмом, вся ограниченность которого открывается в концовке «Коммунистического манифеста». Раскрытие творческого потенциала индивидуумов в обществе как свободной ассоциации людей — вот предел социальной онтологии марксизма. В конечном счете это все то же «бытие ради бытия», или «жизнь ради жизни», на котором уже за восемнадцать веков до Маркса выдохся пафос классического язычества. Для Ленина сущее есть ложь, а единственная истина — это революция против лжи.

Таким образом, революционер оказывается сакральным оператором, который делает социально реальным мифологический потенциал титана и героя. Совершить революцию против сущего как изначально ложного означает провести последнюю и абсолютную мобилизацию всех человеческих резервов, что дает шанс восторжествовать над энтропией. Ленинский революционер — это демиург, материей которого является кадровый пролетариат (лучше всего — во втором или в третьем поколении). В определенном смысле можно считать фигуру Ленина своеобразной духовной линзой, в фокусе которой горит луч всей русской культуры и истории, прожигающий «свинцовую мерзость» любой жизни в любую эпоху. Ленин опирается на трагический личный опыт своего непосредственного предшественника Бакунина, кстати оппонента Маркса именно в тех же острых вопросах, по которым принципиально различаются марксизм и ленинизм. За Лениным видится фигура и другого непонятого русского нонконформиста титанической силы — Нечаева, воплощенного Достоевским в образе Петра Верховенского в «Бесах». Гениальный писатель, работавший над романом примерно в то время, когда Володя Ульянов появился на свет, не случайно заставил своего героя быть не организатором «народа», а организатором Ставрогина в качестве красного «Ивана-царевича», который, в свою очередь, явился организатором целой плеяды «русских мальчиков»: Кириллова, Шатова и других…

Ленин в Мавзолее — это религиозный факт русской истории, как бы к этому ни относились консерваторы, традиционалисты и контрреволюционеры, ностальгирующие по потерянной ими России. Крах советского строя означает всего лишь расчищение поля для новой битвы, ибо лживость миропорядка со времен казни Александра Ульянова возросла многократно. Человечество разорвано между двумя абсолютными полюсами — Богатством и Бедностью. Классов больше нет, деморализованный люмпен либо с завистью читает светскую хронику о жизни олигархов, либо выходит на рельсы в бесперспективном и тупом отчаянии. О таком «бесклассовом» обществе Маркс не мечтал: бесклассовость привела к еще большей тирании, чем старая социальная пирамида. Против этой тирании завтра, как сто и тысячу лет назад, способна действовать и непременно будет действовать только одна организованная сила — каста пассионариев, владеющая искусством срывания «всех и всяческих масок».

Гейдар Джемаль. Неоленинизм как революционная доктрина наступившего столетия / СМЫСЛ. № 12, 2003г.

КАВКАЗСКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТИП В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В российском обществе упоминание о кавказцах, как правило, порождает раздражение и досаду. Слишком широко известно, что эта категория людей несет с собой массу проблем для окружающих. На этом сходятся и обыватели, и власть, и журналисты. Однако, как всегда в подобных случаях, очевидное скрывает за собой вещи, выходящие далеко за рамки привычных представлений. Уже простой вопрос о том, с кем в первую очередь возникает у кавказцев конфликт — обществом или государством — ведет к достаточно неожиданному результату. Более или менее объективный анализ показывает, что этот конфликт возникает в первую очередь именно с государством, которое уже затем старается переложить его, в том числе и с помощью СМИ, на плечи рядовых граждан. Дальнейшие исследования в этом направлении ведут нас к открытию совершенно новых этносоциологических представлений, которые можно условно объединить под рубрикой «политическая андрология».

Ученые не так давно обнаружили, что в биофизиологии современного западного мужчины после Второй мировой войны произошли глубокие изменения. По сравнению с европейцем довоенного периода у современных мужчин Европы (в особенности немцев) к 90-м годам в четыре раза понизилось содержание тестестерона (мужского гормона) в организме. Иными словами, сегодня европеец является вчетверо «менее мужчиной», чем его дед, живший, скажем, в Третьем рейхе. Связь физиологии с историей слишком бросается в глаза: поражение Европы как центра силы в итоге Второй мировой войны привело к биологической катастрофе и само европейское мужское начало.

Современный мир вступил в полосу системного кризиса, одним из ярчайших проявлений которого стало исчезновение мужчины как психофизиологической составляющей полноценного человечества. В реальности это ведет к тому, что цивилизационный кризис приобретает катастрофическое биологическое измерение, в свою очередь ведущее к перерождению массового сознания и системы моральных ценностей.

В традиционном обществе человек, который, по определению Ф.М. Достоевского, представляет собой необычайно широкую — он даже хотел сузить! — реальность, «растянут» между двумя полюсами. «Женское» воплощает преемственность, стабильность, заботу о будущем, тягу к безопасности; «мужское» — это пассионарное, агрессивное, склонное к риску, готовое к самопожертвованию… В целом мужской полюс выражает аспект финального, в то время как женщина есть хранительница непрерывного. Однако в метафизике пола, характеризующей традиционный подход, именно финализм концентрирует в себе глубинный смысл судьбы, высшую предназначенность. Именно с пассионарностью и готовностью к смерти, являющимися специфически мужскими добродетелями, связаны такие фундаментальные вещи как воля к власти, воля к свободе, воля к самодостаточному разумному бытию.

В условиях, когда эти факторы стремительно исчезают из человеческого обихода, дефицит воли начинает компенсироваться государством. Государство порождает эрзац-волю, будучи, по сути, полярно противоположным в современных условиях традиционной ценностной системе, благодаря которой история человечества до сих пор обладала смыслом. Современное государство — враг достойного, уважающего себя,

прямоходящего и не склоняющего головы человека. Такой человек органично носит оружие (носил во все века!), а государство запрещает ему это делать, оставляя право на оружие только себе.

Современное государство — это унисекс, который имеет собственную шкалу приоритетов. Унисекс борется с мужчинами, беря в союзники худшие проявления женской стихии.

Соединенные Штаты были созданы более двухсот лет назад свободными мужчинами, не захотевшими гнуть шею перед господами в Старом Свете. Одним из главных достижений они записали в свою конституцию право свободного гражданина владеть оружием. Сегодня американский федеральный унисекс яростно борется с этим правом, но на удивление пока еще не победил: велика историческая инерция прежнего идеала.

В 1934-м году карачаевцы восстали на советском Кавказе под лозунгом: «Не хотим ходить рабами!» Речь шла о запрете на ношение холодного оружия, составляющего неотъемлемую часть национального костюма горцев. Размах восстания потребовал использования бронетанковых частей и авиации, бунт захватил Кисловодск и Пятигорск. Проблема кавказского сопротивления государственному унисексу таким образом еще до мировой катастрофы великой войны стала проблемой сопротивления мужского начала катастрофическим тенденциям современной истории.

Принцип мужской натуры действительно наиболее глубоким образом связан с системой военной демократии. В основе греческих полисов и кавказских общин лежал патриотический союз граждан, бдительно оберегавших свое пространство от появления в нем тирана. Сегодняшний ход истории прокатывается катком не только по военной демократии родоплеменного типа, но и по институтам представительной демократии, разработанным независимой молодой буржуазией XVIII—XIX веков. Олигархи мира опираются на унисекс бюрократического государства, где «третий пол» физически воплощен именно в безбородой пароде аппаратчиков. В мире осталось три главных цитадели настоящих мужчин. Это Афганистан, Балканы и Кавказ. Все три в ходе последних лет стали объектом разрушительной агрессии и геноцида со стороны Системы. Все три характеризуются упорными архаичными традициями мужского общинного самоуправления, противостоящего всякому отчуждению авторитета и власти в пользу бездушной политической машины.

Кавказ, однако, даже среди этих трех — место особое. Это родина мифа о Прометее, согласно которому титан, похитивший олимпийский огонь, прикован именно к кавказской скале. Эта исламская традиция об Александре Македонском, который, согласно Корану, превратил Кавказ в линию обороны против Гогов и Магогов. Кавказ — это то место, куда на протяжении тысячелетий вытеснялись наиболее непримиримые и упорные осколки разных племен с юга и с севера Евразии, которых давили и преследовали распространяющиеся в равнинах торговые цивилизации: ассиро-вавилоняне, хазары и пр. Таким образом, на Кавказе возник заповедник воинской касты — кшатриев. Именно поэтому современное российское государство, ненавидящее в силу своей бюрократической сути мужчин любой расы и национальности, вошло в жесткий клинч с Кавказом.

Подобная Афганистану и Балканам, кавказская «горячая точка» носила бы характер классического конфликта цивилизаций, если бы не одно «но»: существование внутрироссийской кавказской диаспоры. Этот факт переносит противостояние кремлевской бюрократии и кавказцев в сферу конкретной политики. Подобно тому как в

17-м году Ленин обнаружил естественный кадровый ресурс большевизма в лице евреев, расселившихся по Российской империи с началом империалистической войны, сегодня многие политики начинают подозревать, что расселившиеся по РФ с началом чеченских войн вайнахи и дагестанцы также образуют великолепный материал для будущей партии нового типа. Возможно, речь идет о партии мужчин?

ЭСХАТОЛОГИЯ "ВСЕМИРНОЙ УЛИЦЫ"

Аналитики, которые сегодня говорят о решимости США захватить иракскую нефть, о проблемах, которые стоят перед мировой экономикой из-за сокращения разведанных запасов углеводородного топлива и т.п., как правило, не любят обсуждать другое измерение исторических событий — религиозно-политическое. Вместе с тем эта сторона вопроса бросается в глаза. Куда бьют ракеты и бомбы США? Ирак — историческое сердце исламского мира; Багдад — столица халифата, который был первой глобальной сверхдержавой в мировой истории (не забудем, что в X веке мир был «однополюсным» и этот полюс находился как раз в Багдаде). Территория Ирака полна священных мест, названия которых взывают к сердцу каждого мусульманина. Кербела, близ которой жертвенно погиб внук пророка Мухаммада имам Хусейн, вставший с дружиной из семидесяти соратников против десятитысячного войска неправедного «халифа» Йезида; Куфа, в которой был убит хариджитом во время молитвы отец Хусейна, четвертый праведный халиф Али; Неджеф — крупнейшая традиционная школа шиитской теологии… Еще недавно, пару десятилетий назад, эта святая земля реального ислама контролировалась национал-социалистами партии «Баас», в уставе которой записан проект построения безрелигиозного и бесклассового общества по типу советско-сталинского. В Ираке (как, впрочем, и в соседней, тоже баасистской Сирии) мусульман-фундаменталистов преследовали беспощадно.

Американский удар по мусульманам — это удар молота по наковальне, кующий сталь нового сопротивления. В 91-м году на знамени атеистического Ирака появились слова «Аллах акбар». Повсюду на городских площадях возникли прежде немыслимые изображения Саддама Хусейна в молитвенной позе. В мечетях имамы начали рассказывать легенды о его происхождении от потомков пророка Мухаммада и предъявлять «родословное древо», о котором никто никогда не слышал до «Бури в пустыне». Прошло немного времени, вроде бы эффект прямого действия на баасистский режим ослабел; с 98-го года президент стал подумывать о том, что чрезмерно изолировал себя внутри своего тикритского клана от народа. Следствием было оживление партийных структур. Но все это только до новой иракской трагедии — поиска оружия массового поражения, ставшего предлогом для того, чтобы окончательно решить иракский вопрос.

Еще месяц назад деятели «Баас» при упоминании слова «ислам» напрягались: «Вы знаете под какой пристальной лупой мы сегодня находимся. После 11 сентября все, что имеет отношение к исламу…» Но уже в первую неделю бомбардировок и боев Саддам трижды выступает, наращивая «исламскую риторику». В его третьем выступлении появляется призыв к джихаду, обращение за поддержкой ко всем мусульманам мира… Саддам за несколько дней превращается из арабского национал-социалиста в интернационального исламского политика. В данном случае мы не касаемся внутренней достоверности этой «трансформации» — она очевидно конъюнктурна. Однако в мире политических символов и обозначенных направлений психологическая подлинность второстепенна. Точно так же

Брежнев считался коммунистическим, т.е. левым политиком независимо от того, что думал на самом деле.

За пару месяцев, в течение которых американцы готовились к войне, развязывали ее и наконец в ней увязли, мир прошел политический путь, равный поколению. Прежде всего принципиально изменилась мировая мусульманская община — *умма*. В сознании мусульманских низов (а не только активистов радикальных организаций) произошел бесповоротный разрыв с «верхушками» в собственных странах. Инерционная лояльность улицы к харизматическим лидерам, которых Запад ставил на правление в традиционных обществах — Египта, Пакистана, Иордании и других — исчерпана. Первональные антивоенные выступления превратились уже сегодня в выступления антиправительственные. Следует понять, что речь идет не о структурах «братьев-мусульман» или партии «Тахрир», а именно о массовой «улице».

За пределами традиционного распространения ислама произошло изменение, ведущее, возможно, еще дальше, но пока что мало кем оцененное: рухнула конфессиональная и цивилизационная стена между мусульманами и немусульманами. В Великобритании, континентальной Европе сотни тысяч коренных жителей выходят протестовать совместно с представителями диаспор. Ислам оказался в глазах широких слоев европейского населения жертвой, тем, кого «гонят за правду», с кем следует быть солидарным, если хочешь противостоять несправедливости. Это первый шаг к пониманию объединительной функции ислама, восприятию ислама как фактора политического протеста. В действительности, в эти дни авантюра Буша одним махом перечеркнула то, что последние тридцать-сорок лет заботливо выстраивали западные политтехнологи: непримиримое противостояние мусульман и немусульман на платформе несходимости цивилизаций. Уж было Хантигтон размечтался, программируя в недалеком будущем их столкновение… Иранский президент Хатеми придумал ответить ему на «столкновение» своей собственной клерикально-миролюбивой концепцией: межцивилизационный диалог. Но ни столкновения, ни диалога в том смысле, который имели ввиду наши элитарные визионеры, не получилось. Низы на Западе отказались увидеть в Буше выразителя «своей» цивилизации, в агрессии США против Ирака — столкновение христианства с исламом. Европейская улица увидела в этом обыкновенный империализм. Это означает, что исламская община вырвалась из «гетто», в котором ее пытались закрыть, отрезая от мирового протеста, левого движения, влияния на политическое сознание немусульманского человеческого пространства.

Оказалось, что главным противником масс являются в первую очередь не финансовые воротилы и находящиеся на службе у них политики, не корпорация бюрократов, обделывающая свои дела в тесном контакте с международной мафией. Враг действовал на уровне сознания и психики, и имя ему — «тотальный информационный контроль». Он осуществляется через телевизионные новостные блоки и форумы в Интернете, через ученые книги и доклады на кафедрах, слухи, запускаемые в политических салонах и арт-галереях…

Выйдя на улицы вместе, немусульмане и мусульмане одним этим, в принципе, естественным действием лишили информационный контроль тотальности, вышли из-под него. Последствия уличных манифестаций многообразны и расходятся кругами по всему миру. Двадцать миллионов с плакатами на улицах непосредственно воздействуют на два миллиарда, пока еще сидящих дома. Благодаря конформизму глобальной новостной сети оппозиция улицы стремительно превращается в главную альтернативную силу, в интернациональную платформу неприятия системы, причем в центре этого протеста парадоксально оказывается исламский фактор.

В данный момент тяжелые бои идут в окрестностях Вавилона. Имена городов, звучавших в ушах сподвижников Александра Македонского, две с лишним тысячи лет спустя вновь мелькают в военных сводках. Примета последнего времени? Если так, то мировая «улица» это уже почувствовала. На великий вопрос Ганса Фаллады «Что же дальше, маленький человек?» спрошенный начинает листать Евангелие, открывает Коран…

ДИАСПОРЫ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Впервые принцип диаспорного существования проявился на рубеже перехода от древнего мира к новой эре, причем сразу в двух направлениях. Первой диаспорой стало рассеяние евреев после разрушения римлянами Второго храма Иерусалимского (73 г. Р.Х). Изгнанные из Палестины евреи частью расселились по Средиземноморью, частью же были оттеснены на просторы Евразии в сторону Поволжья и Центральной Азии. В дальнейшей своей судьбе еврейский народ отступал от диаспорного принципа существования, создавая компактные закрытые поселения (гетто), в которых реализовывался исторически давно известный принцип жизни земляческих меньшинств в чуждом этноконфессиональном окружении. Однако периодически евреи возвращались в диаспорные модели, которые являются оптимальными для мобилизации психических и умственных ресурсов общины и обеспечивают наилучшие параметры выживания в соперничестве цивилизационных типов.

Другим примером диаспоры, возникшем примерно в то же время, стал эллинизм. В нем реализовался принцип распространения не столько физических носителей определенного типа сознания, сколько самого сознания. Греческий язык и связанная с ним понятийно-методологическая система понимания мира захватила самые разные слои населения, крайне пестрого по генофонду: от согдийцев далекого Хорасана до египтян, италийцев и тех же евреев, расселившихся по Ойкумене. Эллинизм стал диаспорным типом сознания — космополитизмом, духовные корни которого не в земле (почве), а в небе. Диаспора как цивилизационный метод, совпавший по времени возникновения с новой эрой, стала модернизационной формой глобального кочевья — новым, радикально пересмотренным типом кочевой цивилизации, решившей всерьез взять финальный реванш у земледельческого оседлого образа жизни, который восторжествовал ранее в масштабах всемирной истории над кочевниками.

Библия, как и другие священные документы, отражает фундаментальный конфликт между кочевниками-скотоводами и оседлыми земледельцами. Противостояние двух братьев Каина и Авеля, в котором подлый земледелец убивает богоугодного скотовода и охотника, отражает жестокую борьбу, развернувшуюся на заре *человеческого времени* между двумя главными типами существования. Ученые-профаны много спорили о том, какая цивилизация является первичной: земледельческая или кочевая. С точки зрения сакральной традиции, вопрос решается однозначно. Люди Золотого века были кочевниками, подобно ветру, несшемуся по просторам земли. Традиция говорит нам, что первозданное состояние человека было связано с полным отсутствием фиксации, совпадающим с метафизической характеристикой духа, который «дышит где хочет». (Кстати, автохтонные обитатели Австралии — аборигены — сохранили в своем фольклоре воспоминания о том, как более сорока тысяч лет назад они были спутниками белых гигантов, стремительно передвигавшихся по поверхности планеты без видимой и понятной им, аборигенам, цели. Перед тем как исчезнуть с лица земли, белые гиганты

привезли их в необитаемую Австралию, подарив им технику выживания в условиях дикой природы, бумеранг и собаку динго, на сорок тысяч лет став главной темой туземной религии.)

Специфическая характеристика архаической оседлости — да и отнюдь не только архаической! — это господство в ней жрецов, которые опираются на торгово-ремесленное и земледельческое сословия. Напротив, отличительной чертой кочевой цивилизации выступает доминация в ней воинов. Обе эти формы существования находятся в жестком конфликте друг с другом. Достаточно вспомнить мифологизированную историю Киевской Руси, противостоящей половцам. Чуть южнее и восточнее та же самая история развивается в форме конфликта Ирана и Турана, явившегося сквозной темой великого эпоса «Шахнамэ». Нетрудно заметить, что обе эти истории — одна как бы «реальная», другая как бы «легендарная» — являются инвариантами одной темы: ведь Киевская Русь имеет скифские, т.е. иранские корни, ведя свое происхождение от Роксоланнов, в то время как половцы, очевидно, есть некая модификация темного агрессивного и разрушительного Турана.

Непримиримость оседлости и кочевья основаны на принципиально различном статусе человека по отношению к миру в двух этих цивилизациях. В земледельческой оседлой культуре человек фиксирован на земле, двигаясь во времени. Для него существует история, существуют перемены. Привязанность к фиксированному месту в пространстве делает его заложником «четвертого измерения пространства» — быстротекущего времени. Кочевник, будучи человеческим «перекати-поле», свободно перемещается в пространстве, но, наоборот, фиксирован во времени. Оно для него не движется. Кочевые племена находятся вне истории.

Под иным углом зрения можно сказать, что кочевники противостоят истории в ее натуральном стихийном виде. Напомним, что великие пророки монотеизма были тесно связаны с кочевой моделью существования. Авраам, став избранником Бога, рвет с оседлым обществом и уходит, чтобы стать патриархом кочевья. Моисей, приступив к выполнению своей миссии, уводит своих сторонников в пустыню кочевать сорок лет. Иисус «кочевал» со своими учениками по Иудее, в каком-то смысле явив образец новой будущей диаспоры — «кочующей общины». Мухаммад осуществил хиджру — переезд своих последователей в место, благоприятное для продолжения их деятельности, развив таким образом тему «кочующей общины».

Итак, мы видим, что кочевье тесно связано с оппозиционной миссией пророков единобожия, которые вступают в конфликт с оседлым жреческим государством, составлявшим становой хребет как древней цивилизации, так и — в определенном смысле — сегодняшней.

В контексте сказанного хотелось бы отметить некое историческое явление, на которое мало кто смотрел именно под этим углом. Мы имеем в виду восстание рабов под руководством Спартака. Уже во времена Маркса было понятно, что в данном случае имел место первый пример политического интернационализма — возникновение единой армии с общей политической и идеологической задачей на базе разнородных этнически элементов — землячеств, угнетенных переселенцев из разных уголков мира, завоеванных римлянами. Однако именно в этом акте политического интернационализма армия разноязыких рабов становится диаспорой — общиной людей, насильственно лишенных почвы и генеалогии, но обретших братство в чисто духовном измерении социальной и идеологической солидарности.

Вплоть до 1945 года феномен диаспоры фактически целиком исчерпывался примером еврейской истории. Однако примерно в это же время, связанное с мировой военной катастрофой и крахом Европы, происходит своеобразная революция в расстановке тенденций. Традиционная еврейская диаспора под влиянием сионизма встает на путь «алии» — «возвращения в землю обетованную», в то время как народы, считавшиеся до этого крайне фиксированными в архаично-оседлом образе жизни, — североафриканцы, индийцы, турки — срываются со своих «мест фиксации» и превращаются в новую диаспору. Происходит своеобразный размен, затрагивающий судьбы именно тех народов, которые напрямую связаны с авраамическим наследием.

Появление диаспоры мусульман в Европе означает совершенно новую главу в истории мирового кочевья. Еще в XIX веке Маркс, продумывая провиденциальный мессианский стержень человеческой истории, стремился найти того всемирного субъекта оппозиции, который мог бы взять на себя задачу коллективного спасителя — освободителя человечества. Это должно было выразиться в категории людей, которая совмещала бы в себе определенную классовую модель сознания, являясь вместе с тем физически проявленным коллективом, исторической общностью. Такая общность, по мысли Маркса, должна была обладать изначально заданными мобилизационными характеристиками, быть способной действовать как армия, обладающая единой волей и единым командованием. В соответствии с этими заданными предпосылками Маркс указал на пролетариат. Тайна пролетариата состояла в том, что это были вчерашние индивидуалисты — крестьяне-единоличники и городские мелкие ремесленники, которых насильно согнали в бригады лишенных средств производства людей, у которых не осталось ничего, кроме собственных рук и жизненного времени. Это были люди, в определенном смысле взятые в плен, подобно рабам Спартака. Пролетариат возникает в результате насилия, поэтому он силой этого акта в отношении себя находится в безусловной оппозиции обществу и истории. Если внимательно изучить марксистский анализ пролетариата, мы обнаружим там все фундаментальные характеристики диаспоры нового типа: от насильственной лишенности корней до кочевья в поисках рынка труда. Постиндустриальное общество вытеснило последние отряды пролетариата на окраину мировой экономики — в страны третьего мира, где его существование лишается политической эффективности и не угрожает больше стабильности в странах «золотого миллиарда».

Однако на смену пролетариату приходит новый субъект оппозиции — диаспора. Диаспора сегодня является аналогом вчерашнего революционного пролетариата. Но есть и фундаментальное различие: «марксистский» пролетариат в значительной степени был виртуальной категорией. Ни одна успешная революция на самом деле не была инициирована пролетариатом, и даже более того — не победила благодаря ему. Для того чтобы пролетариат каким-то образом послужил материалом для социального переворота, необходима партия профессиональных революционеров, которая этот пролетариат должна вести, воспитывать, организовывать и в конечном счете угнетать и эксплуатировать. Современная диаспора — это не виртуальная категория, а действительно высоко мобилизованное особое человеческое пространство, в котором идеи братства, солидарности, политической самоорганизации вызревают органически из самих параметров диаспорного существования. Жить в диаспоре — значит либо быть борцом, опирающимся на *политическую солидарность, либо погибнуть*.

Поэтому диаспора как новый субъект оппозиции представляет собой бесконечно более успешную формулу, чем по всем статьям неоперативный сегодня пролетариат. А поскольку качество современности задается главным противоречием, характеризующим человеческое общество на данный момент, именно диаспора и оказывается

провиденциальным стержнем, вокруг которого вращается исторический смысл современности. Кочевье как разрыв с архаическими корнями биосоциальной встроенности в мир становится сегодня главным вектором движения против энтропийного воздействия времени.

МАНИФЕСТ НОВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Почему мы интернационалисты

Политическая борьба — это в первую очередь борьба между видами сознания в самом широком смысле слова. Классовая борьба, межпартийная борьба, борьба между фундаментальными выборами на пути развития цивилизации (вера — агностицизм) — все это столкновения, разворачивающиеся в сфере духа, ставкой в которых является победа того или иного типа сознания, которому предстоит определять лицо и смысл человеческой истории.

Национализм как форма сознания сложился только в течение новой истории. Тем не менее парадоксально: идеология, ориентированная на национальный фактор, обращена вспять на историческое прошлое в глубь веков. Объединяющий фактор в национальном — это общность совместного прошлого. Именно поэтому великое прошлое, исторические деятели, легендарные герои играют главную мобилизационную роль в формировании национал-политического пространства.

Эта обращенная в прошлое ретроградная форма сознания давно стала мощным инструментом дезинформации и манипуляции в руках наднациональных правящих классов. *Национализм цинично и беззастенчиво используется в политтехнологиях врагов народов.* Даже позитивные формы политической кооперации угнетенных низов (социалистического или религиозно-освободительного характера) в сочетании с национальным фактором оказываются в тупике и не способны переиграть своего наднационального противника.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что вне идеологической сферы национальный фактор как образ жизни, способ мышления, язык высказывания, является неизбежным и необходимым инструментом жизнедеятельности для подавляющего большинства населения Земли. Совместный язык, совместная психология, разделяемые мироощущение и повседневная эстетика — все это первичные формы солидарности, без которой каждодневное существование и борьба за жизнь простых людей стали бы просто невозможны.

Именно поэтому мы говорим об «интернационализме», а не о «наднационализме». Последний термин характеризует форму существования тех, кто свободен от проблем «земной юдоли» — бедность, болезни, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед насилием, бесправность и т.п. — за чужой счет, за счет народов, кровью и потом которых эти наднационалы (глобальные корпоративные олигархи, финансовая сверхэлита, наследственная знать, высшее международное чиновничество) питаются.

Интернационализм есть наиболее общая база нашей идеологической платформы, без которой конкретизация дальнейших политических взглядов была бы бессмысленной. ***С***

нашей позиции очевидно, что базовой ценностью всемирной борьбы угнетенных является солидарность всех тех, кто отстранен от определения собственной судьбы, от выражения собственной политической воли, от участия во всемирном проекте человеческой истории. Эти «отстраненные» должны взаимодействовать друг с другом на самом низовом уровне через барьеры культур, языков и способов бытового существования, которое в последнее время стало модно называть словом «цивилизация».

Мы не верим ни в пресловутое столкновение цивилизаций, ни в их диалог. Это новые политтехнологии власть имущих, направленные против интернационала обездоленных.

Любая солидарность находит свое практическое выражение в наиболее активных выдвиженцах из числа тех, кому есть за что бороться. Это те, кто готов пожертвовать всем, даже жизнью, противостоя угнетению. Практическая форма солидарности таких людей традиционно принимала во времена великих социальных потрясений форму «комитетов» или «советов». История показала, что когда эти базовые объединения борцов замкнуты внутри национального фактора, они обречены на поражение. ***Только интернационализм органов самоуправления прямой демократии является гарантией исторической перспективности и окончательного успеха мирового революционного движения.***

Опыт реализации «советского проекта»

Октябрьская революция стала историческим водоразделом, образовавшим принципиально новый исторический период, в котором достигнута беспрецедентная возможность реального устранения традиционной правящей суперэлиты. *Главным и непреходящим достижением Октябрьской революции, последствия которого актуальны и сегодня, стало уничтожение семьи Романовых, разгром и изгнание за пределы России уцелевших представителей царского дома и их ближайшей социальной опоры.*

Это стало возможным благодаря принципиально новому политическому методу, который имеет корни в якобинском измерении Французской революции 1789—93 гг. и в Парижской коммуне 1871. Речь идет о советах как органе вооруженного самоуправления наиболее активной, пассионарной части угнетенного народа. Именно благодаря советам был осуществлен нонконформистский радикальный шаг по уничтожению в России части мирового клана правителей, после которого на территории одной шестой мировой суши возникли беспрецедентные исторические возможности.

С самого начала советский метод вооруженной народной «демократии снизу» не получил развития, а впоследствии был задушен, потому что партия большевиков не сумела полностью идентифицировать себя с советами и вынуждена была встать к ним в оппозицию, прибегнув к государству как инструменту подавления, для того чтобы узурпировать в интересах партийного аппарата советскую власть.

В свою очередь, это привело к тому, что государство узурпировало, а впоследствии и раздавило саму партию, окончательно превратив принцип советского самоуправления в фикцию. Тем самым была наглядно подтверждена идея о несовместимости революционного самоуправления трудящихся и государства, в котором происходит отчуждение механизмов власти от первичных носителей политической воли.

С начала 30-х годов «советская власть» в СССР превращается в *антисоветскую власть.*

Ликвидация КПСС и отказ от государственной марксистской идеологии не является концом этого антисоветского периода, начавшегося с политического триумфа Сталина и его группы. По сути, антисоветское содержание номенклатурно-бюрократического СССР прорвалось на поверхность и стало гласным одновременно с геополитическим поражением советской империи.

Сегодня продолжается идущий к завершению антисоветский период номенклатурно-бюрократического государства, созданного 70 лет назад. Протестные силы всего мира, в том числе и в самой России, должны всемерно стремиться к окончательному краху этого политического режима как одного из наиболее опасных инструментов мировой тирании сегодняшнего дня. Бюрократическая «постсоветская» Россия открыто перешла на сторону международного империализма в 1991-м, в то время как сталинско-брежневский СССР сотрудничал с империализмом скрыто.

Многие честные коммунисты, в 30-е годы ясно видевшие перерождение сталинского режима в тоталитарный антинародный строй, тем не менее считали, что нужно отстаивать сохранение СССР, который будто бы несет в себе изначальный здоровый потенциал Октябрьской революции. Исторический опыт показал, что такой подход носил сентиментальный характер и был ошибочным, ибо скрытое сотрудничество тоталитарной советской империи с империалистическим лагерем начиная с 30-х годов и до последних дней ее существования погубило тысячи борцов, многие партии и боевые организации антиимпериалистического сопротивления, которые поверили Москве и стали жертвами предательских интриг «советского» руководства.

Позитивным фактором конца лицемерной «партийной» эры в истории советской — постсоветской бюрократии является расчистка политического пространства для новой инициативы всемирного протеста, который будет свободен от лояльности какому бы то ни было номенклатурно-державному центру, объявляющему себя «отечеством пролетариата всех стран».

Уничтожение традиционной элиты, правившей Российской империей на протяжении трехсот лет (1613—1917), вынудило мировой империализм прибегнуть по отношению к России к режиму внешнего управления, опирающемуся на случайных выдвиженцев и нуворишей из рядов номенклатурной бюрократии и криминала. Сегодняшний олигархический режим, являясь, по сути, эрзацем политического класса, невлиятельным и ограниченным по своим возможностям на международной сцене, делает историческую ситуацию в сегодняшней России непредсказуемой.

Именно эта непредсказуемость является ценнейшей политической характеристикой России в глазах мировых протестных сил, находящихся в состоянии разброда и подавленности перед лицом явного триумфа сплотившейся мировой тирании. Эта непредсказуемость позволяет рассматривать Россию — подобно тому как это уже было в 1917-м — как слабейшее звено в системе глобального угнетения, которое может быть разбито соединенными усилиями революционного интернационала. Именно это является политическим наследием Октябрьской революции, дошедшим до нас через все перипетии левой идеи в нашей стране.

Опасности, подстерегающие сегодняшнюю мировую оппозицию

После пятнадцати лет оцепенения, в которое впали международные протестные силы с приходом к власти в СССР Горбачева, резко вверх пошла манифестационная и митинговая активность в большинстве стран. Протестные силы выходят из ступора, вызванного обрушением советской системы. Сегодня перед ними стоит достаточно четко определенный противник — США с их наглой великодержавной агрессивностью — что в значительной мере облегчает задачу консолидации. Кроме того, морально-публичная оппозиция сверхдержаве, бросающей вызов традиционному международному праву, не требует идеологии, которой как раз нет.

За осень 2003 года в Европе прошло несколько крупных международных ассамблей и форумов, которые инициировались разными политическими силами, но подозрительно напоминали друг друга. В начале сентября в Греции на острове Родос по инициативе российского олигархического капитала, тесно связанного с властью, прошла международная конференция, посвященная «диалогу цивилизаций». Доминирующим элементом на этой конференции были всевозможные духовные деятели, попы разных мастей, обсуждавшие «мир и в человецех благоволение». Клерикальные речи были, как всегда, бессодержательны и благопожелательны. Вскоре после этого, в начале октября, в Италии прошла пятая ассамблея так называемой «народной ООН». Итальянские левые демократы (центристы) упорно пытаются представить Италию страной серьезных геополитических инициатив, собирая пару сотен иностранных гостей поговорить о борьбе за мир. Разница между предприятием на Родосе и сходкой в Перудже только в отелях: олигархи резервировали для приглашенных попов пятизвездочные отели, а антиклерикальный демократический элемент, созванный на Апеннины, обходился трехзвездочными. По пустоте же и заклинательности второй «форум» ничуть не уступал первому.

Мы констатируем, что к осени 2003-го «борьба за мир во всем мире» разгорелась не на шутку. Ее ведут «сверху» представители клерикального истеблишмента и «снизу» массовые антиглобалистские организации на фоне вполне реальной агрессии, которую США начали и намерены расширять. Характерно, что на «народноооновской» ассамблее в Италии ни словом не были упомянуты угрозы США в адрес Кубы (а между тем это сегодня самая серьезная проблема), тщательно избегалось всякое упоминание о НАТО и вообще не формулировались никакие конкретные идеи.

Все собрания в «поддержку мира» отличаются случайностью и бессистемностью привлекаемых в них людей и организаций. Эта бессистемность на самом деле прикрывает неочевидный на уровне участников закулисный стратегический курс антиглобализма. На наших глазах под «крышей» массового антивоенного движения создается новая политическая квазирелигия, в центре которой стоит «мир» и «права человека». Причем если до сих пор «права человека» были скорее сектантской верой либеральных интеллектуалов, то с добавлением «мира» движение получает масштабный религиозно-карнавальный характер, отчетливо связанный с атмосферой *“Нью эйдж”*.

Ньюэйджевский элемент снизу соответствует официальной благочинной поповщине «сверху», только их дискурсы распределены следующим образом: истеблишменту отводится «высокая» тема диалога цивилизаций, в то время как демстатистам «народных ассамблей» предлагается под музыку вести хоровод, выкрикивая: «Да здравствует мир!» Ясно, что протестный потенциал планетарного «низа» стараются завести в болото маразма.

Какие параметры характеризуют сегодня «антиглобализм», взятый под жесткий контроль транснациональных корпораций?

Первое, что бросается в глаза, — преобладание феминистической стихии. У руля в антиглобалистских инициативах стоят завзятые феминистки. В массовых колоннах витает дух «весны священной» и «великой матери». А в целом все направлено на хаотизацию и карнавализацию коллективного протеста, подчинение его «дионисийскому началу».

Более серьезным моментом является так называемое *peace education* — обучение миру. Существуют серьезные неправительственные структуры, в первую очередь в США, которые по всему "третьему миру" ведут борьбу с идеологией достоинства и самозащиты, мужским культом оружия и личной ответственности за защиту собственного дома, экспортируя пораженческие демобилизационные модели сознания. В одной из таких инициатив для придания ей большей популярности задействован известный актер Майкл Дуглас. В то время как правительство США бомбит мир, американские феминистки, не забывая тщательно дистанцироваться от Белого дома, учат детей этого мира не сопротивляться.

Собственно говоря, вряд ли можно назвать антиглобализм в его настоящем виде политически «левым», хотя, видимо, он как-то наследственно связан с левыми исторической преемственностью. «Правым» он, естественно, также не является. Однако, суммируя все, следует предположить, что закулиса антиглобализма скорее «правая» в неолиберальном смысле. Именно от нее исходят сознательно проектируемая безыдейность и организационный хаос, в который погружены оппоненты Системы, вследствие чего ныне существующее движение уже сейчас можно считать обреченным.

Реальный Интернационал нужно строить не на площадке сегодняшнего антиглобализма, а с политически чистого листа, вовлекая в него (Интернационал) здоровые элементы из всего возможного политического спектра, при условии что эти элементы готовы противостоять Системе.

Методологические проблемы Интернационала

Что является типичным для протестного активиста в современной Европе? Полное отсутствие философского *инженеринга*, т.е. связного концептуального выстраивания единой картины мира в своей голове. Еще двадцать лет назад основой такого инженеринга являлся марксизм. Сегодня, не лягая «мертвого льва», марксистской терминологии тщательно избегают. За ней, как тень отца Гамлета, грозно маячит классовая борьба, которая бросает вызов бесконечной литании мира, заменившей собой всякий прочий дискурс.

Однако классовая борьба по-марксистски представляет собой в нынешних условиях слишком *неадаптированную* доктрину, чтобы можно было пытаться вливать новое вино в эти старые мехи. Дело в том, что те классы, которые должны, по Марксу, бороться друг с другом — буржуазия и пролетариат — во-первых, больше не существуют, во-вторых, даже во время своего полноценного существования были лишь субститутами подлинных исторических оппонентов, скрывавшихся за их масками. Главная проблема с марксистскими классами — это то, что их содержание определяется их отношением к средствам производства и распределению прибавочной стоимости.

В действительности же противниками в человеческом поле оказываются из века в век постоянные субъекты, представляющие собой полюса извечной человеческой дихотомии и не зависящие от изменения способа производства и роста производительных сил.

Для того чтобы квалифицировать (определить) субъектов противостояния внутри макроисторического пространства, необходимо сегодня заново организовать *оперативное идеологическое сознание*, которое обладает интегральным видением мира и истории вне текучки временных обстоятельств. Такое сознание должно быть одновременно как бы и метафизическим, и актуально политическим, т.е. рассматривать сферу конкретной политики как пространство для реализации метафизического проекта.

Понятно, что слова «метафизический проект» страшно испугают типичных левых, выросших на агностицизме, антиклерикализме, ужасе перед всяким «фидеизмом» и всякой «мистикой» и на строгой приверженности ползучему эмпиризму и здравому смыслу. Однако Маркс не боялся метафизического проекта, поскольку его сверхзадача скачка из «царства необходимости в царство свободы» есть чистейшей воды метафизический проект. Вместе с тем он на самом деле абсолютно конкретен. Проблема в том, что этот метафизический проект был в марксизме не расшифрован как актуальный смысл борьбы здесь и теперь, а вынесен вдаль как линия горизонта.

Для того чтобы на новом витке политической борьбы за высшую власть в человеческой макросистеме не бояться метафизики, оппозиции следует отказаться от традиционного деления на «левое» и «правое». И то и другое ведет в маргинализм, не важно какой окраски: либерал-беспочвенный или национал-почвеннический. Нужно решительно рвать с понятийным балластом прежних установок сознания, запутавшегося в сложных и бессмысленных брендах.

Преодоление маргинализма возможно только в противостоянии Системе, которая понята и определена объективно. До недавнего времени Система носила виртуальный характер. Верхние эшелоны мировой элиты стремились к тому, чтобы она стала реальной и начала эффективно работать, причем на пути к ней мировая власть переживала кризисы и потрясения, которые ставили под вопрос ее выживание. Однако силы оппозиции всегда были связаны теми или иными интеллектуальными ограничителями (обязательным материализмом, экономизмом и т.п.), что в конечном счете предопределяло их поражение на каждом отдельном историческом этапе. Сегодня Система если и не состоялась окончательно (что сделало бы успешную борьбу против нее почти безнадежной), то, во всяком случае, находится на грани перехода от виртуального к реальному.

В основе современной Системы находится субъект властвования, представляющий собой высокоорганизованный конгломерат властных кланов. Эти кланы основаны на традиции и преемственности, с одной стороны, и готовности к практически неограниченной модернизации — с другой. Следует понять, что сама модернизационная гибкость сверхэлиты подпитывается волей к преемственности, доходящей практически до жажды утверждения имманентной и контролируемой вечности. Это вполне метафизический проект, неотъемлемый от харизматического статуса сверхэлит. Поэтому технически будет вполне нормально определить системного субъекта властвования как футурократическую корпорацию.

Полюса «богатства» и «бедности» в современном мире

Что означает *футурократия*? Она означает такую организацию социальной пирамиды, при которой низы ни при каких обстоятельствах не могут бросить вызов верхам (т.е. верхи всегда имеют гарантированное *будущее*). А для того чтобы этого вызова никогда не было, нужно, чтобы в обмене веществами и энергиями человечества с природой никогда

не случалось кризиса, дающего низам шанс. Такая бескризисная метафизическая экономика возможна только при превращении ее в аспект глобального информационного поля, в котором вся реальность кодирована как *интеллектуальное количество*. ***«Интеллектуальное количество» есть сущность информации, информационного потока. Информационное общество — это господство интеллектуального количества над личностным сознанием, над персональным экзистенциальным фактором.***

Современность отличается не только от архаического времени, но и от сравнительно недавно минувших эпох необычайно возросшей ролью количественного фактора. Количественную интерпретацию в наше время получают реальности, которые еще недавно трудно было совместить с самим представлением о количестве. Первоначально это проявилось как тенденция превращения гуманитарных наук в «точные». Затем количественное кодирование феноменов, которые имеют отношения к ментальной и психической сферам жизни. Сегодня практически вся видимая и воспринимаемая действительность кодифицирована в форме информационных сигналов, имеющих количественную природу.

С другой стороны, наиболее общей формой количества в человеческом мире являются деньги. Таким образом, на современном этапе цивилизации открывается возможность прямого конвертирования реальности, интерпретированной как информационный поток в деньги, т.е. финансовый поток, и обратно. В информационном обществе материальный мир выступает уже не как фактический или возможный товар, а как обратная сторона чистых денег, являющихся вместе с тем выражением информационно-количественного описания *всего существующего.*

Именно это превращает различие между богатством и бедностью в абсолютно полярное противостояние. Если раньше человек, обладавший корнями в тех социальных слоях, для которых было характерно манипулирование материальным ресурсом, и противостоящий ему представитель народа, которому приходилось тяжким трудом добывать крохи на пропитание, все равно стояли на общей площадке человеческого фактора, имели общую базу для диалога по общим проблемам, то сегодня такое положение осталось в прошлом. ***Человек, который принадлежит к полюсу «абсолютного богатства» в современном мире, не просто имеет деньги — он включен в смысловой луч истории,*** является участником проекта, определяет содержание и назначение человеческой жизни***. Тот же, кто, по всей видимости, будучи человеком, принадлежит к полюсу «бедности», не просто ограничен в средствах, но лишен смысла как человеческое существо и не имеет доли в истории.*** Вчера это разделение еще было тайной, которую маскировала политкорректность, всегда могущая сослаться на демократические институты, электоральные процедуры и т.п.

Сегодня, хотя формально набор классической демократии еще не выброшен на свалку, он уже лишен души и никого не может обмануть.

В преддверии наступающей эпохи «Железной пяты», которой глобальная олигархия будет давить смертное человечество, становится уже расхожей в определенных кругах аргументация, основанная на признании онтологического неравенства между людьми. Новое мировоззрение сверхэлит, отказывающихся от фигового листка христианской или светско-гуманитарной общности в человеческой природе всех людей, независимо от социального статуса, — это даже не ницшеанство и не фашизм, которые были хотя и антидемократичны, но рациональны в своем утверждении неравенства. Сегодня

антидемократический дискурс возвращается к архаическим истокам и получает характер своеобразной метафизики.

Богатство» и «бедность» в этой метафизике — не просто полярно противоположные позиции имущественного успеха или неудачи, это практически религиозные определения-клейма участников мирового пиршества, которые попадают в рай Маммоны, и огромного большинства человечества, которое идет в ад материальной незначительности.

Генезис субъекта тирании

Современная сверхэлита окончательно сложилась к концу XIX столетия, включив в себя как архаичные представления и традиции, связанные с менталитетом наследственной знати, так и модернистские представления об истории как проекте, явившиеся в политической философии с началом нового времени. Синтез традиционализма и модернизма представляет собой ту идеологическую базу, на которую опирается харизма и «легитимность» власть имущих. *Эти люди подразумевают, что перед человечеством как глобальным космическим проектом стоят задачи, которые могут быть решены только избранными, только под их руководством.* Такие задачи время от времени формулируются вслух для широкой публики: защита мировой экологии, преодоление всемирного энергетического кризиса, победа над бедностью, неограниченное продление жизни, генетическая революция, позволяющая, в частности, избавиться от болезней, освоение околоземного пространства, и т.д., и т.п. Специфический характер этих проблем заключается в особом сплаве религиозно-космистского утопизма, родственного сакральным символам древних традиций, с технократически прогрессистским подходом к истории, человечеству и космосу, который является фирменным знаком “Нью эйдж”. Именно связь с этой проблематикой, с одной стороны, и неограниченным ресурсом, привлекаемым к решению этих проблем из сфер реальной экономики, и делает сверхэлиту неуязвимой для перипетий обычного политического порядка. Бюрократически-силовая структура государств, международная бюрократия, пестрая палитра государственных и частных (в том числе принадлежащих транснациональным корпорациям) спецслужб, масс-медиа — весь этот огромный аппарат защищает право нового «корпоративного фараона» на проектирование и воплощение судьбы всего человечества как его собственной «фараонической» судьбы.

Однако насилия, прямой пропаганды и политтехнологических приемов было бы недостаточно, если бы этот «синтетический фараон» нашего времени не обладал статусом избранности в умах и сердцах простых людей. Этим объясняется уникальный феномен «законопослушности» обывателя: он стоит на коленях перед социальной пирамидой не потому, что напрямую запуган тюрьмой или, по крайней мере, потерей работы за нелояльность к власти; дело обстоит гораздо хуже! Коллективный всемирный обыватель искренне считает, что его идеальная человеческая природа в полной мере воплощена в суперэлите как клане действительно совершенных существ, обладающих особым морально-социальным статусом.

Именно на этом основан эффект «светской хроники», взятый не в буквально журналистском, а в самом широком смысле. Люди испытывают трепет и уважение к сильным мира сего одновременно как к существам другой породы и как к идеальной проекции самих себя.

Говоря языком социального психоанализа, суперэлита есть для масс одновременно и наглядно представленное «сверх-Я». ***Поэтому власть суперэлиты как находящейся на полюсе «абсолютного богатства» общественной корпорации по своей природе безусловно клерикальна.***

Это и есть та «золотая маска Бафомета», намек на которую содержится в ленинском призыве к срыванию «всех и всяческих масок».

Мировая тирания — перманентный фактор истории

Фундаментальным взглядом нашего Интернационала на проблему человеческого общества является убеждение в том, что во все времена истории по отношению ко всем народам земли существует *один и тот же тиранический субъект — организатор социальной макропирамиды*. Это единый хозяин исторического процесса, который сквозь все меняющиеся экономические формы, цивилизационные обличия, сословные модификации порождает одну и ту же несвободу и является онтологически преемственной корпорацией власть имущих.

Именно в этой фундаментальной оппозиции господства и угнетения состоит изначальная драматическая коллизия человеческой истории. Глобальное представление о метаистории, в котором мы осознаем единство и целостность человеческого рода, а именно: с одной стороны, понимание единства субъекта угнетения (верхушки социальной пирамиды, которая проходит из древнейших времен в сегодняшний день), с другой стороны, отчетливое осознание единства объекта угнетения (естественного человечества как жертвы социальных, политических, экономических и природных обстоятельств) также сквозь все времена от начала истории до сегодняшнего дня. Иными словами, международная корпорация сверхэлиты, правящая современным человечеством, онтологически, исторически и политически не только преемственна, но и прямо тождественна классической тирании древности в лице фараонов, кесарей и иных персональных воплощений угнетения. Вместе с тем современный человек как объект эксплуатации, погруженный в принципиальную несвободу, есть точно так же не просто наследник, но буквальное продолжение египетского или римского раба. Наличие у него атрибутов современной цивилизации, дающих иллюзию индивидуальной самодостаточности (машина, квартира, офис и т.д.), абсолютно ничего не меняет в его онтологическом статусе объекта несвободы.

Вместе с тем (оставаясь онтологически тождественным сквозь всю историю) тирания меняет формы своего применения к объекту угнетения и вместе с этим модифицируется цивилизационное обличие, в котором выступает правящий класс. ***Для него (правящего класса) во все времена стояла сверхзадача добиться такой организации общества, при которой были бы исключены кризисы и потрясения, бросающие вызов гегемонии наследственной сверхэлиты***. Такая задача выходит за рамки обычных политических технологий и является чем-то большим, нежели даже политическая стратегия в классовой борьбе. Решение проблемы бескризисной власти, которая навсегда избавлена от угрозы вызова со стороны угнетенных низов, — это фактически религиозная сверхзадача. Именно поэтому понимание собственной власти высшими кругами социальной метапирамиды всегда носило — и носит! — религиозный и метафизический характер.

Последние четыреста лет в западном мире началось формирование окончательной сверхэлитарной корпорации, которая была призвана решить вопрос главного

противоречия человеческой истории между тиранами и угнетенными через организацию глобальной социально-политической системы. *Ядром этой корпорации стала часть наследственной знати, которая пошла на модернизацию и отказ от традиционалистского феодального порядка во имя открытия бескризисной перспективы для тирании «без берегов».* Это ядро интегрировало в свои «ряды» международную финансовую элиту, крупнейшие торговые семейства, доказавшие свою способность к преемственности и росту в исторических масштабах времени, в результате чего образовалась тесно связанная система сверхэлитарных кланов, которая, уходя корнями в традиционный слой западной истории, вместе с тем является глобальным инициатором постоянной модернизации.

На последнем этапе формирования эта клановая корпорация расширилась за пределы собственно «Запада», включив в себя верхушки российской и азиатских элит, чему послужили модернизационные трансформации, прошедшие одновременно по всему миру в XIX веке: революция Мейдзи в Японии, упразднение крепостничества в России, интеграция индийской аристократии в британскую правящую верхушку после подавления восстания сипаев и т.п.

Главная характеристика сверхэлиты, правящей сегодня человечеством, по сути, так же, как тысячи лет назад правили фараоны, состоит в том, что она находится по ту сторону социальных и экономических потрясений, не завися как от перемены политических форм правления, так и от передела собственности. Конституционная монархия может сменяться парламентской республикой или национал-тоталитарной диктатурой, дикий капитализм может сменяться «государством социального благоденствия», которое, в свою очередь, уступает место неолиберальному диктату фондовых спекулянтов — все это не имеет никаких последствий для принципиального субъекта господства, который при всех обстоятельствах является главным и окончательным бенефициантом любых финансовых и политических процессов в обществе.

С исчезновением с политической карты соцлагеря эта метаисторическая неуязвимость корпорации современной знати вошла в новую триумфальную фазу, на которой отпадают как ненужные многие механизмы опосредованного влияния и манипулирования низами. *Одним из таких механизмов, которые сегодня отбрасываются за ненадобностью, оказывается институт представительной демократии, вслед за которым обрушиваются связанные с ним «ценности»: права человека, национальный суверенитет, равенство возможностей и т.п.* Мир входит в эпоху открытой глобальной олигархической диктатуры, для которой характерна уже не философия социалдарвинизма, как во времена «досоциалистического» капитализма, а открытая метафизика неравенства, которая возвращает нас в ценностную систему глубокого архаического прошлого.

Именно с новыми потребностями прямой диктатуры в первую очередь (а не с развитием производительных сил) связано формирование постиндустриального информационного общества и сопутствующей ему так называемой интеллектуальной экономики. ***Информационное общество есть та последняя стадия тирании, при которой субъект господствования посягает на внутреннюю свободу зависимых и угнетенных низов, не довольствуясь только внешней эксплуатацией.*** На этом этапе в сферу отчуждения попадает уже наиболее внутренний интимный ресурс человеческого существа — его сугубо персональная экзистенция. ***В информационном обществе впервые в человеческой истории исчезает жесткое разграничение между внутренним пространством человеческого индивидуума и внешним миром, представленным для современного человека в виде информационного потока.*** Отношение между личностью

и средой превращается из классической замкнутой ленты, где внутренняя сторона является границей обороны «я» против давления внешнего мира, в ленту Мёбиуса, в которой не существует ни внешнего, ни внутреннего. Человек становится «терминалом» в информационном потоке, который при ближайшем рассмотрении есть поток управляемого количества.

Лента Мёбиуса как новая модель отношений человека со средой есть та парадигма, которая на корню исключает саму возможность оппозиции и протеста, делая, таким образом, тиранию — царство несвободы — беспросветной.

Конец марксистского дискурса

К 40-м годам XIX века молодые интеллектуальные силы Европы, ненавидящие монархо-помещичье окружение, феодально-капиталистический истеблишмент, устали от бесплодного интеллектуализма университетских кафедр. Им казалось, что философия, существовавшая к тому моменту двадцать три столетия, только вспахала почву, но не способна чисто интеллектуальным ресурсом осуществить прорыв к преображению человеческой истории, потому что в нее, философию, встроен изначальный дефект: идеализм.

«Идеализм» для тогдашних борцов со старым миром означал пребывание в виртуальном, бесплодную схоластику. «Философы различным образом объясняли мир, — говорил Маркс, — дело же заключается в том, чтобы его изменить». С марксистской точки зрения, невозможно было изменить мир путем постижения его сути, когда интеллектуальное понимание мира господствует над опытом. Казалось, что ответ на «основной вопрос философии» в пользу материи дает возможность вырваться из виртуального дискурса на оперативный простор работы с «веществом», будь то «вещество» человеческое, экономическое или социальное.

Материализм главных сил тогдашней оппозиции был обусловлен тем, что на первый план выдвигался примат организации, даже более конкретно — организационных форм. Именно работа со структурами эмпирического мира позволяла впервые для сил контрэлиты подготовить прорыв к политическому господству.

Сегодняшняя цивилизационная ситуация характеризуется совершенно противоположными акцентами. *Приоритет в методиках интеллектуального авангарда перешел с «организации» на «смысл»: сегодня главное — это работа со смыслами, осознание смыслов, рассмотрение смыслов как доминантной, непосредственно данной в опыте реальности.* Современная деятельность в мире — будь то революционная или консервативная — рассматривает «вещественный» план как виртуальный, а «смысловой» как реальный.

Марксизм как универсальный язык оппозиции буржуазному истеблишменту основывался на том, что предметом отчуждения в процессе эксплуатации рабочего класса являлся конкретный материальный ресурс, перераспределяемый в пользу эксплуататоров. Однако именно ограниченность этой позицией привела к стратегическому поражению протеста, построенного на марксистских предпосылках. Выше мы отметили, что истинный субъект господства стоит над взаимоотношениями чисто экономического порядка и не зависит от распределения материального ресурса в рамках непосредственной организации как производственного, так и рыночного процессов. Более того, суперэлитарная глобальная

корпорация сама использует класс собственников и организаторов производства как посредников по предоставлению им необходимого материального ресурса по требованию. Современный капиталист является объектом политического рэкета со стороны подлинных господ, так же как и в феодальные времена. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть роль наблюдательных советов при транснациональных корпорациях, в которых заседают персоны с архаическими титулами и громкими историческими фамилиями.

Сегодня стало очевидным и лишь требует окончательной формальной констатации то, что марксистским методом больше нельзя описывать существующую действительность в ее глобальных пропорциях. Кроме того, даже в рамках социально-экономических отношений не существует больше тех реальностей, которые казались незыблемо очевидными еще полвека назад. Сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата. За пределами таких крайних полюсов, как суперэлита, стоящая над человечеством, и мировой гарлем с его неизбывной нищетой, который находится в самом низу социальной пирамиды, все остальное представляет собой броуновское движение деклассированного элемента, экономическая и социальная судьба которого является предметом случая. Одни и те же, по сути, люди оказываются то в статусе бродяг и изгоев, то скоробогачей, заполняющих страницы светской хроники… Скоробогачи, в свою очередь, превращаются в бесприютных изгнанников, находящихся в международном полицейском розыске и т.д. Социальная жизнь превращается в гигантскую рулетку, в которой миллиарды проигрывают в силу беспощадной статистики и математических законов теории игр. Поэтому бессмысленно описывать параметры социальной борьбы и революции, исходя из представления об экономических классах как устойчивых категориях, которым присущи постоянные парадигмы классового сознания. *Силам протеста, для того чтобы быть адекватными противнику, который стоит перед ними, и революционным задачам, которые они должны решить, необходимо вернуться к фундаментальным категориям большой истории, в которых только и можно описать смысл человеческой драмы на земле именно как драмы* ***метафизического*** *предназначения человека.*

Собственно говоря, именно это и имел в виду Маркс, говоря о преодолении отчуждения и переходе из царства необходимости в царство свободы. По сути дела, он пользовался религиозными категориями. Однако этот метафизический слой марксистского видения истории не обеспечивался ни философски, ни методологически. Перед Интернационалом XXI века стоит задача восстановить провиденциалистское измерение своей освободительной миссии, без которого невозможно разгромить тираническую корпорацию, бесспорно обладающую метафизическим видением и пониманием своего статуса и своих задач по отношению к человечеству и вселенной.

Именно поэтому материализм Маркса и Энгельса соответствует ушедшему в прошлое менталитету, исчезнувшей эпохе и представляет собой доктринальную обузу. Однако это не значит, что претензии к старой философии, сформулированные «классиками», можно снять. Мир по-прежнему надо изменять, а не объяснять; только теперь это волевое изменение осуществляется не в организационно-структурной, а в смысловой сфере.

Этой новой задаче в полной мере соответствует только новый метод мышления — политическая теология. Он представляет собой беспрецедентную в истории мысли форму постидеализма, которая основана на парадоксе Откровения.

Полюса «свободы» и «тирании» в современном мире

Основополагающими понятиями, на которых должно строиться мировоззрение нынешних протестных сил, являются, бесспорно, категории «свобода» и «тирания». В предыдущие времена было сделано многое для того, чтобы затемнить смысл этих слов, банализировать их и дать им узкое, зависимое от частных обстоятельств объяснение. «Свобода» как свобода выбора, экономические возможности, политический ресурс и т.п. есть, бесспорно, профанация этой категории, сутью которой на самом деле является внутренняя онтологическая независимость личного сознания. Именно такое понимание свободы дает гарантию ее подлинности и проводит водораздел между человеком, понятым как объект обстоятельств, и человеком, который является смыслообразующим субъектом. В самом деле, свобода, интерпретированная механическим или количественным образом, не предполагает, что ее носитель или тот, кто ее лишен, вообще заслуживает существования и имеет какой бы то ни было онтологический смысл.

Итак, именно личностное сознание, взятое как интимный экзистенциальный центр воспринимающего мир живого существа, есть единственный источник политической воли и реальной свободы. Речь идет о «свободе», понятой не механически, как «свобода выбора», а как абсолютное различение «уникального внутреннего», которое есть вместе с тем гарантия индивидуального сознания, и «всеобщего внешнего», будь то природа, социум или информационный поток. Свобода как безусловное различение «точечной экзистенции внутреннего» и «протяженного внешнего» — это и есть подлинное бытие конкретного смертного человека, осознающее себя *бытие нетожества* ***всему.***

В нашем понимании, однако, свобода, представляющая собой фундаментальное различение и независимость внутренней экзистенции от внешней среды, становится одновременно и теологическим, и политическим концептом. Через восстановление подлинного содержания понятия свободы мы создаем пространство политической теологии, в котором возможна интеграция сил, до этого считавшихся разнородными: сил религиозного нонконформизма и сугубо политического протеста.

В видении нового Интернационала «свобода» не является ни предметом этических и философских спекуляций, ни разменной монетой сиюминутных политических технологий. Это онтологическая база, которая обеспечивает саму возможность политической и исторической воли, саму способность к глобальному проектированию, открытость человека как вселенского феномена к возможностям, бесконечно выходящим за рамки ограниченного жизненного опыта отдельных индивидуумов. ***«Свобода» в пределе есть то состояние сознания, которое присуще особой породе людей, способных к святому самопожертвованию и героизму, и которое должно восторжествовать после того, как потерпит поражение онтологический враг свободы в этом понимании — глобальная сверхэлита, воплощающая корпоративно совершенно противоположный проект.*** То, что противостоит свободе, — это космистский гуманизм для избранных, религиозный антропоцентризм, при котором вновь и вновь фараон, кесарь, а сегодня и новое воплощение этих властителей рассматривают себя как Бога на земле.

Отсюда следует, что главная цель футурократов — упразднить эту свободу, уничтожить различие между «внутренним» и «внешним», сделать человеческую личность терминалом в информационном потоке и, таким образом, «отменить» онтологическую базу воли к сопротивлению и к власти, идущей снизу, от подавляемой личности.

Финализм — теология нового Интернационала

Большинству людей, выросших в иудеохристианской культуре, но являющихся агностиками, «Откровение» кажется банальным бессодержательным термином, за которым не кроется ничего, кроме поповских басен. Это их проблема. Сам термин «Откровение» представляет собой гносеологический парадокс: не интуиция, не опыт, не созерцание — короче, никакая из форм познания, основанных на нормальной взаимосвязи между объектом и субъектом. Но это и не солипсизм неокантианского типа, ибо источник «Откровения» — вне воспринимающего субъекта. С точки зрения нормальной гносеологии — будь она эллинской или китайской, — «Откровение» есть техническая невозможность. В этом его абсолютная новаторская сила.

Центр теологии, построенной на Откровении, — финализм, бросающий вызов неопределенности и гомогенности привычного опыта. Все существующее в «нормальной» системе субъект-объектных отношений — это бесконечно перетекающая из одного в другое лента бытия, где, согласно древней мудрости, «что вверху, то и внизу». *Во врожденном человеку пантеистическом первоощущении нет никакой разницы между прошлым и будущим (время циклично), внутренним и внешним, жизнью и смертью.* Это у марксистов называлось «диалектикой».

Финализм предполагает безусловный разрыв. Это — как пробой сплошной гомогенной субстанции, который дает эффект незатягивающейся «черной дыры». Суть теологии в том, что этот разрыв мировой ткани дает смысл всему именно благодаря тому, что становится концом всего. ***Противостояние простому самотождеству бытия есть революционный прорыв в смысл.*** Пантеизм бессмыслен, в мировых метафизических системах смысл отсутствует. Там есть мудрость, есть понимание всего и вся. Смысла нет! Смысл — это то, «ради чего». В пантеистическом сознании, где абсолют перетекает сам в себя, как лента Мёбиуса, отсутствует вектор «ради».

Человек является центральным носителем финализма, поскольку осознает собственную смертность. Это абсолютный финал его как конкретной личности и вместе с тем залог того, что «времени больше не будет». Финализм — это откровение о конечности истории, конечности всего материального мира, опирающееся на безусловный факт личной смерти любого. В пантеизме человеку не дают осознать этот финализм. Его учат, что конец его как здесь живущего индивида означает перевоплощение в другом мире, или же, в случае материалистического «пантеизма», бессмертие в социуме в виде своих потомков, своих дел, своего доброго имени и т.д.

Понятно, что финализм наносит жесточайший удар по многовариантному концепту сплошной, пронизанной аналогиями реальности, на которой зиждется общественная дисциплина и в конечном счете господство объекта над субъектом.

Смертный человек в политической теологии есть представитель Бога, который являет абсолютную антитезу и абсолютный финал для любой длительности, протяженности, конец и отмену любого объектного утверждения. Собственно говоря, это и есть монотеистический принцип: «все, что ни есть, все, что ни помыслено — это не Бог». Современные люди не способны к ясному различению между монолатрией (поклонением одному) и монотеизмом (поклонением тому, что представляет собой категорическую оппозицию всему, финал всего). Например, культ «золотого тельца», религия денег — это форма монолатрии. Из широкого спектра идолов для поклонения избран один — деньги. В сфере чисто конфессиональной клерикалы ведут борьбу за то, чтобы интерпретировать монотеизм как монолатрию: из возможных концептов и имен «божества» выбрано одно,

на котором сходится цивилизационный консенсус. В действительности ***монотеизм есть исходящая из самых недр субъективного глубокая волевая перестройка сознания, в котором в качестве приоритетного центра — смысловой оси — выбрана оппозиция всякому возможному бытию.*** Это альфа и омега рождения к тому парадоксальному смыслу, которое бытие в себе не содержит.

Организующая мысль теологии, которая, напомним, является фундаментальным выражением *постидеализма*, есть следующая: конечность человека — это краеугольный камень всего мироздания, то, что в результате оборачивается конечностью всего бытия. Человек поставлен Богом в качестве Его представителя в центре вещей не как «аналог» Бога, подобный Ему в атрибутах «величия» и «безграничности»; нет, он является наместником трансцендентного Субъекта именно в роли конца всех вещей, в центре которых поставлен. Но эта же мысль есть главная историософская мысль политического ислама.

Политический ислам

Исторический ислам, бесспорно, предстает последним воплощением монотеистического сознания.

Ислам ненавидят и сверху, и снизу. Его подвергают шельмованию со стороны власть имущих, описывая как цивилизацию агрессии и террора. Его же боятся и критикуют «левые», обвиняя в нарушении прав человека, патриархальном отношении к женщине, клерикальных претензиях на контроль за политической и экономической жизнью и т.п.

Легко доказать, что фактологически эти обвинения легковесны. «Агрессивность» ислама становится дурной шуткой на фоне того, что демонстрировал в течение многих столетий Запад: Столетняя, Тридцатилетняя, Семилетняя и прочие войны, две мировых и т.д. Однако западные идеологи, обвиняя ислам в агрессии, имеют в виду не то, что он организовал больше кровопролития, чем европейцы (это было бы явной ерундой), а вполне реальную вещь: ислам есть стратегически безупречная организация внутреннего сопротивления господству объекта над человеческим фактором. Поскольку современная западная цивилизация солидаризуется с объектным полюсом бытия, успешное противостояние ему должно восприниматься как агрессия.

Критика ислама основана на двух расхожих недоразумениях, или, точнее, двояком непонимании того, чем является религия. Первый аспект этого непонимания связан с представлением западных людей о религии, которое восходит к Сократу и к стоикам. Согласно этому представлению, религия есть личная мораль, индивидуальный этический кодекс, которым одинокий человек руководствуется в простом и жестоком мире. Другое же недоразумение, характерное для «левых», сводится к представлению, что религия — это особая функция жреческой касты, которая должна быть выведена за рамки общественного договора. Тот, кто вводит религию в политику, якобы перестраивает общественный договор под организационное присутствие в этом договоре попов.

Ислам не имеет отношения к этим нелепым представлениям. ***Проект, явившийся в мир с началом деятельности Пророка Мухаммада (который являлся продолжателем миссии всей цепи авраамических пророков), есть не что иное, как тотальное духовное и политико-экономическое наступление на всемирную абсолютную власть жрецов и выдвинутую ими в качестве высшей исполнительной инстанции сверхэлиту.*** В этом

смысле следует буквально понимать слова Хомейни: «Наша религия — это и есть наша политика».

Ислам категорически антиклерикален и не является индивидуальным кодексом поведения. Это стратегия внутреннего человека, который должен каким-то образом обыграть тюремщиков и захватить тюрьму. Бежать из тюрьмы — бесполезно, нужно победить в ней с тем, чтобы ее уничтожить. Это можно сделать только силами всех заключенных. Именно в этом и состоит главная социально-политическая разница между исламом и другими религиозными традициями: другие предлагают бежать, а бежать, как известно, лучше в одиночку. Увы, поймают!

Конкретным результатом исторической деятельности ислама в мире сегодня является появление нового типа общности, который мы вынуждены назвать известным словом «диаспора». Раньше под ним понималась находящаяся за пределами своей исторической родины и рассеянная среди других народов этническая общность. Теперь же в это слово следует вкладывать новое значение. Это общность, которая, будучи рассеянной среди других народов, связана внутри себя не этническими, а идеологическими и провиденциально-историческими узами. ***«Диаспора» есть противоположность землячества и должна выступить в качестве нового организатора будущей мировой революции.***

Субъект сопротивления Системе

Такая цель предполагает, разумеется, отнюдь не пролетариат в качестве мессианского «класса-освободителя». Проблема пролетариата изначально состояла в том, что он по своей функции не был *политической корпорацией*. Пролетариат — это *экономически* угнетенная часть общества, которая мечтает, в первую очередь, об экономическом улучшении своей ситуации. Пролетариат может осуществлять свою пресловутую диктатуру, только делегируя свои полномочия «гегемона» ордену меченосцев — профессиональным революционерам. Кому нужен такой социальный мессия, который «управляет», продолжая вкалывать в шахтах и на фабриках, а от его имени командуют бойкие люди разночинного происхождения?

Субъект революционной оппозиции должен быть уже по своей природе, по своему социальному бытию органически *вброшен* именно в политику, а не, например, в поточное производство. *Таким субъектом сегодня является только диаспора — многочисленное собрание перемещенных лиц с нарушенными почвенными, этническими, клановыми и даже семейными связями, которые в силу объективных обстоятельств, с одной стороны, противопоставлены среде, а с другой стороны, не изолированы от нее, принуждены с враждебной средой взаимодействовать и конкурировать.*

Современная диаспора есть рассеяние лиц, которые по образу жизни и менталитету противоположны этническим землячествам. Более того, эмиграция под влиянием *сугубо* экономических обстоятельств сама по себе не создает диаспор, она создает живущие на чужой территории меньшинства, спаянные теми же традициями почвенной солидарности, которые существовали на их исторических родинах. Диаспора начинается только после разрушения этих этнических гетто, после того как наиболее активной пассионарной части этих меньшинств становится ясно, что они находятся в тупике земляческой замкнутости и обречены на маргинальное вырождение во враждебной и бесконечно более мощной среде.

Однако, вырываясь за пределы кланового, этнического круга, эти пассионарии должны взаимодействовать друг с другом на новой основе, им нужны устои новой солидарности. В прошлом такими устоями могла быть рабочая солидарность, марксистская левая солидарность обездоленных. Однако в условиях глобальной люмпенизации масс — как в социальном спектре так называемого «среднего класса», так и на низах общества, — такой левый проект классовой солидарности становится все более химеричным.

Поэтому в пространстве атомизированных и лишенных внятных сословных привязок людей, составляющих население мировых мегаполисов, единственным принципом, гарантирующим солидарность как основу борьбы за выживание, становится теологический принцип.

Под этим *теологическим принципом* подразумевается прежде всего причастность к великому проекту вселенской справедливости, центр которого находится не в социальных условиях, не на уровне человеческих данностей, а за пределами обыденного. Это — причастность к метапроекту, ставшему провиденциальной осью человеческой истории, ее смыслом. Осознавший себя таким образом человек диаспоры возвращается к своеобразному метафизическому «марксизму» через теологию, через чувства трансцендентной оппозиции несправедливому и абсурдному бытию. Отсюда, из этой теологии, он рождается заново для нового переживания братства, которое было неведомо в этнических мафиозных круговых поруках прежней земляческой солидарности.

Теологическая диаспора несет в себе этот освобождающий принцип «братства через смерть» — осознание того, что ты являешься братом тебе подобных людей, потому что вы стоите перед лицом смерти. Но если для не включенной в диаспору массы человечества этот общий конец — мрак коммунального рва, растворение во внешних сумерках, для братства диаспоры смерть является внутренним, принятым в себя освобождающим началом.

В землячестве эти люди были «братьями» по матери-земле, по почве. В этом смысле они были обычными людьми, просто оказавшимися в невыгодных обстоятельствах. Обычные люди — братья друг другу, потому что они родились из одной утробы. ***Люди диаспоры — братья друг другу, потому что они сделали своим отличительным знаком переосмысленную ими теологически смерть.***

Вот эта идеальная парадигма является тем, что полностью раскрепощает внутренний потенциал людей диаспоры, мобилизует их бессознательное, делает их главной политической силой современности, противостоящей харизматической сверхэлите, которая опирается на свой метафизический проект.

Диаспора оказывается (в качестве единственно возможного в нынешних условиях мирового социального класса с освободительной миссией) базой для контрэлиты, которая, поднимаясь из ее недр, оформляется в революционный авангард — организованную политическую силу, четко проговаривающую тезисы своего видения мира, своей политической идеологии и своей историко-политической программы. Эта контрэлита есть оформленный во всемирную партию Интернационал нового типа, бросающий вызов футурократам.

Как контрэлита бросает этот вызов? Прежде всего, опираясь на особое теологическое самосознание мировой диаспоры, она взрывает всеобщность контроля, устанавливаемого над человечеством информационными средствами. Люди, порвавшие все почвенные коренные привязки и ставшие братьями через солидарность в смерти, более не

управляемы политтехнологиями, которые известны современным медиамагнатам, и не могут манипулироваться через психотехники, построенные на знании бессознательного обычных людей. Там, где стоит человек диаспоры, информационная пелена прорвана и из всеобщего потопа проступает сухая земля.

Далее, в силу этой свободы от информационного дурмана, контрэлита более не путается в политических брендах и старых, уже не эффективных политических традициях, она стоит по ту сторону «левого» и «правого», она не играет по схемам, вычерченным политтехнологами и юристами при административном аппарате Системы. Более того, контрэлита видит Систему во всей ее объективной сути, враг становится прозрачен и понятен, маски сорваны, никакими ухищрениями Система впредь не сможет сменить глобальные политические задачи подлинной оппозиции на частные и никуда не ведущие социальные и экономические цели, которыми характеризуется *псевдооппозиция.*

Понятно, что идеология контрэлиты, вышедшей из недр теологически самосознающей диаспоры, не может быть «материалистической» и «научной», т.е. не может контролироваться мифами, характерными для уже проигравшей и ушедшей в прошлое формы сознания.

Организаторами диаспоры являются люди, которые в силу своей врожденной экзистенциальной природы представляют собой пассионарных нонконформистов, готовых к самопожертвованию во имя отстаивания внутреннего экзистенциального пространства от агрессии среды. Это тип «одиноких героев», который уже с началом нового времени представлял собой касту профессиональных революционеров, бродильный элемент и организаторов масштабного социального беспорядка. Именно на этот тип людей делал ставку Огюст Бланки. Именно они составляли кадровую основу русского народнического эсеровского, а позднее — большевистского движения. Именно их имел в виду Ленин, говоря о партии профессиональных революционеров.

Наше новое понимание сути этой категории людей состоит в том, что мы не рассматриваем их как функциональный инструмент, осуществляющий освободительную работу в интересах какого-то другого, «подлинного» субъекта революционного процесса. Мы не рассматриваем их как «менеджеров» революции.

Для нового Интернационала пассионарии, противостоящие Системе, есть законные наследники особого типа людей, которые в традиционном обществе составляли касту воинов. Эта каста была лишена собственного органического бытия и использовалась власть имущими в качестве силовой стабилизации общества, охранительной силы на службе духовного авторитета. Когда сверхэлита решила встретить планетарный социальный кризис, наступивший с концом европейского средневековья, и образовать новую, синтетическую корпорацию власти — коллективного фараона сегодняшнего дня, каста воинов была принесена в жертву как самостоятельная часть макропирамиды. Не секрет, что сегодня военно-силовое измерение тиранического порядка осуществляется бюрократами в мундирах и бездушными функционерами-наймитами, которые не имеют никакого отношения к мистерии жизни и смерти, присущей экзистенциальному пространству воинской традиции. Уже давно воинская добродетель вытеснена в сферу социальной оппозиции, и фактическими наследниками воинской касты стали подпольные группы сопротивления и полевые командиры, ведущие борьбу с Системой по всему миру.

Именно «одинокие герои» — наследники воинской касты, профессиональные революционеры, нонконформисты-пассионарии как на уровне ума, так на уровне тела —

составляют сегодня не просто политический менеджмент революции, но ее осевой субъект, который может быть и должен быть поддержан массовым социальным сопровождением со стороны всех недовольных и обиженных Системой. Эти широкие низы обездоленных составляют массовку революционного действа, которое организуется и осуществляется новой социально-политической корпорацией оппозиционных пассионариев. Именно эта корпорация и должна составить основу вооруженного самоуправления снизу, которое придет на смену глобальному олигархическому сверхгосударству, обслуживающему «коллективного фараона современности».

Для того чтобы быть в состоянии осуществить эту задачу, пассионарии мира должны объединиться на платформе единого теолого-политического дискурса, который станет новым методом исследования и понимания окружающей реальности и путем к формированию всемирной сети Советов, являющихся одновременно партией нового типа — всемирной интернациональной партией вооруженной народной демократии прямого действия.

Задачи, которые открываются перед такой мировой оппозицией, могут быть решены лишь на платформе политической редакции монотеизма.

Задачи Интернационала нового типа

Первоочередной задачей Интернационала нового типа является формирование интеллектуального ядра, которое способно осмыслить сам этот Интернационал как метафизический проект во всей его полноте.

Далее, на основе этого проекта должна быть развернута широкая идеологическая платформа, которая соберет максимально развернутый спектр оппозиционных Системе сил. В таком случае эта идеология получит успех, став доминирующей формой политического самосознания мировой диаспоры. Но и диаспора, в свою очередь, превратится в лидера, в авангард угнетенных и обездоленных, выражая интересы не только перемещенных лиц, но и автохтонов, угнетаемых на своей собственной почве.

Структурирование диаспоры как авангарда угнетенных и обездоленных должно протекать как создание по всему миру сети ***советов****, представляющих собой зерна альтернативного источника власти.* Эти *советы* вберут в себя наиболее пассионарный элемент диаспор, причем частью диаспоры неизбежно станут и антисистемные элементы из автохтонной среды. Проще говоря, человеку, для того чтобы войти в диаспору, не обязательно быть перемещенным лицом, *инородцем.* Появившись на свет и живя безвыездно в своем собственном городе, он может сознательно усвоить диаспорное сознание как способ вхождения в мировой политический авангард, противостоящий Системе.

Советы, развернутые по всему миру как сеть автономных центров самоуправления, вместе с тем координируются на базовом уровне единой идеологической платформой и общими задачами. Однако необходима и практика делегирования на более высокий уровень представителей советов, для того чтобы практическая ежедневная координация осуществлялась в масштабе стран, регионов и в конечном счете всего мира. Только тогда такая организация диаспоры сможет начать деятельность по конкретному блокированию (изолированию) международной бюрократии, контролю над слабейшими звеньями национальных местных бюрократий, что, в свою очередь, должно повести к

изолированию властных кланов суперэлиты, которая проводит свои проекты по методологии «клубного влияния». Клубы и наблюдательные советы транснациональных корпораций — вот те центры, через которые происходит координация воздействия со стороны сверхэлиты на политический менеджмент большого социума.

Поэтому следующим этапом после блокирования бюрократических структур должно стать создание антагонистических условий для деятельности транснациональных корпораций в разных районах мира.

Решение этих задач открывают возможность достичь целей, которые в метафизическом проекте стоят перед мировой оппозицией.

Цели Интернационала нового типа

Жесткая и прозрачная организация древнего общества в форме классической пирамиды, каковой была открытая иерократия (власть жречества), сменилась более изощренным и гибким построением социума, дающего правящему классу неизмеримо большие возможности и неизмеримо более высокий уровень отчуждения как материальных, так и тонких ресурсов от угнетаемых масс. Переход к броуновскому движению огромного человеческого муравейника, заключенного между двумя полюсами сверхбогатства и сверхбедности, не означает, что речь идет теперь о какой-то другой, нежели пирамида, геометрической фигуре. Просто все промежуточные этажи пирамиды превратились в ее нижнюю базу, и произошел полный разрыв социальной солидарности между верхушкой и обслуживающим ее политическим аппаратом, привилегированной частью среднего класса, нуворишами, которые откупаются от сверхэлиты частью случайно наворованных богатств и т.д. Сверхэлита успешно противопоставляет себя всем слоям общества, которые включены в луч несвободы. От этого метапирамида господства становится только стабильнее.

Перед лицом субъекта тирании — одного и того же сквозь тысячелетия истории и меняющиеся цивилизационные формы — силы мирового протеста до сих пор носили аморфный противоречивый характер. Маркс остро чувствовал необходимость субъектной фиксации того социального противостояния, которое разлито в человечестве, захватывая практически все слои населения (ведь известно, что многие лидеры социального протеста происходят из обеспеченных и образованных слоев общества).

Однако определение этого субъекта сопротивления в качестве пролетариата было если не безусловной ошибкой, то, в любом случае, временной мерой, созданием суррогата. Не было ни одной успешной социальной революции, в которой пролетариат играл бы сколько-нибудь значительную роль. А там, где играл, революции кончились поражением!

Успешные революции осуществляются более или менее структурированными кадрами контрэлиты, которая осознает в данное время и в данном месте свое субъектное начало и призвание противостоять Системе. Задача сегодня заключается в том, чтобы мировая контрэлита осознала себя как глобального антисистемного субъекта оппозиции, генерирующего политическую волю к конфронтации с харизматическим кланом правителей («синтетическим фараоном») и способность делегитимизировать его в сознании и в сердцах подавляющего большинства простых людей.

Интернационал есть первый шаг к организационному оформлению мирового субъекта противостояния Системе, который ставит вопрос в первую очередь не о переделе материальных благ, как бы несправедливо они ни распределялись, но о взятии высшей политической власти в интересах контрэлитного типа сознания, которому должна принадлежать будущая история человечества.

Очевидно, что, формулируя цели нового Интернационала, надо исходить из возможностей типа “минимум”, “медиум” и “максимум”. Реализация минимального уровня предполагает, что Интернационал нового типа добивается уровня влиятельности, сравнимой с влиятельностью Коминтерна середины 20-х годов. Коминтерн в то время опирался на ресурс Советской России, которая еще не стала сталинской, т.е. не превратила Коминтерн в орудие своих имперских амбиций, а, напротив, еще продолжала работать на него как на штаб мировой революции. У Интернационала нового типа такой Советской России уже нет и в обозримом будущем не предвидится. Именно диаспора, руководимая контрэлитой, оформленной во всемирную сеть советов, и должна компенсировать тот организационный и силовой ресурс, который воплощался в первом государстве победившего социализма. Преимуществом диаспорного варианта является отсутствие угрозы перерождения партийной госбюрократии из революционеров в национал-большевиков, а позднее — просто великодержавных империалистов со всеми горбачевско-ельцинскими последствиями. Исторический опыт показывает, что делать мировую революцию, исходя из победы антисистемных сил в отдельно взятой стране, невозможно: интересы национальной бюрократии всегда берут верх над интернациональными целями, которые опасны в своей реализации для шкуры любого местного аппарата.

Если этот минимум достигнут, открывается перспектива на достижение медиум-цели: Интернационал нового типа становится альтернативным мировым правительством. Это означает, что любому политическому движению со стороны международной бюрократии, за которой стоит сверхэлита футурократов, новый Интернационал способен противопоставить аналогичное контрдвижение, которое фактически разрушает контроль со стороны Системы над общим ходом мировой истории. Само по себе это уже создает предпосылки для глобального кризиса, который необратимо переходит в экономический и социальный хаос, без шансов стабилизации силами международного менеджмента.

После этого открывается возможность начать управляемую мировую революцию, в ходе которой новый Интернационал берет власть в мировом масштабе, оказываясь впервые в истории человечества ***штабом управления миром со стороны униженных и обездоленных,*** без этнических и почвенных различий и не используя больше бюрократические государства как инструмент планетарной политики.